

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФГБОУ ВПО «МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

ЗАПАД-ВОСТОК

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

Йошкар-Ола, 2014

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION

MARI STATE UNIVERSITY

RUSSIAN SOCIETY OF INTELLECTUAL HISTORY

EAST-WEST

SCIENTIFIC AND PRACTICAL YEARBOOK

Основан в 2008 году
Выходит один раз в год

ББК Ф2я53

Включен в базу РИНЦ

Редакционный совет:

И. Шварц,
Институт истории Восточной
Европы Венского университета,
Австрийская Республика
Н. Л. Пушкарева,
Центр этногендерных
исследований Института
этнологии и антропологии РАН,
Российская Федерация
М. Даниш,
Университет Данубиас,
Словацкая Республика
И. И. Шарифжанов,
Казанский (Приволжский)
федеральный университет,
Российская Федерация

И. Р. Чикалова,
Белорусский
государственный
педагогический университет,
Республика Беларусь
В. Кейдан,
Университет г. Урбино,
Итальянская Республика
Л. Гарбулева,
Прешовский университет,
Словацкая Республика
Е. П. Серапионова,
Институт славяноведения РАН,
Российская Федерация

Редакционная коллегия:

Г. В. Рокина
(главный редактор)

Г. Ф. Горбашова,
канд. ист. наук, доцент
О. Б. Земцова,
канд. пед. наук, доцент
Е. В. Колесова,
канд. ист. наук, доцент
Е. В. Лежнина,
канд. ист. наук

Ю. С. Обидина,
д-р филос. наук,
профессор, Марийский
государственный университет,
Российская Федерация
О. Н. Сутырина,
канд. ист. наук, доцент

ISSN 2227-6874

© ФГБОУ ВПО «Марийский государственный
университет», 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

В год 100-летия начала Первой мировой войны мы посвящаем этот номер ежегодника памяти тех дней, когда Запад и Восток погрузились в многолетний хаос разрушительной кровавой бойни. Ученые-историки, искусствоведы, дипломаты, школьные учителя, работники архивов – авторы научных статей и публикаций впервые вводимых в научный оборот источников – всех нас объединила единая тема мировой войны и «Человека на войне».

Самые различные проблемы истории Первой мировой войны нашли отражение в публикациях этого номера ежегодника: история предпринимаемых дипломатических усилий российских дипломатов по предотвращению мирового конфликта представлена в статье Л. В. Полушиной. Статья примечательна тем, что автор напрямую связан с современной российской дипломатией – Л. В. Полушина – представитель МИД России в г. Йошкар-Оле. Продолжает тему истории дипломатии в годы войны статья ученого из Арзамаса А. В. Шандры, в которой отражена ближневосточная проблема во внешней политике ключевой участницы войны – Великобритании – на завершающем этапе войны. Отношение народов Австро-Венгерской монархии к войне, чехов и словаков, и их участие в чехословацком легионе раскрыты в статьях словацкого ученого М. Даниша и старшего научного сотрудника Института славяноведения РАН Е. П. Серапионовой.

Ключевой темой ежегодника стала проблема «обратной стороны войны»: судьбы людей воюющих держав – России и Австро-Венгрии. Интерес к данной теме во многом связан с проблематикой научных исследований авторов издания. О трудном выборе чешского солдата пишет молодой ученый из Самары О. В. Терехина; уникальные материалы о судьбах уроженцев Марийского края, прошедших немецкий плен, представлены в статье О. М. Герасимова. Теме войны в Поволжье посвящены статьи ученых из Чувашии (С. И. Бойко) и Марий Эл (Н. Лукиных, Е. Попова), особое место в этих статьях занимают вопросы призыва, случаев дезертирства, а также пребывания иностранных пленных на территории Казанской губернии.

С темой войны связаны и публикации документов и материалов этого номера ежегодника. Солдатский дневник уроженца Вятской губернии времен Первой мировой войны и редкие документы из коллекции музея города Йошкар-Олы – источники для последующих исследований ученых.

Традиционно наш ежегодник публикует результаты гендерных исследований в гуманитарных науках. В этом номере впервые публикуется статья ведущего ученого в данной области Н. Л. Пушкарёвой, в которой рассмотрен феномен материнства в современных философских, социологических, психоаналитических концепциях.

Среди авторов раздела «Хроника» – учительница истории йошкар-олинской гимназии Т. Богатырёва, которая представила информацию о городском конкурсе ученических работ, посвященных Первой мировой войне. Здесь же подробно освещены две международные конференции в Словакии, в которых участвовали члены российско-словацкой комиссии историков РАН.

С этого номера наш ежегодник расширил редакционный совет: в его состав вошли профессор Института истории Восточной Европы Венского университета (Австрийская Республика) Искра Шварц и доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра этногендерных исследований Института этнологии и антропологии РАН Наталия Львовна Пушкарёва.

Редакционный совет и редколлегия ежегодника благодарят всех авторов и рецензентов, сотрудников лаборатории этногендерных исследований, редакционно-издательского центра Марийского государственного университета за сотрудничество при подготовке этого выпуска и надеется на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

Г. В. РОКИНА, главный редактор

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

Л. В. Полушина

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ УСИЛИЯ РОССИИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье на основе материалов Историко-документального департамента МИД РФ показана хронология усилий российских дипломатов по урегулированию конфликта между государствами противоборствующих военно-политических блоков Антанты и Тройственного союза накануне Первой мировой войны.

Ключевые слова: российская дипломатия, Первая мировая война, международные отношения.

Первая мировая война – переломное событие начала XX века, изменившее облик Европы и всего мира. Это событие обернулось катаклизмом для огромного числа государств и завершилось утратой миллионов жизней, падением могущественных империй, становлением новых национальных государств, коренными переменами в системе международных отношений. Война оказала воздействие на судьбы миллионов людей, обусловила многие тенденции мировой политики, а по своей сути определила дальнейший ход развития человеческой цивилизации.

Для России, принявшей самое активное участие, война стала великим подвигом и вместе с тем – огромной трагедией, ввергнувшей страну в хаос революции и кровопролитной борьбы за власть. Была прервана эволюционная трансформация российского общества, подготовленная реформами второй половины XIX – начала XX веков.

Россия оказалась в уникальной ситуации, проиграв войну проигравшей Германии. Это явилось результатом стечения целого ряда обстоятельств, но главным из них стал курс большевистской партии, нацеленный на подрыв боеспособности страны и ее поражение. Характерно в этой связи высказывание У. Черчилля: «Ни к одной стране судьба не была так жестока, как к России... Она уже прошла через все бури, когда все обрушилось. Все жертвы были уже принесены, вся работа завершена».

В советскую эпоху всячески принижалось значение Первой мировой войны, считавшейся войной «империалистической», «мировой бойней», единственная «польза» от которой заключалась в создании предпосылок для Октябрьской революции. Замалчивалось то, что в российском обществе война вызвала небывалый патриотический подъем и была воспринята как Вторая Отечественная война. Почти не упоминалось о доблести наших солдат и офицеров, о массовом геро-

изме (погибло более миллиона, было ранено около 4 миллионов российских военнослужащих). За все годы советской власти не было установлено ни одного достойного общенационального памятника героям и жертвам Первой мировой войны.

Россия не хотела этой войны и всеми силами пыталась ее предотвратить (равно как и Балканские войны 1912–1913 годов). Министр иностранных дел С. Д. Сазонов и сам Николай II вплоть до последних дней июля 1914 года предпринимали усилия, направленные на дипломатическое урегулирование конфликта. Однако Германия уже приняла для себя решение и 1 августа объявила войну России, а 3 августа – Франции. 4 августа в войну вступила Великобритания.

Российские вооруженные силы не были должным образом реорганизованы и подготовлены к войне, однако с самой лучшей стороны проявили себя в боевых действиях. Ими были выиграны 22 сражения из 55, в которых они участвовали – Галицийская битва, Варшавско-Ивангородская операция, Мазурское и Праснышское сражения, Брусиловский прорыв и др.

Россия была верна союзническому долгу и не раз приходила на выручку партнерам по Антанте. В августе 1914 года Франция, оказавшаяся на грани поражения, обратилась к русскому правительству с просьбой как можно скорее начать наступление в Восточной Пруссии, чтобы ослабить германское давление на западном фронте. Российское командование не успело в полной мере подготовиться к проведению запланированной операции, но, не колеблясь, пришло на помощь союзнику. Платить за это пришлось дорогой ценой – разгромом армии генерала А. В. Самсонова. Однако немцы были вынуждены перебросить с Запада на русский фронт два корпуса, и Франция была спасена. Красноречиво признание французского маршала Ф. Фоша: «Если Франция не была стерта с лица земли и Париж не был взят в первые же несколько месяцев, то это только благодаря жертвенному наступлению русских».

И в дальнейшем стойкость русской армии сыграла существенную роль в том, что державы «Сердечного согласия» смогли выдержать натиск вражеских сил.

По просьбе французов на западный фронт в 1916 году были направлены четыре русские бригады (около 40 тыс. солдат и офицеров), которые принимали участие в боевых действиях на самых трудных участках и проявили исключительные отвагу и мужество.

Внешняя политика и дипломатия России сыграли активную роль в Первой мировой войне, способствуя повышению значения России как одного из важнейших международных политических, экономических и культурных центров. Впервые наши дипломаты столкнулись с задачами столь масштабными, от решения которых зависело само существование государства, потребовавших выхода на новый, более высокий уровень политической работы, налаживания интенсивных межгосударственных контактов в двустороннем и многостороннем формате [8].

Русские дипломаты активно содействовали укреплению союзнической коалиции, обеспечению взаимодействия со своими главными партнерами, добивались международной изоляции Германии, разрабатывали программу послевоенного сотрудничества. Достижением внешней политики Петербурга стали Босфорские соглашения 1915 года, хотя реализовать их так и не удалось.

В контактах с союзниками наши дипломаты не допускали ущемления национальных интересов, показали себя опытными и искусными переговорщиками.

Реальность военного времени потребовала от МИД России осуществления информационно-пропагандистских и контрпропагандистских функций, использования внешних рычагов для снабжения армии, заботы о военнопленных и т. д. Все больше заявляли о себе публичная и экономическая дипломатия. Происходила оптимизация структуры внешнеполитического ведомства, в рамках которого были созданы Отдел военнопленных, Особый политический отдел, Правовой и Экономический департаменты.

В годы войны обозначилась гуманитарная составляющая во внешнеполитической и дипломатической деятельности России: помощь раненым, поддержка российских подданных, застигнутых войной за границей.

Русские дипломаты проявляли личное мужество в чрезвычайных ситуациях (например, в посольстве в Сербии во время наступления войск противника). Многие были мобилизованы в действующую армию и пали на полях сражений.

Последние несколько лет перед началом Первой мировой войны характеризовались нарастанием кризиса системы международных отношений, осложненного многообразными конфликтами и противоречиями – межгосударственными, социальными, экономическими. В совокупности они вылились в 1914 году во всеобъемлющий кризис, приведший к началу беспрецедентной по масштабам вооруженной конфронтации. Катастрофа 1914 года явилась ключевым событием XX столетия, предопределившим судьбу многих стран и развитие международных отношений на десятилетия вперед.

Особенно тяжелыми последствиями она обернулась для России, которая совершенно не хотела этой войны и делала все возможное, чтобы ее избежать. Но логика развития международных отношений того времени неумолимо вела к вооруженному конфликту.

Россия была вынуждена ценой большого напряжения форсированными темпами реорганизовывать армию и восстанавливать флот, что не могло не сказаться на ее поведении в кризисных ситуациях, которые часто возникали в предвоенные годы. В этих условиях главной задачей российской дипломатии было максимально оттянуть угрозу назревавшей войны и поддерживать статус-кво в беспокойных регионах, прежде всего на Балканах.

Учитывая усиливающиеся противоречия и соперничество ведущих европейских держав – Франции, Англии, Германии и Австро-Венгрии на традиционных для России направлениях – в черноморско-средиземноморском и балканском регионах, русская дипломатия была вынуждена активизировать свою деятельность и определяться с союзниками и партнерами. Кроме того, ситуация, сложившаяся в результате дестабилизации обстановки в ряде азиатских государств, прежде всего в Китае, Иране и Турции, также требовала повышенного внимания и учета при выстраивании отношений с Англией, Францией, Германией и США. В этих условиях в правящих кругах Петербурга и в российском обществе в целом нарастало противоборство приверженцев, с одной стороны, германофильской, с другой – англо-франкофильской ориентации.

Заметное влияние на выработку внешнеполитических и военно-стратегических решений оказывал вплоть до своей кончины председатель Совета министров

П. А. Столыпин (1862–1911). Он, в частности, добивался поворота российской дипломатии к активному сотрудничеству с Англией и Францией, что ускорило оформление в 1907 г. Антанты, а также к переносу центра тяжести в деятельности российской дипломатии на европейское направление при сохранении внимания к азиатским и дальневосточным регионам.

Единомышленником Столыпина был министр иностранных дел в 1906–1910 годах, а с 1910 по май 1917 года посол России в Париже Александр Петрович Извольский (1856–1919). Выделявшийся своими способностями и широтой политических взглядов Извольский оставил заметный след в русской дипломатической службе начала XX века. Занимая пост министра, он реформировал российский МИД, (коренная реорганизация Центрального аппарата и реформа загранучреждений, направленные на повышение эффективности работы), обеспечил курс на сближение с Антантой, выступил с инициативой вынесения внешнеполитических вопросов на заседания Государственной Думы.

Указывая на опасность возникновения общеевропейской войны, Извольский видел два ее основных очага: один – на Балканах, другой – в антагонизме Германии и Франции, за которым стояло англо-германское колониальное соперничество. Он считал, что России не удастся избежать участия в этом «грандиозном конфликте». К возможности предотвращения войны Извольский относился с пессимизмом, считая, что все будет зависеть от Германии: «Если она ее желает, то война будет». Когда Извольский занял вакантный пост скончавшегося русского посла во Франции А. И. Нелидова, министром иностранных дел в 1910 г. был назначен Сергей Дмитриевич Сазонов, на долю которого выпали очень сложные и напряженные периоды в истории российской дипломатии¹.

Предтечей Первой мировой считаются так называемые Балканские войны, в которые в той или иной степени были вовлечены многие европейские державы.

Начавшаяся в конце 1912 года Первая балканская война Черногории, Болгарии, Сербии и Греции против Турции привела к укреплению влияния Антанты и России в частности. Это побудило Германию и Австро-Венгрию активизировать усилия по расколу Балканского союза, участники которого никак не могли договориться, как разделить отвоеванную у турок территорию. Попытки России выступить в этих вопросах посредником отклонялись.

В июне 1913 году началась Вторая балканская война. Состав участников конфликта изменился. На сей раз Греция, Сербия, Черногория, Румыния и Турция воевали с Болгарией, которую поддерживали Германия и Австро-Венгрия. Россия неоднократно предпринимала попытки примирить конфликтующие стороны, но они оканчивались неудачей. Причем русский МИД решительно возражал против намерений Турции пересмотреть условия так называемого Лондонского мира, завершившего Первую балканскую войну.

Вторая балканская война закончилась разгромом Болгарии, которая приняла все условия своих противников и лишилась не только некоторых своих приобретений в предыдущей войне, но и части собственной территории. Общий баланс обеих Балканских войн оказался в пользу России и ее партнеров, но Балканы так и остались узлом острейших противоречий.

---

¹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 340. Оп. 835. Д. 43. Л. 16–19.

Дипломатическая борьба той поры в значительной степени влияла на взаимоотношения ведущих европейских стран. Уступки России Центральным державам в некоторых вопросах вызвали неудовольствие у Франции и Англии, которые придерживались более жесткой позиции. Сазонов, будучи министром иностранных дел, чувствовал это острее других членов кабинета. Поэтому именно он ставил вопрос об опасности дальнейших уступок Германии и Австро-Венгрии.

Новый кризис был вызван появлением в Стамбуле германской военной миссии генерала Л. фон Сандерса, наделенного широкими полномочиями. Он даже должен был стать командующим турецким корпусом в Стамбуле. Этот шаг был расценен в России как попытка Берлина установить контроль над Османской империей и проливами. 23 декабря 1913 года [*здесь и далее даты даны по старому стилю*]. Сазонов представил царю записку, в которой убеждал Николая II, что примирение с новым успехом Германии «будет равносильно крупному политическому поражению и может иметь самые губительные последствия». «Оно не предохранит Россию от возрастающих притязаний Германии и ее союзников, начинающих усваивать все более неуступчивый и непримиримый тон во всех вопросах, затрагивающих их интересы. С другой стороны, во Франции и Англии укреплится опасное убеждение, что Россия готова на какие угодно уступки ради сохранения мира. Раз такое убеждение укоренится в наших друзьях и союзниках, без того не очень сплоченное единство держав Тройственного согласия может быть окончательно расшатано, и каждая из них будет стараться искать иных обеспечений своих интересов в соглашениях с державами противоположного лагеря»¹. Таким образом министр ратовал за то, чтобы Россия занимала в европейских делах более жесткую позицию и не шла на дальнейшие уступки Центральным державам. Император одобрил эту записку.

В январе 1914 года Сазонов предложил державам Антанты на постоянной основе координировать свою политику в балканских делах. Эта идея нашла отклик и была реализована в форме периодических совещаний послов России и Франции в Лондоне с английским министром иностранных дел. Россия предпринимала и другие шаги, направленные на консолидацию действий Антанты.

Однако июльский кризис 1914 года разразился раньше, чем российские дипломаты сумели полностью реализовать свои замыслы. На повестку дня остро встали два вопроса: готовы ли партнеры России поддержать ее и совместными усилиями не допустить унижения Сербии Австрией и готовы ли они в случае войны на почве балканских событий быстро и недвусмысленно принять сторону Петербурга? Сазонов сначала все-таки надеялся на мирное разрешение кризиса, полагая, что доказать причастность белградского правительства к покушению на Франца-Фердинанда в Сараево не удастся, а австро-венгерский император Франц-Иосиф не захочет кровопролития. Министр, как и Николай II, не собирался отдавать Сербию на растерзание.

Но в Петербург стали поступать сообщения о возможных последствиях убийства австрийского эрцгерцога в Сараево. Появлялась вероятность резких действий, включая военные, со стороны Австро-Венгрии. Сазонов дал указание российскому

---

¹ АВПРИ, Политархив. Оп. 482. Д. 33096. Л. 2–6.

послу в Вене Н. Н. Шебеко «дружески, но настойчиво» указать австрийскому министру иностранных дел Л. Берхтольду «на опасные последствия, к которым может привести подобное выступление, если оно будет иметь неприемлемый для достоинства Сербии характер»¹. Для России было очень важно договориться с Францией об общей линии поведения. В ходе визита в Петербург 7–10 июля внушительной французской делегации во главе с президентом Франции Раймондом Пуанкаре (1860–1934) Сазонов вел переговоры и с ним, и с председателем Совета министров Франции, министром иностранных дел А. Вивиани. Особое внимание уделялось австро-сербскому конфликту. В результате стороны договорились повлиять на Вену с тем, чтобы она не предъявляла требования, которые были бы равносильны вмешательству во внутренние дела Сербии и могли рассматриваться как покушение на ее суверенитет. Стороны также констатировали общность взглядов на проблемы мира и европейского равновесия, а также торжественно подтвердили, что будут неукоснительно соблюдать обязательства, вытекающие из их союза. К намеченным дипломатическим акциям двух держав в Вене было решено привлечь также и Англию.

Но было уже поздно – Австрия предъявила сербам ультиматум, который Сазонов, узнав о нем утром 11 июля, охарактеризовал словами «это европейская война».

Министр немедленно связался по телефону с царем, доложил о происшедшем и попросил его срочно созвать Совет министров. Затем Сазонов пригласил к себе начальника Генерального штаба российской армии Н. Н. Янушкевича и обсудил с ним возможность частичной (направленной только против Австро-Венгрии) мобилизации русской армии.

Сразу после этого министр принял австрийского посла С. Сапари, который вручил ему письменное сообщение, включавшее текст венского ультиматума Сербии и выводы следствия о сараевском покушении. В этом документе и в устном заявлении посла Белград обвинялся в организации заговора, угрожающего целостности и безопасности двуединой монархии. В ответ Сазонов обвинил Австро-Венгрию в умышленном провоцировании войны, порекомендовал отозвать ультиматум или как минимум смягчить австрийские требования.

Российский министр встретился также с послами Франции и Англии и предложил им выработать совместный план действий.

Днем собрался на заседание Совет министров России. Совмин принял решение продолжать дипломатические усилия, направленные на сохранение мира, но одновременно быть готовым, в зависимости от того, как будут развиваться события, к частичной мобилизации войск.

Сразу же после заседания Совета министров Сазонов принял сербского посланника М. Спайлаковича и посоветовал, чтобы Сербия, отвечая на австрийскую ноту, проявила максимум уступчивости, не поступаясь, конечно, при этом своим суверенитетом². В этот же день, вечером, Сазонов встретился с германским послом Ф. Пурталесом, который, оправдывая действия Вены, предложил локализовать

---

¹ Международные отношения в эпоху империализма: документы из архивов царского и Временного правительств (МОЭИ). М.; Л., 1935. Сер. 3. Т. IX. С. 381–382.

² Там же.

австро-сербский конфликт, предоставив противоборствующим сторонам разобраться самим. Министр отказался от этого предложения и заявил, что Австро-Венгрия предъявляет заведомо неприемлемые требования и не уважает мнения других держав¹. Утром 12 июля, ознакомившись с полученными за ночь телеграммами, Сазонов узнал, что Австро-Венгрия сосредотачивает войска на границе с Сербией. В Белграде обещали дать примирительный ответ на австрийский ультиматум, но не считали возможным выполнить все требования Вены. Затем министр поехал на заседание Совмина, которое проходило под председательством царя. Сазонов доложил о ходе дипломатических переговоров и о последних событиях, которые недвусмысленно показывали, что напряжение нарастает. Министры обсудили, объявлять ли намеченную накануне частичную мобилизацию и решили пока от этого воздержаться, подождя реакцию Вены на сербский ответ. Однако со следующего дня на всей территории Российской империи было введено в действие «Положение о подготовительном к войне периоде» с комплексом предмобилизационных мероприятий. Баланс стал смещаться из дипломатической в военную плоскость.

Вечером Австро-Венгрия заявила о разрыве дипломатических отношений с Сербией, одновременно заверив весь мир, что это не означает начало военных действий. Сазонов прилагал максимум усилий, чтобы склонить Англию открыто солидаризироваться с Францией и Россией. Однако ни его ежедневные беседы с послом Великобритании в Петербурге Дж. Бьюкененом, ни личное письмо Николая II Георгу V, ни попытки воздействовать на англичан через Париж не давали результата.

Россия продолжала проводить активную внешнюю политику. Сазонов поддерживал просьбу Сербии, которая хотела, чтобы великие державы взяли на себя третейское посредничество в конфликте с Австро-Венгрией, и предложил дипломатам двуединой монархии вступить в неофициальный обмен мнениями, чтобы изменить, сделав их более приемлемыми, некоторые статьи австрийского ультиматума. Однако вечером 15 июля Австро-Венгрия объявила войну Сербии и сразу же приступила к боевым действиям.

Последние надежды на предотвращение «большой войны» в Петербурге возлагали на примиряющее влияние Берлина. Они возникли в связи с обменом телеграммами 16 июля между Николаем II и его кузеном – германским императором Вильгельмом II. В тот же день Сазонов имел две беседы с немецким послом. Первая как будто давала надежду на мирный исход кризиса, но во время второго визита Пурталес зачитал министру телеграмму германского рейхсканцлера Т. Бетман-Гольвега, в которой говорилось, что, если Россия будет продолжать военные приготовления, Германия сочтет себя вынужденной провести мобилизацию и перейти от слов к делу. Это походило на ультиматум и вызвало следующую реакцию русского министра: «Теперь у меня нет больше сомнений относительно истинных причин австрийской непримиримости» [1, с. 36]. Чтобы не отстать в мобилизационных мероприятиях от будущего противника, России было необходимо не откладывая объявить общую мобилизацию. После совещания с военными

---

¹ Международные отношения в эпоху империализма: документы из архивов царского и Временного правительств (МОЭИ). Т. 5. С. 38–40.

Сазонов взялся убедить в этом царя, что ему и удалось в телефонном разговоре. В Париж и Лондон были направлены телеграммы с информацией о принятом Россией кардинальном решении. Однако вечером того же дня царь, получив от кайзера новую телеграмму с невнятными обещаниями, распорядился провести не общую мобилизацию, о которой он условился с Сазоновым, а частичную. Министр узнал об этом уже ночью и не решился беспокоить императора новым звонком.

Около часа ночи Сазонов принял германского посла по его просьбе. На просьбу Пурталеса сформулировать российские условия выхода из кризиса министр набросал следующий проект: «Если Австрия, признав, что австро-сербский вопрос принял характер европейского, заявит готовность удалить из своего ультиматума пункты, посягающие на суверенные права Сербии, Россия обяжется прекратить свои военные приготовления» [3, с. 239]. Собеседники расстались взаимно неудовлетворенными.

На следующий день стали поступать известия о военных приготовлениях Австро-Венгрии на российских границах и предмобилизационных мероприятиях Германии. Сазонов, некоторые другие члены кабинета министров и военные пытались убедить царя в необходимости срочно начать общую мобилизацию. Однако Николай II, разговоры с которым шли по телефону, отказывался изменить свое решение и от личных встреч всячески уклонялся. Наконец он все-таки согласился принять Сазонова для доклада об общем положении. Министру с большим трудом удалось убедить царя, что Германия уже сделала выбор в пользу войны и России не остается ничего иного, как начать общую мобилизацию. Царское повеление Сазонов немедленно передал Янушкевичу, и механизм общей мобилизации заработал. Далее Сазонов сразу же известил об этом Англию и Францию.

Таким образом, позиция российской дипломатии в июльском кризисе заключалась в том, чтобы попытаться избежать войны, если это возможно без существенной потери престижа на международной арене и без военного разгрома Сербии, что лишило бы Россию преобладающего влияния в Белграде и на Балканах в целом. Не последнюю роль играли также моральные, религиозные и этические мотивы. Но основной причиной конфликта был вызов, брошенный Германией и ее союзниками странам Антанты и, в частности, России. Этот вызов не принять уже не представлялось возможным. Однако если российской дипломатии так и не удалось сохранить мир, то с задачей выставить противника нападающей стороной русский министр иностранных дел справился успешно.

Вечером 19 июля Германия объявила России войну, и кризис перерос практически в общеевропейское военное столкновение. Для русских дипломатов наступил новый этап – период работы во время войны, в которой приняли участие 38 стран и в которой Россия ценой огромных потерь, сорвав планы быстрого разгрома Франции, заложила решающие предпосылки к конечной победе Антанты, тем самым до конца выполнив свой союзнический долг.

Сегодня мы обращаемся к истории Первой мировой войны не для того, чтобы выявлять ее виновников, делить ее участников на победителей и побежденных. Главный урок заключается в том, что будущее европейского и мирового сообщества — в единстве и сотрудничестве, в органичном сочетании националь-

ных, региональных и глобальных интересов, а не в попытках силой, в ущерб другой стороне, обеспечить свою безопасность. Устойчивая безопасность может быть только равной и неделимой. Этот принцип заложен в Концепции внешней политики Российской Федерации, ставящей во главу угла установление справедливого и демократического миропорядка, основанного на коллективных началах в решении международных проблем и на верховенстве международного права.

Библиография

1. *Игнатьев А. В.* Сергей Дмитриевич Сазонов // Вопросы истории. 1996. № 9.
2. Российская дипломатия накануне Первой мировой войны [Электронный ресурс]. Историко-документальный департамент МИД России. Режим доступа: http://www.idd.mid.ru/pervaya_mirovaya_voyna_i_diplomatiya_rossii.html
3. *Сазонов С. Д.* Воспоминания. М., 1991.

L. V. Polushina

THE DIPLOMATIC EFFORTS OF THE RUSSIA ON THE EVE OF THE FIRST WORLD WAR

The article shows chronology of measures being undertaken by Russian diplomats to resolve the conflict between the states of the opposing military-political blocs of “Entente” and “the Triple Alliance” on the eve of the First World War on the basis of the archive documents of the Department of History and Records of the Russian Foreign Ministry.

Keywords: Russian diplomacy, the First World War, international relations.

**НАЧАЛО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ,
ЧЕШСКОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЛИДЕРЫ**

В статье описываются настроения в чешском обществе накануне и в начале Первой мировой войны. На основе документов Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) и Российского государственного исторического архива (РГИА) раскрываются различные планы и варианты решения «чешского вопроса», анализируются позиции ведущих чешских политиков в начальный период войны.

Ключевые слова: чешские земли, Первая мировая война, позиции чешских политических лидеров.

Как сообщал в Петербург 10 июля 1914 года управляющий российским консульством в Праге коллежский асессор М. Казанский: «Известие о трагической смерти наследника престола застало пражское общество в разгаре веселья¹. Несмотря на живейший интерес, вызванный событием, последнее не произвело среди чехов особенно горестного впечатления... Политическое значение кровавого события до сих пор обсуждается как в прессе, так и в обществе весьма сдержанно»². Казанский отмечал, что, наряду с официальным, в большинстве случаев искренним, порицанием убийства, среди чешских партийных кругов высказывалось скорее удовлетворение относительно возможного изменения политики в желательном для славян смысле. Даже такие опытные политические деятели, как Крамарж, Клофач, Шейнер, не думали, что это событие явится поводом для начала войны. Они лишь выражали опасения относительно участи боснийского населения, у которого могли быть отняты последние признаки местного управления³. Наследника престола в Чехии характеризовали как слабовольного, впечатлительного и не очень серьезного человека, хотя во время своего пребывания в Праге он и приобрел некоторые симпатии чешского населения. «В общем, – заключал свое послание Казанский, – средними обывателями довольно откровенно выражается радостное чувство по поводу того, что инициатор противославянской и противорусской политики сошел со сцены»⁴.

В следующем своем донесении от того же числа Казанский сообщал, что чешское общество в то время было весьма озабочено очередным провалом чешско-немецкого соглашения. Он указывал, что соглашение расстроилось по вине немецких делегатов (речь шла о языке в округах со смешанным населением и вообще о возможности возобновления совместной работы представителей обеих национальностей

¹ Дело в том, что в Брно в это время проходил очередной сокольский слет.

² Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 133 Полит. Архив Канцелярии. 1914. Оп. 470. Д. 170. Л. 40.

³ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 133 Полит. Архив Канцелярии. 1914. Оп. 470. Д. 170. Л. 40 об.

⁴ Там же.

в местном сейме). Чешская печать всех лагерей была возмущена усилением принципа абсолютизма в землях Чешской короны (то есть введением новых законов помимо парламента и местных сеймов)¹.

Хотя убийца Франца-Фердинанда и являлся подданным империи, Австро-Венгрия обвинила сербское правительство в организации убийства и предъявила ему заведомо неприемлемый ультиматум. В ответ на отказ Сербии принять первый пункт ультиматума 28 июля Австро-Венгрия объявила Сербии войну. Россия начала всеобщую мобилизацию, и 1 августа Германия объявила войну России. Вскоре война приобрела мировой характер.

В Австро-Венгрии с началом войны были отменены конституционные права, распущен парламент, военные трибуналы получили возможность рассматривать дела гражданских лиц, была введена жесткая цензура печати, почтовых и телеграфных отправок. Уже в самом начале войны чешские политики разделились на два лагеря: одни были уверены в победе центральных держав и направляли свои усилия на решение чешского вопроса в рамках конституционной перестройки Австро-Венгрии (клерикалы, социал-демократы, партии чешских немцев). Другие были настроены проантантовски и допускали решение чешского вопроса вне рамок двуединой монархии (хотя единства здесь не было из-за различной внешней ориентации – Россия или Запад).

4 августа К. Крамарж опубликовал в *Národních Listech* статью, где охарактеризовал войну как столкновение германского мира со славянством². Уже в самом начале войны внутри отдельных чешских политических течений стали возникать группы сопротивления, деятельность которых (в основном разведывательно-информационного характера) была направлена против Австро-Венгрии. Одной из первых групп такого типа стал кружок внутри младочешской партии, сложившийся вокруг Крамаржа. В него, помимо самого лидера младочехов, входили А. Рашин, генеральный секретарь партии Ф. Сис, Б. Франта. Через брата Сиса Владимира, корреспондента *Národních Listů* в Софии группа поддерживала тайную связь с границей. Они пытались привлечь к своей деятельности других членов младочешской партии, поддерживали связь со Сватковским, которому передавали сведения о ситуации в Чехии и в Австрии из пражских полицейских и административных данных, а иногда и из венских источников [6, s. 57].

Две другие антиавстрийские группы сопротивления составляли представители государственно-прогрессивной партии (А. Гайн, Л. Борский, В. Дык), выславшие своего представителя Л. Сыхраву в Швейцарию, и прогрессисты (реалисты) с Т. Г. Масариком во главе. При этом реалисты (Т. Г. Масарик, Э. Бенеш, П. Шамал, Й. Заруба-Пфедферманн, В. Боучек, Я. Вербен, С. Душек, Ф. Веселы, Г. Дубски) старались установить связь со всеми группами сопротивления, кроме группы Крамаржа, контактов с которой в начале вообще не существовало [6, s. 57–58].

4 сентября был арестован В. Клофач, известный своим русофильством, а также некоторые другие национальные социалисты, анархисты и представители

---

¹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 133 Полит. Архив Канцелярии. 1914. Оп. 470. Д. 170. Л. 42.

² *Herman K., Sládek Z. Slovanská politika Karla Kramáře. Praha, 1971. S. 40; Archiv Národního Muzea (ANM). F. Karel Kramář. Kart. 66.*

антимилитаристской молодежи. По мнению чешского историка И. Шедивого, эти меры носили превентивный характер, так как обвинение в отношении Клофача было выдвинуто лишь в конце мая 1917 года [6, с. 56].

10 октября 1914 года бывший имперский консул в Праге коллежский советник Жуковский передал барону М. Ф. Шиллингу в Петроград записку о восстановлении Чешского королевства. Это был один из вариантов решения чешского и словацкого вопросов. Жуковский писал, что численность чехов и словаков составляет около 10 млн, они смогут выставить армию в 300–400 тысяч, и среди них достаточно распространена всеславянская идея. Жуковский отмечал, что младочехи с недоверием относились к кажущейся русско-германской дружбе, предполагали раздел Австрии уже предначертанным и, опасаясь стать жертвой германского натиска на восток, выдвигали временно принцип, когда-то высказанный Палацким, что «если бы Австрии не существовало, то ее следовало бы создать». При этом чехи указывали, что для спасения монархии правительство должно идти по пути славянских интересов: допустить Сербию к морю, способствовать экономическому сближению австрийских и балканских славян, ослабить влияние венгерской политики. Однако эта программа, выдвигаемая главным образом Крамаржем, сочувствия в Вене не встречала. Жуковский констатировал, что «австрославизм, которого можно было опасаться вслед за всеславянским съездом в Праге 1908 г., постепенно терял свое значение и не имеет теперь под собой никакой почвы...»¹. Главной целью младочехов, по мнению Жуковского, была борьба с дуализмом и расширение чешско-словацких прав до раздела Австро-Венгрии, который казался чешским политикам неизбежным при ее внешнеполитической ориентации на Берлин. Младочехи выступали за усиление Австрии в союзе с Венгрией².

Чешские политики антигабсбургской ориентации ждали осенне-зимнего победоносного наступления русской армии, которая займет территорию Чехии. Эти ожидания были небеспочвенны. 23 августа началось Галицийское сражение, где с обеих сторон одновременно сражались 1,5 млн человек. Русская армия одержала впечатляющие победы в битвах на реках Золотая Липа, Гнилая Липа. Уже в августе русские войска вступили на территорию Австро-Венгрии, заняв часть Галиции и северной Буковины [1, с. 9]. 2 сентября русские войска захватили Галич, 3 сентября – Львов. С 12 сентября началось общее отступление австрийских армий к Карпатам, крепость Перемышль была окружена русскими войсками. К концу сентября русские войска продвинулись на 200 км. Силы Австро-Венгрии были подорваны, она потеряла почти половину своего состава – 400000 человек, из них 100000 пленными, и свыше 400 орудий. Однако потери русских были тоже велики (230000), и на фронтах наступило временное затишье [4, с. 504–509]. Но, принимая во внимание крупные успехи русских в Галиции, Жуковский тоже рассчитывал на скорое вступление российских войск на территорию Чехии, а потому старался определить план дальнейших действий. Он указывал: «Когда русские войска войдут в Чехию, выборные чешского народа должны будут прибыть в Петроград из Праги. Среди этих людей заслуживают доверия имперского

¹ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 209. Л. 5.

² АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 209. Л. 5 об.

правительства профессор, ректор Чешского университета Яромир Челаковский (ему можно поручить разработку основного закона о Королевстве чешском). Ценными сотрудниками и советчиками являются: Крамарж, Клофач, проф. Масарик, Прейс, Голечек, Каллаш, Грубый, д-р Черный, д-р Шейнер, проф. Поливка, д-р Пинкас, д-р Псота (из Прешова), из Словачины [*Словакии – Е. С.*] – Светозар Гурбан Воянский»¹.

Подходящей формой правления для чехов Жуковский считал сильную славянскую королевскую власть на конституционных основах. Что касается католической веры, то пражский консул полагал, что она не столь сильна, как в Польше. «Католицизм чехов..., – писал он, – не проникает глубоко в сознание народа и, при свободе православной церкви и русском обучении чешской молодежи, постепенно потеряет свое значение государственной религии, тем более, что рядом с ним жива идея гусизма, весьма близко соприкасающаяся с православием»². Жуковский считал, что Чехии нужен именно православный король, как символ полного разрыва с прошлым, так как только православный глава чешского народа мог бы повести его к сближению с восточным славянством и сербским племенем и «отклонить народный дух от увлечения польским величием»³. Король-католик, по мнению российского дипломата, «подпав под влияние Ватикана и иезуитов, будет питать идеи о соединении Чехии с Польшей, а это – опасность, которую надо предусмотреть и избежать»⁴.

В своей записке Жуковский упоминал о существовавших в общественной мысли Чехии трех вариантах решения чешского вопроса: 1) инкорпорация Чехии Россией; 2) установление республиканской формы правления и 3) создание чехо-моравско-словацкого королевства. Жуковский был уверен, что первый вариант безусловно следует отклонить, так как он противоречил идее настоящей войны и был чужд молодой чешской интеллигенции. Ему казалось, что второй вариант не имеет серьезной почвы, так как не отвечает историческим традициям чешского народа. Для достижения успеха русских политических задач необходимо было поддерживать третье направление – то есть стремиться к возрождению чехо-моравско-словацкого королевства под эгидой государя императора. Бывший консул видел вред для российских политических интересов в создании триединой монархии. Интересны его рассуждения о составе будущего Чешского королевства. Слияние Чехии и Моравии оправдывалось бы тем, что там и там проживало одно племя. Жуковский считал, что Словакия (в тексте «Словачина») с тремя миллионами населения сама по себе не жизнеспособна, а потому охотно присоединится к Чехо-Моравии, но на основе сохранения автономии в управлении, языке и школе. Чехи со своей стороны охотно соединятся со Словакией (у словаков сохранились более чистые начала славянского быта и языка) и, как он несколько наивно предполагал, будут уважать словацкие требования самоуправления. Жуковский отмечал, что в Словакии были также стремления «слиться с Россией», но для России «Словачина была бы лишней окраиной, требующей

---

¹ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 209. Л. 6.

² АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 209. Л. 7 об.

³ Там же.

⁴ Там же.

расходов»¹. Поэтому, как он полагал, было гораздо выгоднее усилить ядро Чешское, соединив с ним Словакию. Он писал о словаках: «Словаки, несмотря на самые невыгодные исторические условия своего существования, сохранили свой славянский облик, черты славянского быта и глубокое понимание задач славянского мира», и цитировал профессора Флоринского, говорившего, что «быть может нигде в Австро-Венгрии славянская идея не пустила таких глубоких корней, как в словацком народе»².

С этим мнением солидаризуются и современные историки. Г. В. Рокина, например, отмечает, что все три концепции славянской взаимности – языковый панславизм Я. Н. Геркеля, культурно-литературная взаимность Я. Коллара и «панславистский манифест» Л. Штура – возникли именно в Словакии [2, с. 17]. Соединение Словакии с Чехо-Моравией, по мысли Жуковского, со временем оказало бы оздоровляющее влияние на язык, быт и идеи чешского народа. Далее в записке давался краткий очерк истории государственного права чешских земель и делался вывод о том, какими принципами следует руководствоваться при определении будущих границ Чешско-Моравско-Словацкого королевства. Жуковский писал, что иезуиты и Габсбурги привели Чехию к Белой горе и историческое право было попорно. «В настоящее время, – отмечал пражский консул, – признавая, как основу будущего королевства, его историческое право, необходимо принять в соображение и судьбу Словачины, то есть другими словами, историческое право должно получить корректив согласно современным условиям; к этим условиям относится также невозможность отнести к Чехии те районы Силезии, где имеется значительное польское большинство. При определении границ... следует принимать в соображение стратегические условия»³. Само название королевства, по проекту Жуковского, весьма примечательно (Чешско-Моравско-Словацкое). Вероятно, предполагалось объединение этих земель на основе определенной автономии частей. Кроме того, интересно и обоснование принципа определения границ будущего государства (не только государственно-историческое право, но и стратегические соображения).

В октябре 1914 года с меморандумом к министру иностранных дел России С. Д. Сазонову обратился и Т. Г. Масарик. По мнению М. Д. Савваитовой, обращение этого политического деятеля к российскому МИД было довольно неожиданным, так как в предвоенные годы он воспринимался в России как человек прозападной ориентации, критически настроенный к славянской идее и русофильству [3, с. 115]. На самом деле объяснялось это военными успехами России. Масарик безусловно следил за развитием ситуации на фронтах и был весьма прагматичным политиком. Его план был более гибкий по сравнению с планом Славянской империи Крамаржа, но в российском МИД он также был воспринят весьма скептически [3, с. 114–116]. В это время в России преобладало мнение о необходимости решения чешского вопроса в рамках Австро-Венгрии путем перестройки ее в триединую монархию (об этом С. Д. Сазонов беседовал с французским послом М. Палеологом) [3, с. 118]. В архиве внешней политики

¹ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 209. Л. 10.

² Там же.

³ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 209. Л. 10–11.

Российской империи хранится записка на английском языке, датированная 24–25 октября 1914 года. В ней цитировались слова наместника Туна, что все чешские партии без исключения имеют славянскую программу и прославянски настроены, что нация русофильская и сербофильская, и это нельзя изменить. Говорилось и о том, что пресса контролируется, но общество настроено прорусски. В записке также высказывалась идея создания чешского королевства, но с датским или бельгийским принцем во главе (так как 3–4 млн немцев скорее признают бельгийского принца, но не представителя династии Романовых). В случае захвата Праги, русские, по мнению автора записки, должны будут призвать чешских лидеров в качестве советников. Предполагалось, что ими станут д-р Крамарж от младочехов, Швигла от аграриев, Клофач или Хоц от национальных социалистов, Масарик от реалистов¹.

В связи с началом войны российский резидент В. Сватковский, работавший до войны в Вене под крышей Петербургского телеграфного агентства, переехал в Рим, затем в Цюрих и наконец в Берн². Из Берна 5(18) декабря 1914 года в секретной телеграмме он шлет свое первое сообщение о создании комитета младочехов в составе Крамаржа, Рашина, Франты (последний находился в тот момент в Швейцарии). Сватковский передает в Петроград планы младочехов. Программа минимум предлагала решение чешского вопроса при сохранении Австро-Венгрии путем обеспечения Чехии широких автономных прав. Программа максимум предусматривала создание из чешских и словацких земель «королевства или вице-королевства под державой государя императора с полной суверенной автономией, но при единстве армии, дипломатии и таможенной территории»³. Сватковский писал: «Подробности изложены в проекте «Устава Славянской империи», представленном Крамаржем в июне сего года»⁴. Что касается границ, то предполагалось распространить их на юг в Верхнюю и Нижнюю Австрию до Дуная, не включая, однако, Вену. Венгерские и словацкие земли должны были отойти к королевству до Дуная и от поворота его прямой линией на восток. Сватковский указывал на намерения чехов ослабить Венгрию, отобрав у нее значительную территорию с невенгерским населением. Чехи не верили, что после войны венгры будут лучше относиться к славянам и к России. Комитет просил не придавать значения вынужденным заявлениям пражского городского головы Гроша (венские власти побуждали чешских политиков делать заявления о лояльности, а те, в свою очередь, были вынуждены лавировать). Грош, по сообщению Сватковского, действовал под угрозой учреждения в Праге императорского комиссариата. Младочехи сами критиковали тактику Гроша, но отмечали, что немецкая печать приписывала ему и то, чего он не заявлял, пользуясь, что чехи из опасений преследований не могут это опровергнуть. Сватковский передавал в Петроград, что положение даже умеренных чешских кругов тяжело, периоридически закрывались чешские издания, в том числе и газета *Národní Listy*. Сватковский передавал также просьбу Крамаржа и его товарищей, чтобы русские войска вступили на чешскую землю

¹ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 204. Л. 23–28.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1358. Д. 930. Ч. 3. Л. 251.

³ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 204. Л. 30.

⁴ Там же.

со стратегическими целями, а не для диверсионных действий. Так как в противном случае «чешское население, с радостью встретившее русских, подверглось бы затем возмездию, а страна – разорению, без какой бы то ни было пользы для русского оружия»¹.

Уже через восемь дней через российского посла в Риме Сватковский послал на имя товарища министра иностранных дел свое второе послание о приезде в Рим для беседы с ним и с делегатами хорватов и словенцев профессора Масарика. Масарик информировал Сватковского, что действует по соглашению с представителями различных политических партий: реалистов, национальных социалистов, государственников. Он заявил также, что имел контакты с социал-демократами, аграриями и младочехом Шейнером, имевшим связь с Крамаржем. Масарику было известно, что группа Крамаржа хотела установить после войны вице-королевство под державой российского государя императора. Масарик, по словам Сватковского, «признавая выгоды такого решения для чешских интересов, особенно в смысле таможенного объединения с Россией», весьма разумно полагал, что этот вопрос будет целиком зависеть от политического и военного могущества России в момент окончания войны². Будущий чехословацкий президент, как уже отмечалось, отличался реализмом и прагматизмом.

Далее Сватковский подробно излагал позицию Масарика, который заявлял, что общим желанием чехов было иметь русского короля («во всяком случае не немца, или способного обратиться в немца»), общую с русскими внешнюю политику, по крайней мере в первый период после войны, что военная сила также должна быть «в распоряжении освободителей»³. Масарик считал, что «чехо-словаки» должны иметь сильную военную организацию и состоять в военном союзе с южными славянами, имея с ними общую границу в полосе хорватских островов между Австрией и Венгрией. Он выступал за тесное таможенное соглашение с Россией. Целью и условием чешской независимости, по его мнению, было как можно большее ослабление Германии. При определении границ Чешского королевства, по его мысли, чехи должны были руководствоваться не исключительно этнографией, но требовать исторических и одновременно стратегических границ. Это позволило бы спасти лужичан и «грозить Берлину» из Лужиц. На юге границы чехо-словаков с Венгрией должны были проходить по Дунаю и от поворота его по водоразделу на восток. Эти идеи Масарика скорее всего являлись тактическими соображениями, продиктованными конкретной ситуацией. Масарик заявлял Сватковскому, что самостоятельность и сила чехо-словацкого королевства может быть обеспечена только «прочной без перерывов оккупацией Россией чешских и словацких земель»⁴, так как временное появление русских и возвращение австрийцев вызвало бы разгром страны и истребление политических вождей и организаций. Обширные списки опасных деятелей, по его сведениям, были уже готовы. Террор надвигался, особенно в восточных чешских землях. Поэтому он также просил, чтобы оккупация была планомерной, и с самого начала носила

---

¹ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 204. Л. 32.

² АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 204. Л. 33.

³ АВПРИ. Ф. 125. Оп. 474. Д. 204. Л. 33.

⁴ АВПРИ. Ф. 125. Оп. 474. Д. 204. Л. 34.

не столько военный, но ясно выраженный политический характер, также как в Галиции. После оккупации должны были быть созданы административные органы, а сокольские дружины – привлечены к организации полицейской и гражданской службы.

Решение вопроса о национальных меньшинствах Масарик видел в их выселении (переселении). Он полагал, что из пограничных районов королевства, где наряду со славянами жили венгры, необходимо будет немедленно выселить «все наиболее вредные мадыарские элементы»¹. Масарик еще раз повторил Сватковскому мысль о желательности после занятия русскими войсками Праги образовать национальный комитет для сношения военных властей с населением. В состав комитета он предлагал ввести «главнейших» политических вождей: младочеха Крамаржа, старочеха Матуша, национального социалиста Клофача, государственника Гайна, агрария Швеглу, реалиста Масарика. Из словаков, на его взгляд, наиболее компетентными политиками были редактор Штефанек и доктор Шробар².

27 декабря 1914 года С. Д. Сазонов получает секретное послание из Рима от А. Гирсы. В нем тоже рассказывалось о визите Масарика. Гирсе чешский политик высказал некоторые сомнения относительно возможности вхождения в Российскую империю западных славян из-за их католического вероисповедания. Масарик уверял, что католическая церковь всегда будет оппозиционно настроена по отношению к правительству страны, если католичество в ней не господствующая религия. Обсуждалось и отношение Чешского королевства к югославянскому государству, желательность общей границы между ними приблизительно вдоль западной границы между Австрией и Венгрией. Но Масарик в этом вопросе был немногословен, высказав лишь общие соображения. Сам будучи наполовину словаком, Масарик, по словам Гирсы, не проявил большого интереса к судьбе словаков, которых считал «народом экономически слабым и низшим по культуре»³. Гирса отмечал, что личные взгляды Масарика как в отношении австрийских властей, так и разных политических партий своих соотечественников не вполне ясны⁴. Скорее всего, Масарик придерживался тактики выжидания, стараясь не связывать себя окончательными решениями. Он, хотя и делал шаги навстречу российским дипломатам под впечатлением побед русского оружия, все же рассматривал Российскую империю лишь как одного из союзников.

26 декабря 1914 года российским МИД была получена очередная секретная записка В. Сватковского из Цюриха. В ней описывалось общественно-политическое положение в Австро-Венгрии, рассказывалось о славянах империи, особенно чехах, их настроениях и планах. Записка была составлена на основе полученных российским агентом сообщений Крамаржа, Масарика, Шейнера и других. В записке указывалось, что Австро-Венгрия держится против России исключительно за счет военной помощи Германии, так как военная организация ее потерпела

---

¹ АВПРИ. Ф. 125. Оп. 474. Д. 204. Л. 34.

² Там же.

³ АВПРИ. Ф. 125. Оп. 474. Д. 204. Л. 42.

⁴ АВПРИ. Ф. 125. Оп. 474. Д. 204. Л. 43.

полное банкротство. В обществе царили пораженческие настроения и недовольство Германией, втянувшей Австро-Венгрию в войну. В Вену прибывали галицийские беженцы. В Венгрии настроение было более бодрое, но прошли демонстрации против дороговизны, иногда на них выдвигались и лозунги против войны. Славянские политики отмолчались, не сделав никаких лояльных заявлений по случаю годовщины вступления на престол Франца Иосифа (2 декабря). Основываясь на сообщениях присланного Крамаржем младочешского депутата Франты и реалиста Масарика, Сватковский сообщал об эволюции настроений в Чехии. В войну никто из чехов не верил. Для них она была полной неожиданностью. Первые успехи Германии и Австрии вызвали подавленность. Аресты Клофача, нескольких сотрудников его газеты *České slovo*, депутата национальных социалистов Лысаго, депутата партии государственного права (их орган *Samostatnost*) Прунара еще больше усилили подавленность. В чешском обществе наблюдалась вспышка русофильства и ненависть к евреям из-за устраиваемых ими чешско-немецких братаний. Сватковский отмечал, что против евреев сильно настроены и реалисты с проф. Масариком во главе¹.

Австрофильство чешских социал-демократов и аграриев, которое имело место в самом начале войны, как рукой сняло. Туну приписывали слова о том, что все чехи-русифилы, а разница только в том, что одни явные, а другие тайные. Далее Сватковский достаточно ядовито замечает о лидере реалистов: «Масарик, который раньше русофилом не считался, проникся русофильством во время четырех за время войны побывок в Берлине, где слышал от немцев только лестные отзывы о русской армии»². Российский агент далее отмечал единомыслие Крамаржа и Масарика по вопросу о военной стратегии наступления. «Как Крамарж, так и Масарик, оба лица, занявшиеся в настоящее время систематизацией чешского национального плана и объединением вождей всех чешских партий, усиленно настаивают и умоляют Россию не идти вразрез с чешским планом (т. е. планомерно и надолго занимать русскими войсками чешские области, а не совершать временные военные диверсии в чешские пределы»³, – писал он. Сватковский называет Крамаржа и Масарика «главными идеологами чешского будущего и посредниками между партиями»⁴.

С началом войны обстановка в чешских землях и в Словакии была сложной. Военный режим предполагал значительные ограничения гражданских прав и свобод, вводилась жесткая цензура. Любое выражение инакомыслия преследовалось. Ура-патриотические настроения и общественное воодушевление в связи с войной целенаправленно преувеличивались официальной пропагандой [5, с. 24–31]. Несмотря на это, часть чешских политических деятелей на родине и за границей

---

¹ Ранее Масарик никогда не был замечен в антисемитизме. Наоборот, выступив за пересмотр решения нашумевшего судебного процесса, в ходе которого еврей Л. Гильснер без достаточных оснований был обвинен в ритуальном убийстве чешской девушки, Масарик испытал на себе ярость антисемитской кампании. См.: *Серапионова Е. П.* Первый президент Чехословакии Томаш Гарриг Масарик // До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 2009. С. 327.

² АВПРИ. Ф. 135. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 209. Л. 16.

³ АВПРИ. Ф. 135. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 209. Л. 18 об.

⁴ АВПРИ. Ф. 135. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 209. Л. 19.

заняла антигабсбургские позиции и включилась в национально-освободительное движение. Они активно разрабатывали планы послевоенного государственного устройства, предполагавшие решение так называемого чешского вопроса. В самом начале войны ведущие представители чешской политической элиты, Масарик, Крамарж, несмотря на то, что еще накануне войны они были политическими противниками, выступили за тесный союз с Россией как в годы войны, так и после ее окончания.

Библиография

1. *Бахтурина А. Ю.* Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М., 2000.
2. *Рокина Г. В.* Ян Коллар и Россия. Йошкар-Ола, 1998.
3. *Савваитова М. Д.* Чешский вопрос в официальных кругах России в годы Первой мировой войны // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1994.
4. *Черников И. И.* Гибель империи. М., СПб., 2002. С. 504–509.
5. *Dudeková G.* Vojnové nadšenie alebo odpor? Reakcie na vypuknutie 1. svetovej vojny // Historické revue v SR. Rok 1914: začiatok 1. svetovej vojny. 2014. № 7. S. 24–31.
6. *Šedivý I.* Češi, české země a velká válka 1914–1918. Praha, 2001. S. 57.

E. P. Serapionova

THE BEGINNING OF FIRST WORLD WAR, CZECH SOCIETY AND ITS POLITICAL LEADERS

The article deals with the social moods in Czech lands on the eve and at the beginning of First World War. It is based on the archival documents of AVPRI and RGIA, which permit to show different plans and variants of the decision of so called “Czech question” and to analyze positions of Czech leading politics during the first period of war.

Keywords: Czech lands, First World War, political leaders' positions.

**КАЗАНСКОЕ ГУБЕРНСКОЕ ЖАНДАРМСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
О НЕКОТОРЫХ НОВЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

В статье раскрыты некоторые особенности деятельности Казанского губернского жандармского управления (КГЖУ) в годы Первой мировой войны. Основное внимание уделено работе с иностранными поданными и военнопленными, а также изучению настроения населения.

Ключевые слова: Казанская губерния, жандармское управление, Первая мировая война, военнопленные, настроения населения.

Сложное переплетение политических и экономических противоречий привело к началу Первой мировой войны, в которую Россия вступила 19 июля (1 августа по новому стилю) 1914 года.

Для жандармского корпуса началась работа в условиях военного времени. Основная задача данного института – охрана государственного строя, борьба с его политическими противниками – оставалась прежней, но она приобрела новые стороны, некоторые из которых мы постараемся осветить в данной статье. Кроме того, жандармам, особенно в начале войны, пришлось заниматься проблемами, имевшими отношение не к политическому противодействию, а в большей степени – к действиям общей полиции. Речь идет о соблюдении порядка во время призыва на службу и поимке дезертиров.

Одна из первых проблем, с которой сотрудники КГЖУ столкнулись, стали беспорядки во время призыва. 21 августа 1914 года на сборном пункте в г. Чистополь было собрано около 8 тыс. запасных. Они начали требовать открыть винные лавки и продавать водку, одну винную лавку разбили. С помощью жандармского унтер-офицера И. Михеева зачинщики были задержаны и арестованы. 23 и 24 августа запасные были направлены из Чистополя в Казань и на пути подожгли 8 стогов сена и сторожку помещика Лебедева, разбили окна и похитили часть кухонной посуды в имении товарища министра иностранных дел Наратова и под угрозой поджечь имение забрали у управляющего 300 руб. и продолжали бесчинствовать на дальнейшем пути. Унтер-офицер И. Волков был одним из тех, кто активно выявил зачинщиков¹. Впоследствии подобные массовые эксцессы не повторялись.

Еще одна новая проблема для КГЖУ в годы войны – поиск и выявление дезертиров. Иногда помогали случайные обстоятельства и быстрота действий жандармских чинов. Так, 18 ноября 1914 г. вахмистр И. Николаев, находясь в казанском трамвае, оказался рядом с тремя пожилыми женщинами, которые осуждали некоего «Сашу», сбежавшего со службы. Разговаривая между собой, они назвали адрес его матери, и вахмистр тотчас же поехал туда и выявил дезертира².

¹ Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 375. Оп. 1. Д. 3. Л. 174 об. – 175, 188.

² Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 375. Оп. 1. Д. 3. Л. 214.

В приказе начальника КГЖУ по итогам 1915 г. отмечаются 30 унтер-офицеров и вахмистров, которые задержали по одному и более дезертиров³.

Практически сразу же чинам КГЖУ пришлось столкнуться с проявлениями бдительности, подозрениями в адрес отдельных лиц, которые вели себя, по мнению свидетелей, весьма сомнительно. Казанский губернатор и начальник КГЖУ в середине сентября 1914 г. получили донесения соответственно от полицмейстера и пристава 6-й части г. Казани. П. Д. Гусев, капитан парохода «Игорь», следовавший 7 сентября от Казани в Свяжжск и обратно, наблюдал, что четверо пассажиров 1-го класса при подходе к Свяжжску вышли на палубу и стали смотреть с помощью бинокля в сторону железнодорожного моста через Волгу. Капитан якобы услышал обрывок фразы «моста... шесть быков...», что показалось ему подозрительным. Пароход в Свяжжск из-за мели не заходил, и пассажиры выходили в 4 верстах от города, а через 2 часа судно отправлялось обратно в Казань. Один из четверки пассажиров вернулся и последовал в столицу губернии. Другой пассажир видел, что, вернувшись в Казань, этот подозрительный человек ходил по лугам, смотрел в сторону моста, что-то записывал. Свяжжский стражник Семенов узнал, что это профессор Казанского университета Н. Г. Пиотровский. Начальник КГЖУ в рапорте на имя губернатора от 17 сентября отметил, что он не придает серьезного значения изложенным фактам и предлагает дальнейшее производство прекратить⁴. В сентябре же правоохранительными органами были получены сведения о событиях, происходивших на другом пароходе – «Григорий» с еще одним пассажиром 1-го класса, потомственным почетным гражданином И. Г. Шадриним. 13 сентября пристав 6-й части г. Казани направил в ГЖУ полицейское дознание, возбужденное им по заявлению капитана парохода И. В. Яшина. Последний сообщал, что Шадрин вышел на палубу и подошел к нескольким запасным чинам, находившимся там, и якобы стал говорить, что их везут прямо в яму, приготовленную Германией. Немцы в войне победят, потому что у них лучше оружие и снаряжение, а германские солдаты более подготовлены. Пароходу лучше бы здесь затонуть⁵. После начал дознания Шадрин был заключен под стражу, затем у жандармерии и прокурора окружного суда возникли разногласия о продлении срока задержания. В ходе следствия оказалось, что доказать обвинительные слова в адрес Шадрина нет больших оснований, кроме того, возникло подозрение, что на него мог быть сделан и наговор одним из нижних чинов, поскольку в свое время Шадрин отказал ему в денежной помощи. Обвиняемый также убеждал следствие, что это недоразумение. К. И. Калинин высказал свое мнение о прекращении переписки по этому делу без всяких последствий для И. Г. Шадрина⁶.

Но не все подозрения оказывались лишеными серьезных оснований для действий внимательных граждан, общей и политической полиции. В Казанской губернии произошло выявление реального вражеского шпиона, отставного штабс-капитана Киндельского, задержанного в августе 1914 г. крестьянином Лаишевского уезда Ф. Богаткиным. Бывший военнослужащий, находясь недалеко от места

³ Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 375. Оп. 1. Д. 3. Л. 214.

⁴ Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 1. Оп. 4. Д. 5764. Л. 1–3.

⁵ Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 1. Оп. 4. Д. 5766. Л. 1–1 об.

⁶ Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 1. Оп. 4. Д. 5764. Л. 2–5, 19–26 об.

дислокации воинских частей, стремился получить информацию о количестве войск, их передвижении. Во время обыска в присутствии понятых у него был обнаружен блокнот с зашифрованными записями. Оказалось, что Киндельский за три дня до ареста прибыл в Казань из Вены якобы для проведения этнографических исследований. После тщательного расследования с соблюдением всех уголовно-процессуальных действий, в котором непосредственное участие принимали местные жандармы, Казанский военно-окружной суд 23 декабря 1914 г. признал Киндельского виновным в военном шпионаже, а 26 января 1915 г. он был повешен [1].

В начале войны своеобразно проявился патриотизм населения: в ходе манифестаций в столице страны произошло несколько разгромов магазинов иностранцев и нападение на посольство Германии. Весной 1915 года массовые погромы против немецких предпринимателей имели место в Москве. В их ходе уничтожались торговые заведения и другие учреждения, принадлежавшие лицам с фамилиями, трактуемыми как иностранными. Подобные настроения в отношении немцев и евреев были характерны и для других губерний России, о чем свидетельствует циркуляр Департамента полиции от 21 мая 1915 года. В нем отмечено, что крайнее озлобление некоторой части населения в отношении евреев вызвано стремлением последних воспользоваться неблагоприятным экономическим состоянием рынка и повысить цены на предметы первой необходимости. Кроме того, речь шла и о шпионской деятельности некоторой части евреев. В связи с этим перед губернаторами и жандармскими управлениями была поставлена задача недопущения погромов, с одной стороны, и ведения наблюдения за настроением населения и пресечения самыми решительными мерами антиеврейской агитации – с другой⁷.

В Казани в 1915 году начали распространяться слухи о погроме немцев. Губернатор в связи с этим принял решение о закрытии торгово-промышленных заведений, руководимых немцами. 4 июня от агента Случайного № 38 были получены сведения, что в связи с этим опасаться погромов нет оснований. В то же время он сообщал, что начали циркулировать слухи о погроме евреев, поскольку они будто бы оказывают немцам услуги шпионского характера, а также доставляют им продовольствие и другое⁸. По мнению начальника КГЖУ К. И. Калинина, в Казани в это время настроение было такое, что «нужна была небольшая искра, чтобы вспыхнул погром и пострадали бы не одни только немецкие торгово-промышленные предприятия. Он сообщал в Департамент полиции, что главноначальствующий губернии принял необходимые меры, чтобы никаких выступлений допущено не было⁹.

Как сообщали жандармские агенты, значительных антиеврейских настроений не было, хотя проявления их и наблюдались. Например, в Казанском университете в осенью 1915 г. произошел раскол между студентами из-за конфликта, вспыхнувшего между студентами-медиками. Агент Казанцев сообщал, что на занятиях в анатомическом театре студент-еврей пришел не в свое время и надел один

⁷ НА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1059. Л. 11–11 об.

⁸ НА РТ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 1517. Л. 31.

⁹ НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 1022. Л. 28–28 об.

из специально выделяемых для этого халатов. Как отмечается в документе, студент 4-го курса, христианин по конфессиональной принадлежности, остался без халата, который ему не отдавал студент-еврей. Первый обозвал второго «жидом», в результате тот обратился в университетский суд чести. Но студенты раскололись на два лагеря, были моменты, когда можно было ожидать кулачной расправы¹⁰. Проблема усугублялась и тем, что в Казань были направлена часть студенчества из западных губерний, Польши, среди которых было много евреев и поляков, по некоторым данным, доля евреев в составе Казанского университета стала составлять около 25 %. В университете распространялись слухи, что студентов-христиан будут отправлять в школы прапорщиков. Поскольку евреи не могли быть офицерами, то их такая участь не ожидала. Это также вызывало недовольств остальных студентов¹¹. Негативное отношение к еврейскому населению подогревалось и мнениями о том, что они больше сочувствуют немцам, чем русской армии. В мае 1915 года один из секретных агентов КГЖУ сообщал, что настроение среди интеллигенции Казани в связи с военными неудачами в Галиции грустное, угнетенное. В то же время «еврейско-немецкий элемент проявляет подчас скрываемое злорадование»¹². Такое донесение можно было трактовать и как сочувствие немцам, и как форму проявления недовольства действиями царского правительства, но сам факт таких настроений в годы войны воспринимался неоднозначно.

С началом войны возросла активность секретных агентов, специализировавшихся на работе по панисламизму и пантюркизму. Среди донесений встречаются имена не только двух агентов, действовавших ранее, но и трех новых. В то же время основная часть донесений приходила в КГЖУ от наиболее опытных из них. Если до начала войны за 1914 г. донесений было 17, то за последующих 5 месяцев, то есть с августа по декабрь, от секретных агентов в КГЖУ было направлено еще 29 документов¹³. Но это не означает, что усилилась конкретная деятельность по этим направлениям. В донесениях имеется общая характеристика настроений татарского населения. Например, в августе и сентябре 1914 г. агент «Житель» сообщает, что неудачи русских войск воспринимаются некоторыми татарами если не с радостью, то во всяком случае без печали. В октябре 1914 года он сообщает, что некоторые мусульмане рассуждают о том, что если христиане в войне друг с другом ослабеют, то это на руку мусульманам. Он же в этом месяце сообщал, что настроение некоторых учеников татарской учительской школы далеко не патриотическое, некоторые рады военным успехам немцев, тех, кто идет добровольцами на войну, называют дураками¹⁴. Но, повторим, реальные действия в этих донесениях не освещены. В ноябре 1914 года начальник КГЖУ К. И. Калинин направил в Департамент полиции 2 перевода статей из газеты «Юлдуз», в которых, на наш взгляд, ничего крамольного нет. Наоборот, в одной из них речь идет о том, что, несмотря на войну, исламские проблемы остаются, а жизнь мирная

¹⁰ НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 1022. Л. 57 об. – 58.

¹¹ НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 1517. Л. 100–100 об.

¹² НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 1022. Л. 27.

¹³ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102 (ДП–ОО). Оп. 244 9(1914). Д. 74, ч. 28, литера Б. Л. 70.

¹⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102 (ДП–ОО). Оп. 244 9(1914). Л. 34, 35, 38, 49 об., 53.

вернется и мы будем жить в России¹⁵. О том, что проблем с точки зрения внедрения идей панисламизма и пантюркизма практически не наблюдалось, свидетельствуют материалы, направленные в Департамент полиции. В отчете начальника КГЖУ, направленном руководству 19 ноября 1915 г. отмечается, что среди татар нет организованных кружков националистов (пантюркистов)¹⁶. К такому же выводу можно прийти и изучив материалы всех 46 донесений секретных агентов. В бланке донесения имелся раздел «Что сделано» и в каждом донесении отмечено, что наблюдение продолжается. В некоторых донесениях проставлена запись, что о событии доложено губернатору. Сведений о «формальных», т. е. официальных, дознаниях не имеется.

В годы войны работе с иностранцами, особенно с поданными государств, с которыми Россия воевала, а также с военнопленными, в губернских жандармериях придавалось большое значение. Были изданы циркуляры Министерства внутренних дел и постановления Сената, ограничившие передвижение и права подданных Германии и Австро-Венгрии, проживавших в России. С конца июля 1914 года мужчины – поданные Германии и Австро-Венгрии – считались военнопленными, которых необходимо было арестовывать и отсылать в определенные места. С осени 1914 года для германцев и австрийцев, находившихся в России, местами высылки были определены Астраханская, с декабря – Саратовская губерния [2, с. 139–144].

Военнопленные находились под наблюдением. В случае отправки как поданных, так и военнопленных в другие места жительства унтер-офицеры на местах должны были сразу же сообщать об этом, под контролем должна была находиться и их переписка. Но не всегда этот контроль осуществлялся квалифицированно. Например, унтер-офицер Ядринского жандармского пункта А. Козелков сообщал, что 13 января 1917 г. из города по распоряжению губернатора выбыли 2 германских поданных в Саратов для постоянного проживания. В ответе помощника начальника КГЖУ ему было сделано внушение, что необходимо не только указывать количество убывших, но и сообщить их фамилии и имена, что А. Козелков и выполнял в течение полутора месяцев, оставшихся до Февральской революции¹⁷. Иногда военнопленные шли на различного рода уловки, чтобы ослабить контроль за собой. В этом им иногда помогали местные жители. Например, 24 июля 1916 г. в г. Козьмодемьянске городская управа пригласила военнопленных переводчика К. Альфельди и инженера Э. Богатого исполнить некоторые работы на городском водопроводе и др. В сопровождении конвойного они отправились на извозчике к лесничему А. С. Сапожникову и зашли к нему в дом. Лесничий предложил конвойному остаться на улице, что было нарушением правил, но тот остался. Продолжительное время пленные находились в доме у Сапожникова, до тех пор, пока гуляющая публика не напомнила конвойному о его обязанностях. Затем за городом, на месте постройки водопровода, военнопленные прогуливались, беседовали с женой и детьми Сапожникова, чем возмутили гуляющих граждан.

¹⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102 (ДП–ОО). Оп. 244 9(1914). Д. 74, ч. 28, литера Г. Л. 5.

¹⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102 (ДП–ОО). Оп. 1915. Д. 167, ч. 28. Л. 14 об. – 15.

¹⁷ ГИА ЧР. Ф. 376. Оп. 1. Д. 12. Л. 11, 16, 21, 23.

После дознания воинский начальник арестовал К. Альфельди на 7 суток, а конвойного поставил на 32 часа под ружье¹⁸.

8 ноября 1916 года унтер-офицер Л. Степанов сообщал в управление, что при разборе корреспонденции в Цивильской почтовой конторе в конверте, адресованному А. Г. Косолаповой, был обнаружен конверт на имя военнопленного поручика Коперта, который жил у нее на квартире. В сообщении отмечено, что она передает письма другим военнопленным, которые живут у нее в доме без уведомления полиции. В то же время унтер-офицер получал от нее сведения о военнопленных. Руководство из Казани попеняло ему, что он принимал ее сведения на веру, а она вводила его в заблуждение¹⁹.

Оценивая ситуацию с военнопленными в целом, начальник КГЖУ еще в ноябре 1915 г. сообщал в Департамент полиции, что, проживая открыто среди крестьянского населения пропаганду против России не ведут, но при каждом удобном случае говорят, что у них на родине то или иное устроено лучше. А военнопленных теперь можно видеть везде: они работают на фабриках и заводах, мелких предприятиях, парикмахерских, метут улицы и т. д.²⁰.

Руководству КГЖУ во время войны часто приходилось проверять донесения полицейских чинов, собственных агентов по делам, связанным с оскорблениями императора и его семьи, и давать заключения о продолжении их или прекращении. В некоторых случаях предлагалось и применять наказание за предоставление неверных сведений. Например, в декабре 1914 г. из канцелярии губернатора начальнику КГЖУ поступило сообщение об оскорблении императора германскими поданными в г. Цивильске. Полицейский надзиратель писал начальнику губернии, что крестьянин Ф. И. Рогожкин сообщил ему о произнесении оскорбительных слов в адрес императора со стороны его сожительницы А. К. Цыпленковой и ее квартирантов германских поданных Л. Лукашевича, С. Клишевского и других. Зам. начальника КГЖУ поручил проверить сведения унтер-офицеру Л. Степанову и в письме губернатору сообщал, что нет никаких доказательств подобных действий со стороны всех упомянутых лиц. В жандармерии пришли к выводу, что Ф. И. Рогожкин действовал голословно и лживо, и учитывая переживаемое время ходатайствовали о наложении на него административного взыскания²¹. С нарастанием тяжелого положения населения, неудачных действий русских войск на фронтах критические настроения масс нарастали, что грозило расширением деятельности революционного и общественного движения.

Более заметное место в деятельности жандармов с первых месяцев войны стало занимать выявление настроения народных масс, отношения к высшему руководству, в первую очередь, к императору и императорской семье. В документах КГЖУ сохранилось немало дел, связанных с этим направлением его работы²².

В апреле 1915 года Департамент полиции принял решение об отслеживании настроения населения и общей ситуации в губерниях и предложил ряду жандармских управлений, среди которых было и Казанское, представлять один раз в два ме-

¹⁸ Государственный архив Республики Марий Эл (ГА РМЭ). Ф. 132. Оп. 1. Д. 7. Л. 84–85.

¹⁹ ГИА ЧР. Ф. 375. Оп. 1. Д. 10. Л. 15–15 об.

²⁰ НА РТ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 1524. Л. 1–2.

²¹ ГА РФ. Ф. 102 (ДП–ОО). Оп. 245 (1915). Д. 167, ч. 28. Л. 1–2.

²² ГА РФ. Ф. 102 (ДП–ОО). Оп. 245 (1915). Д. 167, ч. 28. Л. 19.

сяца сводные записки со сведениями о подобных процессах. Схема сбора материалов была организована традиционно. С мест жандармские унтер-офицеры один раз в месяц представляли рапорты, в которых отвечали на вопросы, интересовавшие вышестоящее руководство. Они, в свою очередь, использовали материалы, полученные от полиции, местных должностных лиц, своих информаторов. В КГЖУ также регулярно поступали сведения от секретных агентов. Они нередко изобиловали общими материалами, не представлявшими как оперативного, так и стратегического интереса. В дальнейшем проходило обобщение полученных данных, и в начале июля К. И. Калинин направил первый отчет о ситуации в губернии. Он отмечал в целом спокойную ситуацию, но, судя по его замечаниям, она достигалась не только в целом положительным отношением населения к власти, войне, но и действиями властных структур. Как было отмечено выше, антинемецкие и антиеврейские настроения в губернии, прежде всего в Казани, имели место. Обобщая донесения агентов, К. И. Калинин отмечал, что немцы, даже будучи поданными России, к русским относятся недружелюбно, то же относится и к евреям. Говоря о мусульманском населении, он писал, что внешне оно вполне лояльно и всецело на стороне русских. Но, ссылаясь на сведения, полученные от «хороших источников», он считал, что мусульмане «втайне сочувствуют немцам, которые являются союзниками турок, братьям по крови и по вере наших поволжских мусульман». Основывался этот вывод на полученных от цензурных органов двух писем немцев, проживавших в татарских деревнях в Казанской и Уфимской губерниях, и писавших о положительном отношении к ним и Германии простых татар²³. На наш взгляд, для такого серьезного вывода двух писем было недостаточно, но сам факт влияния веры на отношение к правительству и воюющим государствам отрицать нельзя, тем более что с продолжением войны тяготы населения возрастали.

Если первые донесения в Департамент полиции составлялись по определенной схеме, но не были структурированы, то в последующем в текстах появились разделы, которые в основном были постоянными, но в перечень могли быть включены и новые в связи с определенными событиями. Схемы докладов направлялись из Департамента полиции, и их разделы охватывали практически все основные сферы, к которым сотрудники ГЖУ имели профессиональный интерес²⁴.

С большим основанием можно утверждать, что руководство жандармерии имело достаточно полное представление о тех направлениях экономической, социальной и политической жизни, которые могли вызвать осложнения для государства, привести к серьезным вызовам со стороны оппозиционных сил. Как уже отмечалось выше, перечень вопросов мог дополняться вновь возникающими сюжетами. Например, в сообщении КГЖУ с отчетом о событиях в губернии в ноябре–декабре 1915 г. большое внимание уделено ситуации в студенческом сообществе, что вполне объяснимо, поскольку учебный год был в самом разгаре. Также в этом документе подробнее проанализирована ситуация с прессой, издаваемой на татарском языке. Давая оценку ситуации в губернии, К. И. Калинин, отмечает, что успехи на фронте прибавляют бодрости в тылу, усиливают веру в успехи

---

²³ НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 1022. Л. 31–32.

²⁴ НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 1021. Л. 33–48 об.

России на фронте. Начальник КГЖУ отметил вредное влияние столицы на провинцию, поскольку, отмечает он, в Петрограде настроения самые унылые, пессимистические. Одним из самых проблемных вопросов, по его мнению, является рост цен, спекуляция. Он пишет: «спекулируют все, кто только может, начиная от банков, заводчиков, подрядчиков, поставщиков и кончая мелким лавочником». В качестве примера он привел случай со знакомым, который покупал свечи в связи с пожаром на городской электрической станции, случившемся 2 декабря 1915 года. В известном в Казани магазине его люди приобрели стеариновые свечи по цене 50 коп. за фунт. В тот же день знакомый начальника КГЖУ решил еще докупить свечей, но они уже стоили по 80 коп. за фунт. К. И. Калинина удивило еще и то, что это происходит в городе, где находится стеариновый завод бр. Крестовниковых, поставляющий стеариновые свечи чуть ли не на всю Россию²⁵.

В последующих отчетах руководство жандармского управления отмечает нарастание недовольства условиями жизни, главным образом из-за дороговизны. Как отмечается в одном из документов ГЖУ, «не так население боится войны, как надвигающейся с каждым днем дороговизны жизни. В этом отношении ровно ничего не сделано...». Как сообщал один из агентов, «среди жителей Казани – негодование по поводу дороговизны». Люди смотрят на торговцев как на своих врагов и нельзя исключать случаев потенциальных погромов. 27 июня 1916 года в Рыбной слободе Лаишевского уезда во время базара в основном женщинами были разгромлены лавки трех купцов. Губернатор одного из торговцев за вздутие цен выслал из Казанской губернии, а 20 женщин и 7 мужчин были арестованы на 3 месяца²⁶.

Попытки нормативного регулирования цен чаще всего не приносили результата. В документе приводится случай, когда крестьянин, живущий в пригороде Казани, привез на рынок более двух ведер молока, но когда узнал, что власти установили на молоко фиксированную цену, то не стал его продавать, а вылил на землю²⁷. В обзоре за август–сентябрь 1916 года отмечено, что внешне в Казанской губернии все спокойно, однако утомление войной заметно увеличивается и сказывается во всех слоях общества, как городского, так и сельского. В уездах при мобилизации будущих воинов о каком-либо патриотическом подъеме уже нет речи²⁸. В то же время отмечается, что организованная революционная деятельность практически не ведется. Отправка воинов, в том числе и по этой причине, происходила спокойно, без эксцессов, как это было, например, в марте 1916 г. в Козьмодемьянском уезде, о чем сообщал в Казань унтер-офицер И. Михеев²⁹.

В целом можно констатировать, что сотрудники КГЖУ владели объективной ситуацией о положении в губернии, о настроениях различных социальных групп населения. В их отчетах, представляемых в Департамент полиции, присутствует широкий круг вопросов, выходящий за рамки только правоохранительной деятельности. Речь идет об экономике, социальной жизни, национальных вопросах и пр., то есть тех сфер, проблемы которых в основном лежала за рамками компетенции жандармского управления. Его руководители отмечали нарастание пессими-

²⁵ НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 1022. Л. 79–79 об.

²⁶ ГА РФ. Ф. 102 (ДП–ОО). Оп. 245 (1915). Д. 167, ч. 28. Л. 48–48 об.; Д. 20, ч. 28, литера Б. Л. 34.

²⁷ НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 1108. Л. 11 об. – 12, 91.

²⁸ НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 1108. Л. 90; ГА РФ. Ф. 102 (ДП–ОО). Оп. 245 (1915). Д. 167, ч. 28. Л. 54.

²⁹ ГА РМЭ. Ф. 132. Оп. 1. Д. 7. Л. 40–40 об.

стических настроений, недовольства ухудшающимися условиями жизни и пр. Словом, складывалась ситуация, когда могли возникнуть открытые проявления протеста, возможно вначале не антиправительственные, а против спекуляции, дороговизны. Прекрасно иллюстрирует этот тезис отношение начальника КГЖУ в Департамент полиции, отправленное 1 января 1917 года. Опираясь на агентурные сведения, он сообщает о критическом настроении, охватившем все слои населения губернии. Уважение к власти, в первую очередь у молодежи, падает с каждым днем, порицание членов императорской фамилии – дело заурядное. Другой агент доносил, что настроение общества в Казани «повышенное», огромное большинство его настроено против правительства, чего никто и не скрывает, говорят об этом совершенно открыто. Газеты левого направления «в большом ходу». Создается нервное напряжение, подогреваемое дороговизной жизни. В войска проникают не только либеральные, но и откровенно левые взгляды, свободомыслие заметно среди учеников фельдшерской школы при Казанском военном госпитале, среди чинов окружного интендантского управления и 2-й запасной артиллерийской бригады³⁰.

При всей осведомленности о складывающейся ситуации предпринимать что-то конкретное жандармы не могли, обстановка требовала действий со стороны правительства, императора. Их информационное обеспечение со стороны жандармов было достаточно полным и объективным.

Библиография

1. *Кашанов Р., Козина А.* Шпионы первой мировой. Как в Казани задержали первого разведчика // Аргументы и Факты / АйФ – Татарстан. 2014. 29 июля. № 31. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kazan.aif.ru/society/details/1220357>
2. *Семенова Е. Ю.* Отношение горожан Поволжья к гражданскому немецкому населению в годы Первой мировой войны // Вестник Военного университета. 2011. № 1 (25). С. 139–144.

S. I. Boyko

THE KAZAN`S GENDARMERIE DURING THE FIRST WORLD WAR: SOME OF THE NEW DIRECTIONS OF ACTIVITY

The article reveals some features of the activity of the Kazan provincial gendarmerie administration during the First world War. The focus is on working with foreign citizens and war prisoners and, as well as studying the mood of the population.

Keywords: Kazan province, a gendarme administration, First World War, war prisoners, a mood of the population.

---

³⁰ ГА РФ. Ф. 102 (ДП–ОО). Оп. 247 (1917). Д. 20, ч. 28, литера Б. Л. 1–3 об.

УЧАСТИЕ СЛОВАКОВ В ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ЛЕГИОНАХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье на основе официальных документов и мемуаров участников событий показана роль словаков в формировании чехословацкой добровольческой армии и ее попытках помочь России и союзникам по Антанте на завершающем этапе Первой мировой войны. Особое место уделено участию чехословацкой бригады в битве при Зборове и сибирской миссии словацкого генерала Р. Штефанека.

Ключевые слова: чехословацкий легион, отделение чехословацкого национального совета в России, чехословацкая бригада, битва при Зборове, Р. Штефанек.

В начальной фазе формирования добровольческого чешско-словацкого войска на территории воюющей России в его рядах было относительно мало словаков. Началом процесса формирования чешско-словацких военных частей в России стало создание военного подразделения «Чешская дружина». Оно возникло в Киеве с одобрения русского военного министерства 12 августа 1914 г., после аудиенции у царя делегатов Благотворительного и просветительного общества Я. А. Коменского. В Чешскую дружину могли быть приняты только те словаки и чехи, которые подали просьбы о получении российского подданства, а командирами в дружине были русские. Рост числа чешских и словацких военнопленных в России привел руководство Союза чешско-словацких обществ к мысли об образовании чешско-словацкого военного формирования, за что высказался и первый съезд этого Союза. Переговоры Союза с российским правительством о разрешении сформировать войско из пленных чехов и словаков были затяжными. Россия в это время еще не ощущала недостатка в солдатах и ее интерес к программным требованиям чешских и словацких политических деятелей мог вызвать непредвиденные осложнения с западными союзниками. Несмотря на множество трудностей с набором военнопленных, Чешская дружина постепенно разрасталась и в начале 1916 г. была реформирована в Чешско-словацкий стрелковый полк, который спустя несколько месяцев вырос в Чешско-словацкую стрелковую бригаду.

Ситуация изменилась с появлением большого числа пленных словаков – бывших военнослужащих австро-венгерской армии. Между тем, агитация среди словацких пленных за вступление в добровольческое войско была нелегкой задачей, так как многие из них находились под сильным влиянием венгерских и австрийских командиров. О своеобразном подходе словацких военнопленных к идее чешско-словацкого единства, о различном уровне национального самосознания чехов и словаков писал словацкий легионер Имрих Чехович: «Для словака вступление в чешско-словацкую добровольческую армию требовало по-настоящему глубоких размышлений и полного душевного перерождения. Мало было таких словаков, которые, идя на войну, осознавали, что судьба их приговорила к тому, чтобы они в братоубийственной войне осквернили свое национальное чувство. Большинство

этого не понимало вообще и шло на войну по приказу и безропотно. Национальное самосознание словаков формировалось главным образом под воздействием чехов» [12, с. 36]. Причин, по которым в чешско-словацкое войско вступало относительно мало пленных словаков, было много. Это и разобщенность национального движения, представленного различными союзами, которые не имели общих, понятных для всех интересов. Разумеется, были и вполне прозаические причины, по которым словаки не вступали в войско, например, страх или же отсутствие интереса к политическим делам. Легионер Штефан Майтан так вспоминал о приходе эмиссара: «Пришел к нам эмиссар чешско-словацкого войска. Некоторые из нас были очень обрадованы, другие пришли его послушать из любопытства. В войско никому не хотелось, так как звал нас обычный солдат-стрелок, который не обещал наград, но требовал действий из любви к народу и для его свободы» [там же].

В процесс организации добровольческого войска в России вмешалась Февральская революция. Неожиданное падение самодержавия и неоправдавшиеся надежды на восстановление монархии привели к тому, что приоритетной стала поддержка Временного правительства. Командование чехословацких полков использовало революционные настроения для усиления национального чувства и повышения боевого духа войск. Была проведена присяга войска Временному правительству в России, парижскому Чехословацкому национальному совету и лично Т. Г. Масарику. Парижский национальный совет при этом рассматривали как правительство будущего государства, форму и границы которого предстояло определить мирной конференции. Наиболее опасным для чехословацкого сопротивления последствием Февральской революции была идея большевиков о заключении мира и выходе из войны. На так называемом Государственном совещании в Москве присутствовал и представитель Отделения ЧСНС доктор В. Гирса. В своем приветственном слове он от имени чехов и словаков всего мира выразил полное доверие Временному правительству и резко выступил против всех, кто хотел закончить войну и заключить мир [2]. С опаской были восприняты и попытки создать в армии так называемые комитеты, которые должны были обеспечить контроль солдат над действиями офицерского корпуса. Это было не только неприемлемо, но и неосуществимо в условиях чехословацкого войска, которое, к счастью, находилось далеко от Петрограда, и эхо революционных перемен там не было слишком сильным.

Влияние Февральской революции сказалось также и на чешских и словацких пленных, которые контактировали с местным революционизированным населением, организованным в большевистской партии. Поэтому Отделение Чехословацкого национального совета (ОЧСНС) в России предостерегало от организации по партийному принципу и призывало к нейтралитету в отношении внутренних российских дел [1]. Усиление левых, коммунистических, лозунгов влияло и на завершение процесса формирования Чехословацкой социал-демократической рабочей партии в России, руководство которой признавало ведущую позицию ОЧСНС, но значительно с ним расходилось по основным пунктам программы (сотрудничество с российскими социал-демократами, продолжение мировой революции и после войны и т. д.). «Война пропаганд» происходила, как правило, в основном на страницах журналов.

Летом 1917 года командование чехословацкого войска и ОЧСНС предложили Временному правительству помощь, чтобы добиться разрешения на формирование дополнительных полков. Поначалу Временное правительство не отнеслось

благосклонно к этой идее и не разрешило формирование дополнительных подразделений. Но при этом оно выразило согласие с договоренностью между Масариком и французским министром А. Тома направить 30 тыс. чешских и словацких пленных на оборонительные работы во Францию. Позиция правительства изменилась после наступления войск Временного правительства в июле 1917 г., в котором принимала участие и чехословацкая бригада в районе Зборова. Своей стойкостью они заслужили признание и разрешение на формирование дополнительных полков из чешских и словацких пленных.

Количество словаков в движении сопротивления было небольшим. Принципиально важным было найти подход к пленным словакам, чтобы побудить их вступать в чехословацкое войско. Именно в этом вопросе возникли разногласия между киевским руководством Союза и теми, кто знал настроения словацких пленных. Киевское руководство союза придерживалось точки зрения необходимости освобождения пленных с обязательством воинской повинности. Это означало, что каждый, кто освобождался из плена и получал так называемый «чехословацкий паспорт», должен был взять на себя обязательство вступить в чехословацкое войско. По мнению председателя Союза В. Вондрака, тот, кто согласится с этим, тот «настоящий Чех и Словак», а кто не согласится – немец или мадьяр. Это называлось «добровольным» набором, так как воинскую обязанность добровольно принимали те, кто хотел быть освобожденным [6, с. 89]. Секретарь ОЧСНС Иван Маркович не хотел судить, насколько эта теория была верна по отношению к чехам (бывшие чешские пленные якобы вступали в армию из искреннего патриотизма) [4, с. 58], но не был согласен с ней применительно к словакам. Словаки в большинстве своем были в таком расположении духа, что было неправильным сразу идти к ним с обязательством воинской повинности, даже и ценой освобождения. Маркович утверждает, что их нужно было сначала «пробудить», научить, взбодрить, привлечь, нужно было наполнить их человеческим и национальным достоинством и только потом говорить о воинской повинности. Но для того чтобы поднять словацких пленных на такую ступень общечеловеческого и национального сознания, которая вела бы к решению вступить в армию, нужно было прежде всего вытащить их из лагерей для военнопленных, где они были перемешаны с мадьярами и немцами. Впоследствии Маркович упоминает, что знал многих среди словаков, которых время и правильная тактика сделали чехословацкими добровольцами. Именно поэтому он был не согласен с киевским руководством союза, которое хотело провозгласить их мадьярами в том случае, если они немедленно не вступят в чехословацкую армию [6, с. 90].

Освобождению пленных (в том числе и словацких) в значительной степени способствовала Октябрьская революция. Благодаря ее влиянию, активной пропаганде, наряду с чешскими, и словацких эмиссаров, к началу 1918 г. количество словацких добровольцев в России увеличилось. Но уже летом 1917 года, когда эта тенденция стала очевидной, возник вопрос, следует ли их включать непосредственно во вновь формирующиеся полки, или формировать из них отдельные словацкие части. По этому поводу в сентябре 1917 года состоялось совещание в Киеве. Приверженцы этой точки зрения обосновывали свое мнение тем, что если словаки будут вместе, то сблизятся между собой и будут интенсивнее привлекать тех, кто еще не с ними. Словацкие подразделения, таким образом, нагляднее демонстрировали бы свою неудовлетворенность политикой Венгрии. Высказы-

вались мысли о том, что в Словакию нужно вступить всем вместе. Те, кто не был согласен с этой концепцией, указывали на организационные сложности, на то, что неправильно будет вырывать словаков из тех частей, к которым они привыкли. В совместных частях словаки будут испытывать благоприятное влияние чехов. Словацких добровольцев было все же относительно мало, и их концентрация сделала бы это заметным и позволила бы неприятелю утверждать, что словаки в массе своей не участвуют в большинстве акций [6, s. 91]. В конечном итоге было решено, что словаки, которые уже зачислены в отдельные части, останутся по преимуществу в них, но при этом оставшееся большое количество словаков было записано в 7-й полк, который именно поэтому получил название Татранского. Но и там действовал принцип, что соотношение чехов и словаков должно быть 1 : 2. В 1918 году количество словацких добровольцев возросло примерно на две тысячи. Они были сосредоточены главным образом в 12 полку имени Штефаника.

В Сибири приказом Отделения Чехословацкого национального совета от августа 1918 г. [11, s. 84] предписывалось военным и гражданским пленным чехословацкой национальности производить работы и службы для чехословацкой армии в России. Постановлением Отделения в это же время был учрежден в Иркутске воспитательный лагерь для пленных словаков, командиром которого стал словацкий офицер Эмил Герик, а его заместителем – Владимир Дакснер. Были назначены также 22 инструктора-воспитателя из числа словацких офицеров и добровольцев.

Не все, оказавшиеся в этом лагере, решили вступить в чехословацкое войско. Около тысячи из них вернулись как мобилизованные граждане, а не как легионеры [6, s. 92].

Чехословацкая бригада в битве при Зборове

Военный министр Временного правительства А. Ф. Керенский поначалу думал о роспуске чехословацкого войска. Лишь после того, как приехавший Т. Г. Масарик переубедил его, Керенский отменил приказ о роспуске бригады [11, s. 92]. Вскоре на съезде делегатов полков и дивизий Юго-Западного фронта 27 мая 1917 г. он уже призывал к большому наступлению и имел успех. Съезд постановил сформировать ударные отряды добровольцев. Делегаты первой роты Первого чехословацкого стрелкового полка, среди которых был и довоенный антимилитарист Богус Аусобски, были приняты Керенским и генералом Брусиловым. Те предложили соединить чехословацкую бригаду с тактическим подразделением, которое в наступлении выполняло бы задачу ударного отряда [9, s. 247].

Наступление должны были осуществлять 7-я, 8-я и 11-я русские армии, т. е. необычайно широкая группировка войск. Главная задача возлагалась на 7-ю армию, которая должна была обеспечить широкий прорыв в районе Березани. По первоначальному и несколько хаотически подготовленному плану в операциях 7-й армии должна была участвовать и Чехословацкая стрелковая бригада в качестве ударного отряда. Более поздний приказ это отменил и передал бригаду 11-й армии, конкретно 49-му армейскому корпусу генерала Селичева. Очевидно, это было результатом вмешательства командира бригады полковника Троянова. Он опасался, что бригада представляет собой не монолитное, а достаточно разнородное соединение, подразделения которого не имеют достаточного опыта в наступательных боях. Кроме того, он подчеркнул, что вооружение чехословацкой бригады

недостаточно и не соответствует стандартам [10, s. 99]. В конце концов бригаде была поставлена задача в районе украинского местечка Зборов, где решающий удар должны были наносить на северном фланге 4-я, а на южном – 6-я финские дивизии (резерв составляла 82-я дивизия) [11, s. 94]. Чехословацкая бригада, которая размещалась между ними, должна была перейти в наступление только в том случае, если операция 4-й дивизии будет успешной [4, s. 56]. Она должна была занять участок шириной 6,5 км, разделявший обе дивизии. Уже по размеру отведенного участка можно понять, что большого значения бригаде не придавалось, поэтому она лишь в минимальной степени была усилена артиллерией. Предполагалось, что она вступит в бой только в тот момент, когда соседние дивизии прорвут фронт.

До конца июня 1917 года отдельные роты бригады постепенно сосредоточились в Язерне, где размещались ее штаб и штаб 1-го полка. Штаб 2-го полка был перемещен в Осташовцов. При инспектировании вновь констатировалось, что бригада недостаточно вооружена и имеет мало боеприпасов. Когда солдаты 1-го полка спросили, будут ли у них пулеметы, полковник Троянов ответил лаконично: «Будут, если захватите у противника». Несмотря на это, настроение личного состава было отличным. «Я был свидетелем необычайно бурного восторга», – писал Рудольф Медек после того, как наблюдал отправку своих друзей на фронт. Это было уникальное явление на восточном фронте в то время, так как командиры русских подразделений скорее опасались того, чтобы их люди не разбежались. Упадок боевого духа солдат проявился в бригаде, когда второй батальон 2-го чехословацкого полка, сформированный не из добровольцев, а из мобилизованных на Волыни чехов, отказался занять позиции на первой линии.

Дезорганизация и хаос проявились и на разных уровнях командования. Чехословацкие полки не получили ни от командования бригады, ни от командования корпусом, которому они были приданы, никаких конкретных инструкций об участии в готовящемся наступлении. В этой ситуации зародился план наступления, авторами которого были чешские поручики Станислав Чечек и Отокар Гусак. Гусак использовал хорошее знание местности со времен своей разведывательной деятельности на этом участке фронта. Взамен повсеместно применяемой шаблонной практики наступления несколькими шеренгами чешские командиры предпочли наступление малыми группами, которые самостоятельно проникали бы на неприятельские позиции, избегая мест, которые австро-венгерская артиллерия эффективно покрывала своим огнем. Они тщательно ознакомили с принципами наступления и отдельными задачами низшие подразделения, включая роты и взводы, командирам которых они были понятны и соответствовали их опыту и навыкам службы в разведывательных отрядах. Тогда это был совершенно новый тактический принцип, который позволял избежать больших потерь при наступлении пехоты, когда их немилосердно скашивал пулеметный огонь неприятеля. Этот оригинальный подход, определенная импровизация при шахматном способе наступления предполагали инициативу и определенную самостоятельность каждого наступающего солдата, возможность положиться друг на друга, одним словом – высокий боевой дух [10, s. 100].

С этой точки зрения Чехословацкая стрелковая бригада была элитным подразделением, лучшим на всем Юго-Западном фронте. Условием успешного прорыва было преодоление неприятельских заграждений. Так как в распоряжении

не было сильной артиллерии, то эту задачу должна была выполнить сама пехота. Это была очень опасная и рискованная задача, обычно сопровождавшаяся тяжелыми потерями солдат, которые ручными гранатами прокладывали проходы в неприятельских заграждениях. Каждая рота 1-го батальона первого полка должна была выделить 16 гранатников (следовательно, в батальоне, в котором было 4 роты, могло быть всего 64 добровольца на это задание) [3, s. 40], но в ротах перед наступлением вызвали 200 добровольцев, так что большинству поручик С. Чечек был вынужден отказать. В этой спонтанной храбрости проявлялась не некая врожденная воинственность солдат, а патриотизм и убеждение в том, что они бьются за свободу своего народа [10, s. 100].

Чехословацкой стрелковой бригадой при Зборове командовал полковник В. П. Троянов, первым стрелковым полком командовал подполковник Павловский (1 батальоном командовал С. Чечек, 2-м – Отокар Гусак, 3-м – Зденек Фиерлингер). Вторым стрелковым полком командовал подполковник Зембалевский (1 батальон – Радола Гайда, 2 батальон не участвовал в наступлении). Третьим стрелковым полком командовал полковник Мамонтов (1 батальон – Рудольф Вобратилек). Артиллерию возглавлял Й. И. Каргер, пулеметную роту – Войтех Лужа, ранеными занимались Владимир Херинг, Ондржей Библи и русские врачи Захаров и Элманович. Не только в тактической подготовке, но и собственно в наступлении высшее русское командование вообще не участвовало. В ходе наступления [10, s. 101] ярко проявили себя совершенно новые люди, бравшие на себя командование группами и взводами, командиры которых были выведены из строя.

1 июля 1917 года на фронте шириной в несколько десятков километров началась мощная артиллерийская подготовка, за которой последовали атаки пехоты. Чехословацкие подразделения должны были начать действовать 2 июля. Как вспоминают участники битвы, в 8–45 пошла в наступление соседняя справа 4-я финская дивизия [10, s. 102]. Через четверть часа выступили гранатометчики 1-го батальона первого полка во главе с ефрейтором Секаниной, а после его гибели – ефрейтором Мусилеком [3, s. 41]. К ним быстро присоединились отдельные роты пяти батальонов 1-го и 3-го чехословацких полков, а на левом фланге – 1-й батальон второго полка. Небольшие отряды прорывали отдельные оборонительные позиции, пока неприятельская артиллерия обстреливала покинутые окопы. Группы в 6–12 человек поражали своей ловкостью. Создавалось впечатление, что каждый солдат знал свое место и задачу, которую ему надлежало выполнить.

Чехословацким батальонам удалось сломить сопротивление неприятеля и на сильно укрепленной высоте Могила, после шестичасового боя бригада проникла вперед на глубину 3–5,5 км австро-венгерской обороны [10, s. 102].

Мировой общественности о битве при Зборове стало известно после сообщения российского верховного командования от 3 июля 1917 г., в котором, кроме прочего, говорилось: «Храбрые войска четвертой финской дивизии и чехословацкой бригады захватили сильно укрепленные неприятельские позиции на высотах западнее и юго-западнее от Зборова и овладели укрепленной деревней Коршилов, преодолев при этом три ряда вражеских окопов. Финская дивизия взяла в плен 1560 офицеров и солдат, 4 орудия, 9 пулеметов и 1 миномет. Чехословацкая бригада взяла в плен 62 офицера, 3150 солдат, 15 орудий и много винтовок [3, s. 44], большинство которых было обращено против неприятеля...». Таков был результат

атаки нескольких батальонов чехословацкой бригады: 3500 плохо вооруженных солдат добились самого яркого успеха в наступлении, в котором участвовали три армии [10, s. 103].

С выдающимся успехом при Зборове чехословацкую бригаду поздравлял сам Керенский. Главнокомандующий русской армией генерал Брусилов так оценил в беседе с Масариком зборовский успех: «Глубоко кланяюсь вашим воинам». Масарик отмечал, что при Зборове «наше войско впервые выступило как боевая единица. До этого времени оно выполняло на русском фронте разведывательные задачи. При Зборове оно выступило как боевое подразделение. Своей храбростью и дисциплинированностью солдаты снискали симпатии и восхищение русских, а также и неприятеля» [7, s. 57]. С неменьшим восхищением о чехословацких добровольцах говорил и английский писатель Сомерсет Моэм, который в то время находился в России [5, s. 29].

Успех, однако, не обошелся без потерь. При Зборове пали и пропали без вести 185 человек, около 800 было ранено [10, s. 103].

В период с июля по ноябрь 1917 года десятки эмиссаров Отделения ЧСНС в России вербовали пленных в полки. Идея создания чехословацкого государства в качестве ведущего мотива их деятельности сыграла позитивную роль, особенно если сравнить ее с царистскими планами Союза Людовита Штура [13, s. 13]. Поначалу эмиссары встречали среди словаков пассивность и равнодушие. Постепенно ситуация улучшилась, во многом благодаря выдающимся словацким деятелям (Й. Г. Тайовски, Я. Есенски), которые издавали множество листовок и призывов. До конца октября возникли 3, 4, 5, 6, 7 и 8-й стрелковые полки, 1-й запасной полк, два артиллерийских отряда, штабы обеих дивизий и штаб армейского корпуса. До лета 1917 года было 7000 воинов, к сентябрю – 22000 добровольцев, а осенью в чехословацкое войско вступили еще приблизительно 10000 пленных. Создание этого 40-тысячного Первого чехословацкого армейского корпуса представляло собой качественно новое явление, по сравнению с Дружиной, которая являлась составной частью русской армии.

М. Р. Штефаник и его миссия в Сибири

Уже в июле 1918 года была достигнута договоренность о проведении совместной миссии генералов Штефаника и Жанена, снаряженной совместными усилиями военного комитета Высшего военного совета, французского военного министерства и Чехословацкого национального совета. Целью объединенных сил было наладить «связь между Сибирью, которая стала их базой для отступления, и базами союзников на Северном море». Конечной целью акции являлось восстановление сообщения на всем протяжении Транссибирской магистрали и далее, чтобы «от Белого моря до Черного моря была создана по возможности густейшая сеть опорных пунктов, способных создать заслон от немецкой экспансии на восток». В инструкции от 15 августа 1918 года о задаче Штефаника говорится так: «Генерал Штефаник, вице-председатель Национального совета чешской земли, будет сопровождать генерала Жанена и будет при нем выполнять функцию заместителя главного командующего чехословацкой армии» [15, s. 209].

Штефаник завершил многие военно-политические переговоры, прежде всего с Масариком, но в том числе и с передовыми американскими деятелями по вопросам чехословацкого войска в Сибири [14, s. 71].

Позднее Штефаник выехал в Сан-Франциско, откуда через Корейское море добрался до Японии [15, s. 215]. Здесь он принял участие в нескольких переговорах, посредством которых пытался раздобыть информацию об актуальном положении в легионах. Еще до приезда Жанена он ходатайствовал об обещанной помощи чехословацкому войску, однако его старания имели довольно скромные результаты и ответственные лица не могли ему помочь в предоставлении требовавшейся информации.

Более подробные сведения Штефаник получил от политико-дипломатического представителя чехословацкого национального совета во Владивостоке В. Гирсы. Легионеры ожидали их с надеждой, что они прекратят участие солдат в гражданской войне и интервенции, в эпицентре которых они находились. Это подтверждает и телеграмма, которую послали Штефанику из Отделения Чехословацкого национального совета (ОЧСНС) в России. Ситуация в Сибири настолько осложнилась, что личное присутствие там Штефаника было крайне необходимо. Телеграмму отправили 24 октября, но ответил на нее Штефаник только 1 ноября, объяснив задержку ответом работой и болезнью [15, s. 221–223]. В Токио его здоровье резко ухудшилось, и Штефаник был вынужден прервать путешествие. Известие о провозглашении независимого Чехословацкого государства в Праге 28 октября и о возложении на него должности военного министра и назначении его первым генералом Штефаник получил будучи прикованным к постели [2, s. 58].

После переговоров с политическими и военными деятелями Японии о предоставлении материальной помощи войску Штефаник и Жанен продолжили путь в Россию. Японский корабль с ними и их сопровождающими на борту бросил якорь на пристани Владивостока около полуночи с 15 на 16 ноября 1918 г. [14, s. 70]. Утром по прибытии во Владивосток произошла их встреча с членами Отделения Чехословацкого национального совета. Первым вице-председателем ОЧСНС был Богдан Павлу. Среди других членов совета следует упомянуть также Патеядла, Рихтера, Гирсу, генерала Чечека и французского генерала Париса. Штефаник немедленно отправился к войску. Жанен остался пока во Владивостоке, где вел переговоры с тогдашним японским командованием по организационным вопросам, например, о поставках продовольствия и амуниции для войска.

По дороге на запад, вплоть до Екатеринбурга, Штефаника сопровождали Павлу, Рихтер и несколько французских офицеров и солдат, охранявших поезд, в котором он ехал. После довольно спокойного путешествия 20 ноября поезд на два дня остановился в Харбине, где Штефаник получил известие о военном перевороте адмирала Колчака в Омске [15, s. 244]. Среди чехословацкого руководства переворот вызвал серьезное беспокойство. Отделение ЧСНС для успокоения войска сделало заявление, в котором дистанцировалось от недемократического переворота. Однако этим заявлением Отделение вовсе не успокоило ситуацию, но, напротив, восстановило против себя представителей стран Антанты, которые знали о готовящемся перевороте и поддерживали Колчака. Штефаник не мог открыто объявить, что установление диктатуры было подготовлено в Версале. Он связался по телефону с Жаненом, который находился во Владивостоке и от которого узнал об ухудшении ситуации в войсках из-за переворота. Командующий корпусом генерал Я. Сыровы так информировал об этом Жанена: «Вследствие переворота ситуация на фронте сильно осложнилась. Чехословацкие войска сильно устали, и необходимо их сменить как можно скорее, тем более, что постоянные государ-

ственные перевороты в России не вызывают симпатии». В заключение он добавил: «Я не располагаю необходимыми силами, чтобы удерживать фронт и одновременно сохранять порядок в тылу». Жанен сообщил Штефанику, что он объяснил генералу Сыровы, что задержать войска в Сибири в интересах его родины, получившей независимость благодаря победе союзников над Германией [14, s. 72].

Штефаник понимал правомерность требования генерала Сыровы стянуть войска в тыл, но, с другой стороны, учитывал политику союзников, которые настаивали на том, чтобы Транссибирскую магистраль и город Омск обороняли вплоть до обещанного ими прихода. Штефаник с большим трудом мог смириться с фактом отступления чехословацкой армии. Он хотел попытаться предпринять хотя бы кратковременное наступление в западном направлении. Однако вскоре ему стало известно, что ситуация в войске гораздо серьезнее, чем он предполагал [8, s. 239]. Утром 22 ноября Штефаник оставил Харбин и продолжил путь через Маньчжурю до Читы и далее на запад. Известие о его приезде быстро распространилось среди солдат. Они верили, что именно он будет способен обеспечить их скорое возвращение на родину. Даже несмотря на плохое самочувствие, на протяжении всего пути до Екатеринбурга Штефаник принимал делегации офицеров и солдат, которым отвечал на различные вопросы. 28 ноября на иркутской станции подпоручик из делегации словацкого полка задал ему вопрос, который больше всего мучил солдат: «Почему мы еще воюем здесь, если мы получили то, за что боролись, то есть свое государство, тем более что союзники не приходят на помощь, а русские все тяготы войны с большевиками перекладывают на нас? Наше войско страшно изнурилось и устало» [15, s. 245]. Штефаник ответил на его вопрос развернуто, обозначив шесть пунктов, которые в дальнейшем повторил в остальных полках. Во-первых: «Большевизм – есть анархизм... который... угрожает и нашему государству. Если в России ситуация не нормализуется, искры анархии долетят и до Чехии. А если разгорится пожар, то не следует ждать, пока огонь приблизится к нашим домам и поглотит их, но нужно гасить его вовремя. Наше государство молодое и после пятилетней войны нуждается в спокойном развитии, которое не может настать, пока не успокоится Россия». Во-вторых: «... Мы сегодня в числе союзников и должны считаться с общими интересами, задачами и целями». В-третьих, он подчеркивал: «Мы просили помощи для себя, и мы ее получили. Мы просили, чтобы союзники предоставили нам под своим боком достойное место, и нам было это предоставлено. Россия среди первых помогла нам организовать. Теперь нам выпала задача помочь России. Мы не можем отказать в помощи. Это было бы неблагодарным, не славянским жестом, и в конце концов, это просто непредусмотрительно, ибо мы заинтересованы в сильной возрожденной России. Мы будем несомненно в будущем нуждаться в ее помощи». В-четвертых: «Мы страдаем и терпим, нервы также на пределе, но именно этим терпением и страданием мы обязаны нашему государству. Без крови и страдания мир никогда бы не узнал о нас, наши испытания снискали нам симпатии всего мира и особенно союзников». В-пятых: «Военная честь нам не позволяет бросить оружие. Дело освобождения не окончено, но уже близится к концу. Честь родины нам приказывает, чтобы завершение революции было таким же честным и достойным, каким было его начало». И, наконец, в-шестых, «союзники нас не бросили. Было бы бессмысленным посылать целую дивизию

вокруг света через бесконечную Сибирь, когда они имеют доступ к Черному и Балтийскому морям. И союзники придут. Это вопрос недалекого будущего». Союзники действительно вмешались, и с юга, и с запада, и с севера [15, s. 255]. После того, как Штефаник расстался с делегацией офицеров он еще принял делегацию четырех словацких добровольцев и шестерых словацких пленных [14, s. 74].

5 декабря на станции в Челябинске Штефаник встретился с делегацией солдат первого полка, к которым он обратился со следующими словами: «Раз сегодня армия отступает, это значит, что у нее нет идеи. Я пришел, чтобы ее вам раскрыть. Я пришел к вам не как министр. Моя программа – путь домой. ... Союзники требуют, чтобы мы тут еще оставались. Это же нам говорит и наша честь. Мы должны вместе проявить упорство... Республика сегодня существует, однако, как она будет дальше жить, зависит от мирной конференции. ... Если мы потеряем уважение союзников, они не будут нас проклинать, но и не будут нас считать равными себе и утратят к нам интерес. А последствия? Мы бы имели государство, в котором не жили, а существовали». Такие аргументы Штефаник использовал во всех беседах, и в подобном духе была выдержана и его первая речь перед чехословацким войском 8 декабря в Екатеринбурге. Однако он был очень уставший, поэтому вместо него речь зачитал генерал Сыровы, который в конце выступления воскликнул: «Да здравствует министр национальной обороны генерал Штефаник!» Штефаник при себе имел и письмо президента Масарика, которое получил еще во Владивостоке. В письме говорилось о необходимости для войска оставаться в Сибири.

Ни эта речь, ни даже указание Масарика солдат не удовлетворили. Но Штефанику в самом начале удалось несколько стабилизировать положение в войсках и убедить часть полков принять участие в зимнем походе на Кунгур и Пермь. Некоторые полки участвовали в осаде Перми 25 декабря, и это явилось последним победоносным сражением чехословацкого войска в Сибири [15, s. 248].

В многочисленных беседах и на основе личного опыта Штефаник четко формулировал свои идеи, проекты и взгляды, которые касались войска и его пребывания в Сибири. Он информировал о них также правительство и президента. Текст телеграммы, которую он им отослал, представляет собой, по сути, аналитический документ о ситуации в чехословацком войске: «Чехословацкая армия истощена морально и физически. Но было бы несправедливо осуждать ее и не брать в расчет предпринятые ею усилия и достигнутые результаты. Армия организовалась наперекор безразличию или враждебности, в условиях разрухи. Движимая любовью к родине, она сражалась на просторах от Волги до Тихого океана и по требованию союзников снова пробила путь аж на Урал прежде, чем могла подоспеть помощь союзников; после пяти месяцев борьбы против врага в десять раз более сильного армия удерживала фронт длиной 1400 км, охраняя соединение 8000 км. ... Настоящая моральная депрессия является следствием непрерывных усилий и продолжительного нервного напряжения. Солдаты, которые вынуждены выдерживать сорокаградусные морозы в негостеприимном крае, отлученные от цивилизации, давящиеся уже 10 месяцев в товарных вагонах, полных насекомых, численно ослабленные болезнями и потерями в боях вплоть до недавнего момента под влиянием недостаточной стойкости русских солдат, удаленные от родной

земли, об освобождении которой они узнали и куда они стремятся, не воюют с былым энтузиазмом» [14, s. 77].

Штефаник, таким образом, скоро понял, что ситуация в войсках гораздо сложнее, чем он предполагал. Участились случаи непослушания и отказов вступать в бой. В декабре 1918 года Штефаник приступил к реформам в армии, которые должны были превратить существующую добровольческую армию в регулярную. 14 декабря Отделение ЧСНС было ликвидировано. Вместо него Штефаник учредил пять ведомств, которые подчинялись военному министерству: 1) политическое отделение во главе с Богданом Павлу; 2) военное управление под руководством подполковника Рудольфа Медека; 3) финансовое управление руководимое поручиком Франтишеком Шипом; 4) военную инспекцию, возглавляемая генералом В. Н. Шокоровым; 5) верховное контрольное отделение в ведении Вацлава Сухи. Полномочным представителем Чехословацкой республики в России 17 января он назначил Богдана Павлу. Штефаник учредил специальный орган управления «Особый корпус для России», который должен был решать все вопросы, касающиеся армии. Назначил туда Б. Павлу, командующего войском генерала Сыровы, подполковника Медека и В. Сухого. Наиболее радикальными решениями стали указ об уничтожении комитетов в войске и запрет на проведение военного съезда вопреки тому, что выборы делегатов уже прошли. Эти указы вызвали среди солдат неодобрение и не лучшим образом повлияли на единство чехословацкой армии [8, s. 240].

Некоторых членов ликвидированного ОЧСНС, которые, по его мнению, имели слишком радикальные взгляды, он направил на родину с миссией информировать правительство о состоянии войск. В составе этого посольства были Есенски, Давид, Яник, Полак, Патејдл и Мейснер. Между тем Штефаник 19–20 декабря лично встретился с Колчаком, чтобы разъяснить ему позицию чехословацкого войска. Совместно с Жаненом они стремились убедить Колчака, чтобы он принял решение Парижа и передал командование войсками генералам Жанену и Кноксу. Однако убедить Колчака не удалось. Его не устраивало, что русское войско будет подчиняться иностранному командованию.

Штефаник убедил Жанена, чтобы тот после получения командования посетил фронт и разобрался в сложившейся там обстановке. Штефаник должен был приехать за ним 26–27 декабря в Екатеринбург, где они вместе должны были принять участие в праздновании вручения знамени 1-му ударному батальону чехословацкого войска. Штефаник прибыл туда 29 декабря, однако из-за суровых зимних морозов праздник не состоялся. Его задержка была вызвана событиями в Омске. Там произошло убийство группы представителей меньшевиков и эсеров, которые после колчаковского переворота находились под охраной чехословацкого войска и лично генерала Сыровы. Об их спасении Штефаник два раза ходатайствовал перед Колчаком и угрожал ему, что пришлет на погребение жертв своего заместителя, чем дал понять, что с убийцами не имеет ничего общего. Вдовам убитых он выразил соболезнование, что не позволил это сделать никому из офицеров, хотя в убитых они видели представителей демократической России [15, s. 250–252].

Ситуация на фронте ухудшалась и чехословацкие полки отказывались сражаться, в чем имел возможность убедиться и Жанен. На переговорах со Штефаником он высказался за то, чтобы чехословацкое войско было переброшено с фронта в тыл. Жанен временно 1 января 1919 года вернулся в Омск, где обсуждал вопрос союзни-

ческого управления в Сибири. Штефаник остался пока в Екатеринбурге, где решил вышеупомянутый вопрос съезда чехословацкого войска. Там же он принял предложение представителя американского Красного креста о репатриации больных и раненых чехословацких солдат на родину, благодаря чему ему удалось эвакуировать около 5000 легионеров. 10 января Штефаник вернулся в Омск очень уставшим. Из-за предыдущих событий, плохого самочувствия и отсутствия вестей с родины он решил вернуться как можно скорее в Париж и сделать там все возможное для отправки войска домой. В последующие дни он принял еще участие в консультациях союзников об упорядочении управления Сибирью [14, s. 81].

Стремление Штефаника реорганизовать войско добровольцев в регулярную армию независимого государства по французскому образцу вызвало большое беспокойство и возмущение. Почти 3000 солдат после провозглашения указа отошло от войска и перешло на сторону сибирских партизан, а несколько малочисленных групп даже поселилось в таежных деревнях и городах, поблизости от магистрали. В полках возникали коммунистические ячейки, которые сотрудничали с большевистскими организациями. Жесткие репрессии к таким легионерам со стороны военного командования были малоэффективны.

Сохранилось большое количество архивных и мемуарных материалов, которые доказывают, что не существовало ничего, что могло бы убедить чехословацкое войско и дальше единодушно сражаться против Красной армии. Штефанику это при всех его стараниях сделать не удалось [15, s. 257–258].

Сибирская миссия Рагислава Штефаника завершилась его возвращением во Францию. Несмотря на очень плохое самочувствие, он стремился нейтрализовать обострившуюся ситуацию в легионе, поддержать психологически и морально разложившееся войско, которое оказалось в непростой политической обстановке. Стремление убедить солдат в необходимости продолжать войну сменилось в убеждение вывести легионы из Сибири.

Как уже упоминалось, усиление и переход в наступление Красной армии, возникновение ЧСР и массовая партизанская война, которая началась весной 1919 года, стали главными источниками беспокойства и нежелания солдат чехословацкого корпуса продолжать войну. С конца января до мая 1919 года их постепенно переместили с фронта на охрану Транссибирской магистрали. В этой военно-политической организации постепенно возобладало убеждение о тщетности попыток помочь России в ее внутренних проблемах. С середины 1919 года вся деятельность корпуса уполномоченных сосредоточилась на поисках возможностей для эвакуации армии во Владивосток и далее в Чехословакию. Уход легионеров ускорил заключение перемирия с Россией (советами) 8 февраля 1920 года. Однако история легиона и легионеров с их отбытием на родину не закончилась.

Библиография

1. Čechoslovák. 17. VII. 1917 a 15. IX. 1917.
2. Čechoslovák. 27. VIII. 1917.
3. John M. M. R. Štefánik. Olomouc, 2000. S. 58.
4. Galandauer J. Bitva u Zborova. Praha: Havran, 2002.
5. Klevanskij A. Ch. Českoslovenští internacionalisté a legionářský sbor v Rusku. Praha: Horizont, 1973.
6. Křížek J. Nemci, Lenin a československé legie. Praha: Vyšehrad, 1997.

7. *Markovič I.* Slováci v zahraničnej revolúcii. Praha: Nákladom pamätníka odboja, 1923.
8. *Papoušek J.* Zborov. Praha, 1921.
9. *Pichlík K.* Českoslovenští legionáři (1914–1920). Praha, 1996.
10. *Pichlík K.* Zahraniční odboj 1914–1918 bez legend. Praha: Svoboda, 1968.
11. *Pichlík K.* – *Klípa B.* – *Zabloudilová J.* Českoslovenští legionáři. Praha: Mladá fronta, 1996.
12. *Pichlík K.* – *Vávra V.* – *Křížek J.* Černobíla a rudá. Praha: Naše vojsko, 1967.
13. *Sidor K.* Slováci v zahraničnom odboji. Bratislava, 1928. S. 76; *Kvasnička J.* Československé légie v Rusku 1917–1920. Bratislava, 1963. S. 22; *Gosiorovský M.* K predstavám zahraničných Slovákov a Čechov o štátoprávnom postavení Slovenska po vojne 1914–1918. In: Zborník FF UK Historica, r. 19., 1968.
14. *Štvrtecký Š.* Generál dr. Milan Rastislav Štefánik na Sibíri a česko-slovenské légie. In: *Hronský M.* Generál dr. Milan Rastislav Štefánik – vojak a diplomat. Bratislava, 1999. S. 71.
15. *Štvrtecký Š.* Náš M. R. Štefánik. Bratislava, 1990. S. 209.

M. Danish

THE PARTICIPATION OF SLOVAKS IN THE CZECHOSLOVAK LEGIONS OF THE FIRST WORLD WAR

On the basis of official documents and memoirs of participants of events shows the role of Slovaks in the formation of the Czechoslovak volunteer army and its efforts to help Russia and the Entente Allies in the final stages of First World War. Particular attention is paid to the participation of the Czechoslovak Brigade at the Battle of Zborov and Siberian mission Slovak General R. Štefánek.

Keywords: Czechoslovak Legion, Department of the Czechoslovak National Council in Russia, Czechoslovak Brigade, the Battle of Zborov, R. Štefánek.

СЛОВАКИ И ТОЛСТОВСКИЙ ПАЦИФИЗМ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье на примере отношения словацкого патриота Д. Маковицкого, последователя движения русских толстовцев, показаны пацифистские настроения части российского общества на начальном этапе Первой мировой войны.

Ключевые слова: пацифизм, Первая мировая война, толстовство, словацкие патриоты, Д. Маковицкий.

Австралийский историк Кристофер Кларк, автор труда «Сомнамбулы. Как Европа шла на войну», говоря об истоках Первой мировой войны на открытии Зальбургского фестиваля летом 2014 года, указывал на то, с каким воодушевлением европейская культурная элита поддерживала эту войну. Даже такой выдающийся ученый, изменивший представление мира о человеке, как Зигмунд Фрейд, был весьма воодушевлен и говорил о том, что никогда не чувствовал себя австрийцем до такой степени, как после начала Первой мировой войны. Разумеется, откат произошел очень быстро, у Фрейда на войне погибли два сына, и вся европейская элита испытала горькое разочарование. Националистический ажиотаж, который охватил европейскую элиту перед Первой мировой войной, говорит о том, что даже самый развитый интеллект проигрывает мощи природной агрессии, заложенной в человеке-животном, легко попадает в сети национализма, особой исключительности своего народа. В те годы восторг Фрейда разделяли Томас Манн, Музиль, Гофмансталь, видевшие в войне очищение от буржуазности и застоя. Так люди культуры, всегда работавшие противовесом политики, предавали свое предназначение, пренебрегая собственными нравственными ориентирами.

Быть пацифистом накануне Первой мировой войны было небезопасно, а во время войны такие взгляды оценивались как государственная измена и преступление.

Пацифистское движение, вышедшее на арену мировой политики на рубеже веков, властно заявило о себе накануне Первой мировой войны. Пацифизм, будучи плюралистическим идейно-политическим течением, впитавшим в себя гуманистические ценности либерализма и мировых религий, стремился к искоренению насилия и войн международно-правовым или этическим путем.

Одним из направлений этического пути пацифизма стал пример движения толстовцев, последователей учения русского писателя Л. Н. Толстого «непротивления злу насилием». Среди последователей учения Л. Толстого было немало словацких патриотов. Контакты словаков с русским писателем являются одним из ярких сюжетов обширной темы русско-словацких связей.

Особое место в истории словацко-русских контактов занимает тема взаимоотношений представителя словацкой интеллигенции рубежа XIX–XX вв., медика, последователя и сторонника идей непротивления злу насилием Душана Маковицкого и известного русского писателя Л. Н. Толстого. Маковицкий принадлежал

к поколению словацких патриотов, так называемых гласистов¹, которые в своей борьбе и программах во многом ориентировались на учение Л. Толстого. В словацкой литературе существует мнение, что отношения Маковицкого и Толстого сыграли значительную роль в распространении учения русского писателя в Словакии в первую очередь в плане его критики существующего в России режима и православной церкви [10].

Традиционно «первую скрипку» в изучении взаимоотношений словацкого патриота и русского писателя играют литературоведы, изучавшие русско-словацкие отношения с точки зрения литературных связей². О словацком последователе идей Л. Толстого написано значительное число научных и публицистических работ [5, с. 77–85; 6, с. 315–325].

Характеризуя словацкого друга Толстого, академик А. Мраз писал: «В Маковицком, человеке в целом простом, уравновешенном и прямолинейном, соперничали друг с другом две привязанности: любовь к словацкой жизни и преданность учению Толстого» [11, s. 33]. Думается, мы не погрешим против истины, отметив, что была у него еще одна, третья привязанность – это Россия, которую он любил глубоко и искренне. И все три привязанности не соперничали, а дополняли друг друга. В 1907 году Д. Маковицкий писал в Словакию: «Жизнь в России для славянина полна такого же смысла, как бы он жил дома. Мы, словаки, в своей практической жизни (разделение труда, способ труда (инструментами)... стремление к порядку, чувство обязанности – исполнение долга (работа, за которую взялся и т. п.)... впереди русских... В России славянину легко привыкнуть и можно хорошо себя чувствовать. Пусть вас не страшат тревоги, в газетах все втрое или даже вчетверо преувеличено, а многое просто выдуманно»³.

Литература по проблеме взаимоотношений Д. Маковицкого и Л. Толстого в начале XX в. в основном представлена трудами словацких авторов и российских славистов, в первую очередь литературоведов. Особое место среди них занимает исследование словацкого ученого Т. Винклера [12].

В настоящее время обращение к «русской истории» Д. Маковицкого открывает новые подходы для исследователей: словацкое предпринимательство, гендерные отношения, генеалогия, медицинская практика⁴.

Наиболее значимые из современных публикаций о взаимоотношениях Л. Толстого и Душана Маковицкого, на наш взгляд, предприняты российским лингвистом

---

¹ От названия журнала *Нас*, вокруг которого сгруппировались сторонники так называемого чешского реализма и толстовства.

² См. сборник трудов конференции «Z ohlasov Tolsteho na Slovensku». Slovenske studie. IV. Bratislava, 1960; *Kolaфа S. Nastin zivota a dila D. Makovickeho* // Ibid. S. 163–184. В 1979 году в результате совместного проекта ученых-литературоведов России и Словакии вышло 4-х томное издание «Яснополянский записок» Душана Маковицкого; *Mraz A. K zivotopisnym romanom o dvoch slovenskych tolstojovcoch* // Ibid. S. 253–270. Кроме того, есть публикация статьи С. Колафы в предисловии к изданию «Яснополянский записок» 1979 г.: *Колафа С. Душан Петрович Маковицкий: Биографический очерк*. С. 32–49.

³ *D. Makovický A. Mamatejovi, s. d. (pravdepodobne 1907)*. Literární archiv Památníku národního písemnictví Praha, fond D. Makovický.

⁴ См., например: *Баганова М. Лев Толстой. Психоанализ гениального женоненавистника*. М.: АСТ, 2014.

А. Г. Машковой [3], профессором кафедры славянской филологии МГУ им. М. Ломоносова, и сотрудницей Института словацкой литературы САН Д. Гучковой [9, с. 2].

Менее всего изучено участие Д. Маковицкого в пацифистской деятельности кануна Первой мировой войны. Публикации архивов последних лет позволяют в год 100-летия начала Первой мировой войны вновь обратиться к этой теме и раскрыть малоизвестные сюжеты «русской истории» Д. Маковицкого¹.

Распространение толстовской мысли представляет собой важнейшую веху в глубоком кризисе европейского самосознания конца XIX в. Так называемое толстовство отразилось на судьбе католического реформизма (известного как модернизм), проникло в самые различные круги европейского общества: оно укрепилось в демократическом пацифизме и революционном милитаризме; было вдохновителем анархо-христианского движения; пользовалось большим успехом в международной социал-демократии². Учение Толстого оказало огромное влияние и на интеллигенцию, и на народные слои. Обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев заявил по этому поводу, что преклонение перед Толстым приняло характер «эпидемического сумасшествия» [4, с. 253]. Программа жизни по Толстому нашла в некоторых кругах практическое воплощение, или, по крайней мере, были предприняты действия, означавшие для русского общества существенную попытку преодолеть разрыв, отделяющий интеллигенцию от народа. Именно этот характер учения Толстого был остро воспринят молодой словацкой интеллигенцией, наиболее близко стоящей по своему духу к народной жизни.

Толстовство как уникальное общественное движение зиждилось на учении Л. Н. Толстого непротivления злу насилieм, хотя писатель недвусмысленно поправлял: «Я Толстой, но не «толстовец» [7, с. 227].

С началом вступления России в войну, когда призыв захватил огромные круги людей, даже и не ожидавших этого, – перед всеми, кто жил религиозной жизнью, (среди них были не одни «толстовцы», а также малеванцы, евангелики, субботники и представители других народных религиозных сект), встал вопрос: кому же продолжать служить – Богу или дьяволу?

Но не в этом только, чисто пассивном протесте, выразилось отрицательное отношение религиозно настроенных людей к войне. В разных местах России были опубликованы христианские воззвания против войны, и, в частности, те два воззвания, которые и составили предмет судебного разбирательства на так называемом «деле толстовцев» в 1916 году.

«Толстовство», по сравнению с другими свободными религиозными течениями (положим, баптизмом), очень мало склонно к пропаганде и прозелитизму. Сам основатель учения не имел этой склонности и не ценил, не поощрял ее в своих последователях. «Толстовство» усвоило евангельскую традицию о том, что никто не обратится, пока не призовет его Отец. Это не значит, конечно, чтобы «толстовцы» скрывали свои убеждения или замыкались в своей среде. Они прямо

¹ «Воззвание имело целью... успокоить встревоженную войной совесть толстовцев-антимилитаристов» // Документы Государственного музея Л. Н. Толстого о судебном процессе 21–30 марта 1916 года // Отечественные архивы. № 3. 2006; Документы Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве о судебном процессе 21–30 марта 1916 г.

² См. об этом подробнее: А. Саломони. Эмигранты-толстовцы между христианством и анархизмом (1898–1905) // Русская эмиграция до 1917 г. Лондон, 1996.

и откровенно высказывают при случае свою веру, но, кажется, еще ни один из них не сделал из проповеди, из пропаганды профессию. – «Не называйтесь учителями! «Это стало причиной того, что многие последователи учения Льва Толстого, в том числе и его секретарь В. Г. Чертков, не подписали воззвания.

Нужно было стечение обстоятельств, действительно, необыкновенных, чтобы понудить «толстовцев» на открытое выступление со словами вразумления к людям. Стечением таких обстоятельств объясняется отчаянное выступление толстовцев в августе-октябре 1914 г. против империалистической войны, выплеснувшееся несколькими воззваниями, и среди них воззвания: «Опомнитесь, люди-братья!» и «Милые братья и сестры» [1, с. 13].

В составлении текста этих двух воззваний большую роль сыграл русский толстовец, сподвижник великого писателя, биограф Л. Н. Толстого, его личный секретарь в последний год жизни В. Ф. Булгаков¹. Одним из первых (из 42 подписантов), кто поставил свою подпись под текстом и даже предлагал изменить название на «Опомнимся, люди-братья!», был Душан Маковицкий.

Появление этих воззваний и последующие события представляют интересную и сложную криминальную драму с судебным финалом. Как вспоминает В. Ф. Булгаков, «толстовцам было совершенно все равно, кто начнет войну против войны и прежде всех провозгласит призыв к миру. Если бы это сделала православная, или другая какая-нибудь церковь, мы с радостью примкнули бы к прекрасному движению. Но все церкви молчали. Один только папа Пий X, на просьбу австрийцев «благословить их оружие», ответил, что он благословляет только мир. Но и этот поступок можно приравнять лишь к желанию уклониться от прямого участия в деле войны, а не к протесту против этого дела и не к открытому порицанию его. Молчали и все христианские секты: у нас в России баптисты, соловьевцы, добролюбовцы, субботники, молокане, малеванцы...»².

Подготовленный В. Булгаковым текст проекта воззвания обсуждался в кругу толстовцев на хуторе Телятинки, где проживал и В. Г. Чертков. На следующее утро под текстом воззвания появились подписи искренних толстовцев – И. М. Трегубова, Д. Маковицкого, А. П. Сергеенко и других. В дальнейшем Булгаков собирал подписи при личных встречах или посредством переписки. К моменту ареста он располагал 43 подписями³, но не успел свести их в единый список. Планировалось переправить воззвание в Швейцарию, где находился единомышленник толстовцев П. И. Бирюков, который и должен был опубликовать документ в заграничной прессе на языках воюющих государств (немецком, французском, итальянском и русском). Таким образом, воззванию придавался международный характер.

---

¹ Булгаков В. Ф. (1886–1966) – секретарь Л. Н. Толстого в последний год его жизни. В 1922 году выслан из России большевиками. В эмиграции В. Ф. Булгаковым была подготовлена книга «Опомнитесь, люди-братья!» История воззваний единомышленников Л. Н. Толстого против мировой войны 1914–1918 гг. В 1922 году в издательстве «Задруга» был издан первый том этого труда, охватывающий события 1914–1915 гг. Второй том так и не вышел. В 1993 году воззвания опубликовали М. А. и Е. Б. Рашковские. (См.: Религии мира: История и современность. М., 1993. С. 164–168).

² Там же.

³ По уточненным данным М. А. и Е. Б. Рашковских, Булгаков ошибочно насчитал 42 подписи.

Однако переслать воззвание за границу его авторам не удалось. 23 октября в Ясной Поляне был составлен текст нового антивоенного возвания «Милые братья и сестры!» Два дня спустя при попытке его расклейки у ворот железопрокатного завода под Тулой одного из инициаторов распространения возвания арестовали. Таким образом, раскрылся весь заговор толстовцев. В ночь на 27 октября жандармы произвели обыск у В. Ф. Булгакова в Ясной Поляне, и на следующий день его арестовали. Учитывая военное время и союзнические обязательства России, история с возваниями приняла серьезный характер и грозила серьезными наказаниями для его авторов и подписантов.

Предварительное следствие по делу толстовцев-пацифистов в Тульском губернском жандармском управлении длилось до конца июня 1915 года. Наконец, 18 июля 1915 года оно было передано на рассмотрение Московского военно-окружного суда¹. Толстовцев обвиняли «в произнесении или чтении публично речи или сочинения, или в распространении, или публичном выставлении сочинения или изображения, возбуждающих... к учинению бунтовщического или изменнического деяния...» Чтобы усугубить положение обвиняемых, тульский губернатор А. Тройницкий в свое постановление включил «просьбу» к суду: «Судить толстовцев по законам военного времени... при закрытых дверях и особыми сверх того ограничениями». По условиям военного времени коллективные антивоенные протесты среди гражданского населения также подлежали юрисдикции окружного военно-судного ведомства. Наказания, установленные статьей 129 «Уголовного уложения 1903 года», были суровы: от заключения в тюрьму до ссылки на поселение [8].

Из-за перегруженности военно-судного производства процесс состоялся только 21–30 марта 1916 года. Дело слушалось в Кремле при закрытых дверях под председательством генерал-майора С. С. Абрамовича-Барановского. В письме к присяжному поверенному Н. К. Муравьеву от 20 марта 1916 года Д. П. Маковицкий, в ответ на предложение изложить мотивы, побудившие его подписать воззвание, писал: «На обращение «Опомнитесь, люди-братья» я смотрел как на напоминание блюсти мир в душах своих. Такое напоминание было мне самому нужно, так как я разжигался войной. Считал, что оно так же нужно и другим, борющимся в себе с грехом войны. Подписал его как обращение главным образом *к себе*, ужасаясь тому, как затягивает меня война, и стараясь освободиться от этого участия в ней мыслями и обретать должное христианское отношение к ней. При этом чувствовал, что я не достоин подписывать его, как обращение к другим, сам не приобретши еще мира в себе. Но все-таки не мог не поддержать возгласа друга, чтобы за ужасами войны мы не забывали бы Бога» [1, с. 54].

Д. Маковицкому пришлось пережить трудное время ареста, судебного следствия и ожидания приговора. Но именно в этот период он ощутил, какую важную роль он играет в кругу и семье Толстых. Как вспоминал В. Ф. Булгаков, после обысков в Ясной поляне в январе 1914 года Маковицкого арестовали и отправили в тульскую тюрьму. «Провели Душана Петровича в камеру коридором подвального этажа, со спертым и смрадным воздухом, поразившим его; приехал он в тюрьму

---

¹ Из 43 подписавшихся перед судом предстали 27 человек, так как большая часть подписей не была идентифицирована.

с инфлуэнцией, – хорошо еще, что была теплая одежда; сидеть в течение 10 дней пришлось совершенно одному и без всякой возможности снести с содержащимися в той же тюрьме товарищами по делу; чувство человеческого достоинства протестовало против оскорбительности ареста... Все это расстраивало Душана Петровича, и первое время он немного приуныл» [1, с. 193]. Вскоре по ходатайству графини А. Л. Толстой ряд арестантов, в первую очередь Душан Маковицкий, были освобождены до суда под залог. При этом за австрийского подданного был дан самый большой залог – 1000 рублей (за трех других по 500 рублей)¹. В московском государственном архиве Л. Н. Толстого в специальном фонде, где собраны документы судебного процесса по делу о воззвании толстовцев, хранится прошение графини и талон Московского губернского казначейства на сумму 2500 рублей.

Известен факт, что с ходатайством освободить Душана Маковицкого к товарищу министра внутренних дел В. Ф. Джунковскому обращалась и группа академиков из Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук [2].

В итоге судебного разбирательства преступление было квалифицировано не как «изменническое деяние», а как «религиозные побуждения» подсудимых. Приговор по делу толстовцев огласили 1 апреля 1916 года. Авторы воззвания были приговорены к двум месяцам тюремного заключения каждый. Причем был зачтен срок предварительного заключения.

Несомненно, что важную роль во время судебного следствия и в итоговом приговоре сыграли русофильские взгляды Д. Маковицкого, тем более если учесть, что он был подданным противоборствующей военной державы – Австро-Венгрии. Еще во время разбирательства по делу толстовцев в своих показаниях на процессе дочь русского писателя Т. Л. Толстая следующим образом охарактеризовала отношение Маковицкого к России: «Я еще хочу сказать о любви Душана Петровича к России: он был, так сказать, звеном между Венгрией и Россией и считался там русофилом. На днях, когда его выпустили на поруки, я посмотрела на него, такого старого, бледного, слабого и спросила его: «Душанчик, где вы свою жизнь окончите?» И он сказал, что не в Венгрии, куда он вернуться не может из-за своей любви к России, так как там за последнее время было 4000 казней за русофильство... Он всегда выражал свою любовь к России»².

Пережив страшные дни ареста и судебного разбирательства, Маковицкий вернулся в Ясную Поляну, где переселился из дома Толстых в деревню и стал все свои силы нераздельно отдавать служению крестьянам. Жил он здесь очень уединенно, прекратив почти все связи с друзьями и внешним миром. «Революция, война волнуют, – писал он летом 1917 г. своей бывшей помощнице в яснополянской амбулатории О. В. Завалиевской, которой он диктовал свои «Яснополянские записки» при перепечатке на машинке. – Но все больше сторонюсь их, ухожу в христианское мировоззрение и понимание Л. Н.»³.

---

¹ См.: «Воззвание имело целью... успокоить встревоженную войной совесть толстовцев-антимилитаристов» // Документы Государственного музея Л. Н. Толстого о судебном процессе 21–30 марта 1916 года // Отечественные архивы. 2016. № 3.

² Документы Государственного музея Л. Н. Толстого о судебном процессе 21–30 марта 1916 года // Государственный музей Л. Н. Толстого в Москве.

³ Там же.

В апреле 1917 года в Сибири из пленных чехов и словаков, служивших в войсках Австро-Венгрии, стал формироваться особый корпус, сыгравший в следующем, 1918 году активную роль во время гражданской войны в России. Известно, что командование корпуса попыталось привлечь Маковицкого на службу в качестве военного врача. Однако, планы и действия чехословацкого корпуса, сама цель его создания, противоречили взглядам словацкого толстовца. Он послал решительный отказ, который был мотивирован в духе толстовского учения. «Милые братья, – писал Маковицкий в апреле 1918 года в Омск, – опомнитесь, освободитесь от ужасного равнодушия этого заблуждения (заблуждения, что борьба, животная борьба, может быть свойственна и не губительна человеку), и вы узнаете радость, благо, святость жизни, не нарушимые ничем: ни нападками других людей – потому что нападки эти будут только поводом усиления любви, ни страхом смерти – потому что для любви нет смерти»¹. И он советовал солдатам и офицерам чехословацкого корпуса отказаться от военной службы, жить трудовой жизнью в Сибири и осуществлять на деле заветы Толстого.

Октябрьскую революцию Маковицкий встретил без озлобленного и враждебного чувства. Отмечая в своем дневнике, что привилегии помещиков, чиновников, рантье, купцов и прочих сходят на нет, Маковицкий записал 2 декабря 1917 года: «Идея господства одной нации над другой этой войной кончается, как и человека над человеком, господина-эксплуататора» [2].

Весной 1919 года Маковицкий заболел сыпным тифом, свирепствовавшим в округе. Целых семнадцать месяцев был он прикован к постели. Ему пришлось в это время преодолеть, кроме тифа, еще ряд тяжелых заболеваний: воспаление легких, воспаление почек, ишиас, экзему. Крестьянская девушка из Ясной Поляны М. К. Орехова, помогавшая ему и раньше в лечебнице, самоотверженно ухаживала за ним все это время. Вскоре Маковицкий женился на ней. По мере выздоровления он снова стал интересоваться политической жизнью России.

Со времени последней поездки Маковицкого на родину прошло почти десять лет, хотя он не раз собирался он возвратиться домой. На первых порах ему мешала работа над завершением «Яснополянских записок», потом – Первая мировая война, болезни и гражданская война в России. Только летом 1920 года создались условия для поездки в Словакию. Покидая Ясную Поляну в сентябре 1920 г., Маковицкий еще далеко не выздоровел. Почти все свои книги и рукописи, в том числе «Яснополянские записки», он оставил в московском Музее Толстого. Транспорт пленных, с которым ехали Маковицкий и его жена, покинул Москву в первые ноябрьские дни 1920 г. и через Нарву направился в Ригу. Оттуда они перебрались в Штеттин. Затем – снова посадка в поезд. До родного Ружомберока Маковицкий добрался только 21 ноября.

И после возвращения на родину Душана Маковицкого «не отпускала Россия», в своей повседневной жизни он остается верен идеям русского писателя. О своих планах и настроениях Д. П. Маковицкий писал другу Ф. Веселы в январе 1921 года: «Отдаться медицинской практике, собственно говоря, мне и не хочется. Я предполагал было заниматься переводами и изданием *Poučné čítanie*, но мне необходимо добывать себе хлеб насущный. Тогда уж лучше частная практика <...>. Неприятно

---

¹ Письмо к И. Марковичу от 26 апреля 1918 года // Государственный музей Л. Н. Толстого в Москве.

и совестно добиваться государственной службы, получать жалованье. Моя жена, слава богу, скромная женщина и придерживается одинаковых со мною религиозных взглядов. Ей никак не удастся привыкнуть к здешним местам, горы душат ее, а люди кажутся бессердечными. В Ясной Поляне ее окружали личности глубоко душевные, лучшие представители великой России. Таких людей у нас, конечно, нет». И в другом письме: «Там нас рассматривали как людей, достойных внимания, здесь же мы – меньше горошины. То, что в нас наиболее заслуживает внимания, – никто не оценит, это никому здесь не нужно».

Своему чешскому другу, Я. Яначеку, также последователю Толстого, Маковицкий писал: «Я все еще не нашел, где обосноваться: и материальные затруднения, и ощущение старости, и сознание, что ослабел, лишился воли, энергии...» [2]. 12 марта 1921 года жизнь Д. Маковицкого трагически оборвалась. Так завершилась «русская история» незаурядного представителя словацкого общества, сыгравшего особую роль в истории русско-словацких связей и словацкого толстовства, одного из наиболее ярких проявлений идеи пацифизма начала XX века.

Библиография

1. Булгаков В. Ф. «Опомнитесь, люди-братья!» История воззваний единомышленников Л. Н. Толстого против мировой войны 1914–1918 гг.».
2. Колафа С. Д. П. Маковицкий: Биографический очерк // Фундаментальная электронная библиотека. Русская литература и фольклор. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://feb-web.ru/>
3. Маикова А. Г. Лев Толстой и Душан Маковицкий // Славянские языки и культуры в современном мире: II Международный симпозиум. М.: МГУ, 2012.
4. Письма К. П. Победоносцева к Александру III. М., 1926. Т. 2.
5. Рокина Г. В. Л. Н. Толстой и Д. Маковицкий: из истории русско-словацких контактов XIX в. // Вестник Мар. гос. пед. ин-та. 2004. № 1.
6. Рокина Г. В. Словацкое толстовство: Д. Маковицкий и Л. Н. Толстой // Британская ойкамена российской новистики: к 70-летию профессора И. И. Шарифжанова. Казань: Изд-во Казанского (Приволжского) федерального университета, 2010.
7. Сухотина-Толстая Т. Л. Воспоминания. М., 1976.
8. Уголовное уложение 1903 года // Свод законов уголовных, СПб., 1915. Ст. 129. П. 1.
9. Huckova D. Obráz Ruska a ruskej kultury v slovenskej spoločnosti na konci 19. A na začiatku 20. Storočia (casopis Hlas a jeho generacni spoluputnici // Slavica Slovaka. R. 48. 2013.
10. Kodajova D. Neznámy list D. Makovickeho profesorovi T. D. Florinskemu (z r. 1907), propagatorovi slovenskej otázky v Rusku // Slovanske studie. Bratislava, 1992.
11. Mraz A. L. N. Tolstoj u slovakov. Bratislava, 1950. S. 33.
12. Winkler T. Tragické hľadanie života. Dusan Makovicky: život a dielo v dokumentoch. Martin: Osveta, 1991.

G.V. Rokina

THE SLOVAKIA AND TOLSTOY'S PACIFISM DURING THE FIRST WORLD WAR

In the article on the example of the relationship of the Slovak patriot D. Makovitsky, followers of the movement Russian Tolstoyans shown pacifist sentiments of the Russian society at the beginning of the First World War.

Keyboards: pacifism, First World War, Tolstoyan, Slovak patriots, D. Makovitsky.

**«ТРУДНЫЙ ВЫБОР» ЧЕШСКОГО СОЛДАТА
НА СТРАНИЦАХ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ
И ПОПУЛЯРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 1914–1917 ГОДОВ**

В статье, написанной в контексте проблемы переосмысления российским обществом представлений о «своих» и «чужих», «врагах» и «союзниках» в годы Первой мировой войны, рассматривается один из вариантов представления образа Чехии и чехов на страницах российской прессы.

Ключевые слова: Первая мировая война, образ Чехии, чешский вопрос, пропаганда, «свой», «чужой», «враг», «союзник».

Первая мировая война, сопряженная с серьезными изменениями в общественном сознании, привела, среди прочего, к переосмыслению представлений о «своих» и «чужих», «врагах» и «союзниках», о роли разных стран и народов в европейской расстановке сил¹. В работу над созданием «образа врага» и «образа союзника», призванную содействовать консолидации и мобилизации общества, включилась пресса всех воюющих стран, в том числе и российская.

Ярким свидетельством значимости этой работы и того влияния, которое она оказывала на общественное сознание, можно считать тот факт, что нередко авторами пропагандистских текстов, публиковавшихся в годы войны, становились представители академических кругов, известные российские ученые. Среди авторов, обращавшихся к формированию образа «врага», к выстраиванию и распространению представлений о России как о главном защитнике всего славянства от германской угрозы могут быть названы такие значимые фигуры, как В. М. Бехтерев, Н. И. Кареев, Н. В. Ястребов, Ф. Ф. Зелинский, М. К. Любавский и многие другие².

Не менее, а может быть и более, интересными для анализа, чем образ «врага», представляются создававшиеся российской пропагандой образы славянских народов, представители которых в годы Первой мировой войны оказались по разные стороны от линии фронта. Над созданием этих образов на страницах российских периодических изданий работали не только журналисты, литераторы и публицисты, такие, как ставший в годы войны военным корреспондентом Д. Н. Вергун, путешественник, поэт и журналист В. Г. Тардов (Т. Ардов), сотрудни-

¹ Сенявская Е. С. «Соперники, союзники, враги». Восприятие Великобритании, Франции и США в России и СССР в первой половине XX века // Обозреватель. 2010. № 4. С. 32–41; Цыкалов Д. Е. Образ союзника в российской публицистике Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 г.) // Война и общество (к 90-летию начала Первой мировой войны): материалы межвузовской научной конференции. Самара, 2005. С. 131–137.

² Подробнее об этом см.: Ростовцев Е. А., Сидорчук И. В. Академический патриотизм: пропагандистские тексты преподавателей российской высшей школы в годы Первой мировой войны. URL: https://www.history.spbu.ru/files/departments/ist-ross-s-dr-vrem/sotrudniki/3-21_Rostovstev_.pdf (Дата обращения 25.10.2014); Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. СПб., 2007. URL: http://histrf.ru/uploads/media/artworks_object/0001/08/232794d29d80603ba6fcb7220c74055b78631a84.pdf (Дата обращения 25.10.2014).

чавшие с общественно-политическим еженедельником «Русская будущность» М. Первухин и Д. Дмитраковский. В газетах и журналах публиковали свои статьи, посвященные славянской тематике и носившие пропагандистский характер, известный русский славист, профессор Харьковского университета А. Л. Погодин, славист, историк литературы П. А. Заболотский и другие.

Пропагандистские функции в годы Первой мировой войны призваны были выполнять также многочисленные книги и брошюры, выходившие отдельными тиражами и посвященные истории, культуре, политической и экономической жизни славянских народов. Условно эти издания могут быть обозначены как «популярная литература». Как правило, небольшого объема, написанные доступным языком, они, как и газетные публикации, были ориентированы на широкий круг читателей, не обладавших специальными знаниями, и формировали самое общее представление как о славянах, так и об их отношениях с немцами. Как заявлялось в предисловии к одной из подобных книг, их главной задачей было удовлетворить «вызванный настоящей войною значительный интерес русской публики к славянским народам Австро-Венгрии» [13]. Их авторами также нередко становились известные деятели культуры: филолог-славист, архивист, член-корреспондент Российской академии наук К. Я. Грот, белорусский поэт, переводчик и историк литературы М. А. Богданович, правовед и издатель А. М. Горовцев и др.

Свое место в череде образов, созданных российской прессой в годы Первой мировой войны, должен был занять и образ австрийского солдата чешского происхождения, или, точнее, многочисленные проблемы, связанные с восприятием российским обществом того выбора, который предстояло сделать в ходе войны чешскому народу вообще и каждому чешскому солдату в частности.

Дело в том, что в условиях, когда значительная часть публицистов трактовала начавшуюся войну как столкновение славянского и германского миров, как борьбу «на жизнь и на смерть за расовое преобладание славянства или германизма в Европе» [4, с. VI], восприятие чехов – славянских подданных враждебной державы – становится очень неоднозначным.

С одной стороны, чешский народ нередко предстает в российской печати либо как жертва, либо как передовой отряд в «вековой борьбе между германизмом и славянством» [5, с. 18]. Русский читатель постоянно встречается с утверждениями, что «громкая заслуга чехов перед славянским миром заключается в том, что они первыми приняли на себя всю тяжесть немецкого напора на славянскую землю. Этой борьбой с немцами наполнено все их прошлое» [3, с. 7], что «славянство в долгу у чехов: они, его передовые бойцы, в течение долгих веков боролись мужественно и самоотверженно с врагами славянства и успешно отражали удары и натиски германского мира...» [6, с. 7], что «окруженная со всех сторон немецким миром, Чехия с самого начала своего исторического существования вынуждена была бороться за свою национальную самобытность, защищая ее от германского порабощения» [2, с. 4]. В прессе подчеркивается верность чехов идее славянского единства¹.

Этот образ подкрепляется еще и сообщениями о том, что чехи, живущие в Российской империи, с началом войны не только не проявляют массового стремления

---

¹ Заболотский П. А. Русский язык в роли общеславянского языка // Славянские известия. 1915. № 9. С. 118; Погодин А. Россия и Чехия // Утро России. 1916. 16 января. С. 1.

вернуться на родину, но и подают прошения о переходе в российское подданство¹ и даже начинают создание «гуситских дружин» с целью принять участие в войне против Австро-Венгрии с оружием в руках².

С другой стороны, пресса не может игнорировать тот факт, что в рядах австрийской армии чехи с оружием в руках сражаются против русских и сербов:

«Потомок Гуса и Гусинца встает с мечом в руках, – но меч поднят на защиту врагов славянства, на славу тех, что века душили славян и обратили Европу в кладбище славянства. Меч его против нас, которые одни сумели стать на дороге победоносного зверя, против нас, в чьих жилах течет ваша, чехи, кровь» [1, с. 2].

«И какая великая трагедия, что чехам приходится идти теперь в рядах австрийских полков на разгром Сербии, против России и в союзе с Болгарией...» [12, с. 1].

«Достаточно ли тех трех-четыре чешских полков, которые нам сдались без боя, чтобы забыть гораздо большее количество славянских солдат Австро-Венгрии, хоть и плохо, хоть и нехотя, но все же с нами сражавшихся» [7, с. 5].

А когда австрийские военнослужащие чешского происхождения начинают сдаваться в плен (и особенно в связи с возникновением идеи формировать из пленных чехов и словаков воинские подразделения для ведения военных действий против Германии) [10, с. 7; 11, с. 104], появляется новая проблема, во многом этического характера: можно ли доверять людям, уже нарушившим воинскую присягу (пусть и по отношению к враждебному России государству).

Таким образом, чехи на страницах российской прессы как бы ставились перед выбором между предательством интересов славянского мира и нарушением воинской присяги.

Разнообразные способы, которыми как сами чехи, так и российские политики и журналисты пытались решить эту непростую дилемму, требуют тщательного изучения и осмысления.

В данном случае хотелось бы остановиться лишь на одном, достаточно ярком, примере такого решения на страницах газеты «Утро России».

5 января 1917 года «Утро России»³ публикует три литературно обработанных зарисовки, представленных как рассказы чешских военнослужащих. Два из этих эпизодов написаны одним и тем же лицом. Из контекста следует, что их автор, Р. Медек, офицер чешского происхождения, описывает несколько событий из своей военной биографии.

Первый из эпизодов создает мрачную атмосферу безысходности:

«Стоял месяц август... сердце было заморожено одним зловещим чувством – ведут тебя на войну против твоих братьев, облекли тебя в ненавистную форму

---

¹ Русское слово. 1914. 3(16) августа. С. 5; Новое время. 1914. 4(17) августа. С. 5.

² Русское слово. 1914. 2(15) августа; 16(29) августа; 20 августа (2 сентября); Русское знамя. 1914. 12 августа. С. 4.

³ «Утро России», ежедневная газета, выходила в Москве в 1907 и 1909-1918 годах, являлась органом российских торгово-промышленных кругов во главе с П. П. Рябушинским, с 1912 отражала интересы партии прогрессистов. Среди зарубежных корреспондентов газеты в годы Первой мировой войны в 1914–1917 годах работал И. Эренбург, который из Парижа присылал в газету свои статьи о событиях на Западном фронте. См.: *Эренбург И. Лик войны: Воспоминания с фронта, 1919, 1922–1924. Газетные корреспонденции и статьи, 1915–1917.* СПб.: Европейский университет, 2014.

австрийцев, играют тебе веселый марш, в твоих ушах звучащий похоронным мотивом...» [9, с. 4]. Медек не знает, как заставить идти в бой 60 человек, которые находятся в его подчинении. Да он и сам не хочет выступать против русских – «защитника, на которого еще недавно возлагали все упования, от которого ждали освобождения целого народа» [там же].

И тут автор явно переходит к решению обозначенной выше этической проблемы. Первый же звук русских пушек, как он пишет, «отозвался в сердце каждого искреннего чеха могучим, убедительным, пламенным призывом:

– Ты был бы изменником родине и народу, если бы остался на службе ненавистного австрийского деспота. Тебя прокляли бы отец и мать, от тебя отреклись бы твои же дети, и на судилище Христовом твое место было бы рядом с Иудой...» [там же].

Таким образом, решение сдаться в плен русским из предательства превращается для чешского солдата в выполнение долга перед своей родиной, перед своим народом.

И закрепляет эту идею второй эпизод, написанный Медеком. Он тоже описывает август, но уже другой – август, «полный радости», когда автор стоит в рядах «теперь уже действительно нашего, чешского народного войска» [там же] и делится своими чувствами с читателем:

«И я стоял в рядах тех, от кого истомленная родина ждет светлого освобождения, кого с таким пламенным нетерпением ждут их братья, их семьи, я стоял среди них, весь трепеща от волнения... Я – воин чешской армии... Нас ведут не проклятые майоры и хауптманы, – нас ведут в бой братья русские, в бой не за тирана, а за свободу родины» [там же].

Такая постановка вопроса, несомненно, была одним из действенных способов оправдать в глазах общества факт не только добровольной сдачи многих чешских солдат в плен, но и их желания с оружием в руках выступить на стороне недавнего противника.

Библиография

1. Ардов Т. Будьте Гусами, чехи! // Утро России. 1915. 21 июня.
2. Белгородский А. В. За что боролся и пострадал Ян Гус. Петроград, 1916.
3. Богданович М. Братья-чехи. М., 1914.
4. Вергун Д. Россия и славянство // Исторический вестник. 1914. № 8.
5. Горовцев А. После войны. Германизм и славянство. Условия мира. Петроград, 1915.
6. Грот К. Великая война и Карпато-дунайская монархия. Петроград, 1915.
7. Дмитраковский Д. Славянофильство как политика реальных интересов // Русская будущность. 1916. № 11.
8. Заболотский П. А. Русский язык в роли общеславянского языка // Славянские известия. 1915. № 9.
9. Записано кровью (с чешского, пер. Н. М.) // Утро России. 1917. 5 января.
10. Каржанский Н. Чехо-словаки в России. По неизданным официальным документам. М., 1918.
11. Милуков П. Н. Цели войны // Ежегодник газеты «Речь» на 1916 год. СПб., 1916.
12. Погодин А. Россия и Чехия // Утро России. 1916. 16 января.
13. Покос Л. В. Славянские народы Австро-Венгрии. Краткий очерк их прошлого, быта и современного положения. Киев, 1915. Авторское предисловие.

**"TOUGH CHOICES" OF THE CZECH SOLDIER IN THE RUSSIAN PRESS
AND POPULAR LITERATURE OF 1914–1917**

This article dwells upon one of the versions of portrayal the Czech Republic and Czechs in the Russian press in the context of an attempt of the Russian society to rethink notions of "Friends" and "Foes", "Enemies" and "Allies" in the First World War.

Keywords: First World War, the image of the Czech Republic, the Czech question, propaganda, "Friend", "Foe", "Enemy", "Ally".

**БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ РЕГИОН ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ
ВЕЛИКОБРИТАНИИ НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

В данной статье на основе различных источников и специальных исследований рассматривается проблема формирования ближневосточной политики Великобритании в 1916–1918 гг. Автор анализирует военно-стратегический и политико-дипломатический аспекты внешней политики Лондона, борьбу Великих держав в регионе, обратив также внимание на утверждении «специального интереса» британской политической элиты к Палестине.

Ключевые слова: война, внешняя политика, дипломатия, Великобритания, Ближний Восток.

При постановке вопроса о действиях Великобритании на Ближнем Востоке в 1916–1918 годах следует учитывать то обстоятельство, что в отечественной историографии данной теме уделялось недостаточное внимание. Тем не менее указанная проблема требует детального изучения, поскольку специфика британской стратегии в отношении ближневосточного региона в 1917–1918 гг. показывает всю сложность и неоднозначность решения «ближневосточного вопроса» в период между двумя мировыми войнами.

В годы Первой мировой войны Ближний Восток являлся одним из театров военных действий, что обуславливалось его стратегической и геополитической значимостью. В события на Ближнем Востоке были вовлечены почти все участники мировой войны, и данное обстоятельство выразилось в следующей тенденции: в регионе формировалось две группы противоречий. Во-первых, разворачивалась вооруженная борьба между странами – участницами Антанты и ее противниками: Османской империей и Германией. Во-вторых, завязывался узел дипломатических противоречий союзников. Это явилось характерной чертой конфронтации в регионе, которая, безусловно, влияла на дальнейший ход событий.

Именно в годы Первой мировой войны, как войны за передел мира, для британской правящей элиты интересы в ближневосточном регионе обозначились со всей ясностью. Лондон, в частности, в Восточном Средиземноморье продолжил реализацию идеи территориального расширения и всеобъемлющей обороны империи, которая конъюнктурно соответствовала охране Индии и Египта. Необходимо указать и на то, что мощное влияние на процесс принятия и исполнения решений оказывала так называемая «средневосточная группировка» британского правительства, которая объявляла и закрепляла за регионом статус «жизненно важного звена империи» [2, с. 132]. Немаловажным было приобретение новых источников сырья и укрепление транспортных сетей в регионе. Кроме того, контакты с лидерами сионистской организацией подталкивали британских политиков к оформлению «специального интереса» в Палестине.

Как отмечалось выше, события на Ближнем Востоке и действия здесь Великобритании целесообразно рассматривать в двух уровнях: военно-стратегическом и политико-дипломатическом.

Рассматривая военно-стратегический аспект, нужно отметить, что в течение 1914–1915 гг. ситуация на Ближнем Востоке складывалась для Великобритании крайне неудачно. Переломным моментом в боевых действиях на ближневосточном театре военных действий следует считать вторую половину 1916 года. Британское командование к этому времени сумело передислоцировать силы и сформировать два крупных соединения ближневосточной армии. Первое – индийская армия, численностью до 25 тысяч человек (4 дивизии), действовавшее в Ираке. 10 декабря 1916 года соединение начало активное наступление на севере Ирака, и к январю 1917 г. подошло к позициям турок в районе Кут-эль-Амара. Борьба за указанный район шла с переменным успехом, и окончательно завладеть инициативой британцам удалось лишь осенью 1917 г., что позволило выйти к Мосулу.

Второе соединение – «египетский корпус» под руководством Э. Алленби, численностью до 52 тысяч человек, действовал в Палестине. Осенью 1916 года корпус сумел разгромить германо-турецкий отряд под командованием Кресса и по решению руководства продолжил наступление с целью овладения как можно большей частью Ближнего Востока. Однако наступление было сорвано неудачей при атаках на Газу и Беершеба, где турецкие силы организовали крепкую линию обороны. Климатические условия не позволили продолжить наступательные операции, которые были отложены до октября 1917 года [3, с. 10]. Короткий перерыв в военных действиях позволил сторонам перегруппировать силы. Турция сформировала 2 армии под командованием Фалькенгайна общей численностью 50 тысяч человек. Великобритания сосредоточила в Палестине до 85 тысяч человек, включавших незначительную часть французского контингента.

Таким образом, на Ближнем Востоке на завершающем этапе Первой мировой войны сосредотачивалась значительная часть британской армии. Несмотря на протест начальника генерального штаба У. Робертсона, обусловленный нецелесообразностью отвлечения сил с западного и салоникского фронтов, премьер-министр Великобритании Д. Ллойд Джордж настоял на продолжении увеличения контингента египетского корпуса [26, р. 56].

В конце октября – начале ноября 1917 года активные наступательные действия египетского корпуса привели к поражению турецких частей у Беершебы, а 6 ноября корпус прорвал фронт. 9 ноября британцы направили удар к средиземноморскому побережью, в район Газы, а 17 ноября заняли Яффу. После столь успешных действий корпус двинулся к Иерусалиму и занял его 9 декабря 1917 года.

Зимой 1918 года Высший военный совет Антанты принял решение, абсолютно устраивавшее Лондон и в военно-стратегическом, и в политическом плане: предпринять решительное наступление на Ближнем Востоке в целях уничтожения турецких армий [30, р. 168].

Британские воинские подразделения в Ираке для прорыва фронта были увеличены до 450 тысяч человек. В октябре 1918 года индийский корпус разбил 6-ю турецкую армию и вошел в Мосульский вилайет. На сиро-палестинском фронте в конце 1918 г. британцы сосредоточили порядка 70 тысяч человек, которым противостояли 34 тысячи турок под командованием Лимана фон Сандерса. 19 сентября египетский корпус начал наступательную операцию и, сокрушив турок у Мегидо 20 сентября, взял Назарет, 1 октября – Дамаск, а 26 октября – Халеб (Алеппо) [4, с. 543–544].

В итоге военных операций наступательного характера второй половины 1916–1918 годов британские войска заняли обширную территорию и достигли двух основных целей, состоявших в разгроме турок, как общую в стратегии Антанты, и обеспечили безопасность своим колониальным владениям – как сугубо национальную. Более того, военно-стратегическое преимущество обеспечило Великобритании прерогативу в распоряжении судьбой территорий и народов от Суэцкого канала до Персидского залива, состоявших некогда в составе Османской империи. В целом, военный успех предоставил Лондону «право сильного», и это основание было достаточно весомым при ведении международных дел.

На политико-дипломатическом уровне в годы Первой мировой войны перед Великобританией возникали более глобальные задачи. Если целью военных действий в общем значении являлся разгром Турции, то в плоскости международных отношений на Ближнем Востоке Лондону предстояло достичь сразу нескольких целей. Данные цели вряд ли можно выстроить в некую иерархию, и, скорее всего, они представляли собой единый комплекс.

Во-первых, Великобритании требовалось снизить в регионе влияние Германии и разгромить силы Османской империи. В отношении последней Великобритания в годы Первой мировой войны следовала генеральной политической линии ее разделения. Союзники по Антанте заключили ряд договоров, имевших сходное название «Секретное соглашение по малоазиатским вопросам». Отправной точкой процесса обсуждения вопроса на международном уровне следует считать соглашение Сайкс-Пико в марте 1916 года [9, с. 40–42]. Представители британской политической элиты, такие как Дж. Керзон, Д. Ллойд Джордж, Г. Никольсон, оценили соглашение как серьезную ошибку М. Сайкса, действовавшего согласно инструкции МИД. По их мнению, соглашение Сайкс-Пико лишило Великобританию района Мосула, богатого запасами нефти, допустило нежелательную интернационализацию Палестины и слишком многое в территориальном плане предоставляло Франции [8, с. 216]. Тем не менее критика совершенно не учла реального соотношения сил в регионе. Именно британская армия прилагала усилия к разгрому турецкой армии в Палестине, Сирии, Ливане и Ираке, получая при этом «право сильного» в решении вопроса о международном контроле над этими частями Османской империи.

Особое место в минимизации и ликвидации немецкого влияния и разгроме турецкой армии необходимо отвести сотрудничеству Лондона с арабскими политическими лидерами.

К началу Первой мировой войны на Ближнем Востоке действовала сеть постоянных военных и политических резидентур Великобритании, отслеживавших настроение местных элит и оказывавшая на них заметное влияние. Центром разведывательной и резидентурной сети становится «Арабское бюро», созданное в Каире. Предполагалось, что бюро будет находиться в прямой зависимости от МИД, но обстоятельства указали на целесообразность фактического подчинения Департаменту разведки Судана [15, с. 201].

Основные трудности в установлении и развитии контактов между британской резидентурой и арабскими лидерами заключались в стремлении последних укрепить свою власть в арабских вилайетах Османской империи. Нужно подчеркнуть, что эти усилия были поддержаны турецкой и немецкой разведками, выбравшими тактику создания сети националистических организаций от Египта до Сирии. В част-

ности, в Сирии действовали минимум две хорошо подготовленных организации «Аль-Фатат» и «Аль-Ахад». Данные организации тесно сотрудничали с сыном Хусейна Ибн Али-Фейсалом, который был вполне лояльно настроен в отношении Стамбула [19, р. 57]. Следовательно, для создания благоприятных стратегических условий в сотрудничестве с арабами британским разведывательным и экспертным группам требовалось переориентировать националистические организации и отдельных лидеров на борьбу с Турцией.

Еще летом-осенью 1915 года началась переписка шерифа Мекки Хусейна с Верховным Комиссаром Египта Г. Мак-Магоном, в которой первый выразил желание создать объединение арабских государств под своей властью при поддержке Великобритании. Верховный комиссар отказался от обсуждения вопроса о статусе Сирии, расположившийся вне зоны влияния Великобритании, а в отношении Палестины провозгласил принцип защиты Святых мест от внешней агрессии [6, с. 18–21]. Другой высокопоставленный чиновник МИД Великобритании Р. Сторрс, возглавлявший с 1909 г. Секретариат по делам Востока, начал переговоры с Хашимитами об организации арабского восстания против турок [26, р. 93–94].

Важной особенностью британо-арабских контактов являлось то, что Лондон считал нужным страховать отношения с Хашимитами через подтверждение легитимности и особых прав Саудитов. 26 декабря 1915 года в ходе встречи П. Кокса с Абу аль-Азизом был подписан договор, согласно которому Великобритания признала суверенитет эмира над Недждом, Аль-Хасой, Аль-Катифом, Аль-Джубайлем. Абу аль-Азиз отказывался от возможности подписания договора с третьей стороной и не мог вмешиваться в дела Кувейта, Омана и Катара [24]. Примечательно, что указанная «подстраховка» привела к резкому росту противоречий между Хашимитами и Саудитами и продемонстрировала всю сложность отношений между арабскими правителями, особенно в вопросах, касающихся контроля над территориями.

Переговоры о сотрудничестве между арабами и британцами на Ближнем Востоке в целом удалось успешно завершить к лету 1916 г., и 10 июля Хусейн поднял восстание в Мекке. Связь британских армий и арабских отрядов Хашимитов, а также поставки оружия, боеприпасов и денег осуществлялась через сотрудника «Арабского бюро» Т. Лоурэнса. Практически не вступая в прямые столкновения с регулярными турецкими частями, Т. Лоурэнс организовал диверсионную войну, лично принимая в ней участие. С течением времени он зарабатывает высокий авторитет в арабских отрядах и становится влиятельной фигурой во взаимоотношениях с ними [10, р. 283].

Заметим, что ни Генеральный штаб, ни командование экспедиционных войск в Египте не придавали восстанию арабов особого значения, считая его второстепенным направлением в боевых операциях, хотя Т. Лоурэнс настаивал на необходимости использовать арабские отряды в борьбе с Турцией из сугубо политических соображений [22, р. 57]. Командование британской ближневосточной армии в действительности недооценило значения благонадежных отношений с арабами. До октября 1918 года турецкая и немецкая агентурные службы продолжали работу по ослаблению британского влияния на арабских лидеров. Начальник турецкой разведки Джамаль Паша и экс-хедив Египта Аббас Хильми к осени 1917 г. сконцентрировали усилия на подъеме панисламистских и националистических движений в Сирии и Ливане. «Арабское бюро» и Т. Лоурэнс, в частности, безу-

словно информированные о контрдействиях Турции и Германии, едва ли могли отказаться от расширения контактов с арабскими лидерами. Британская стратегия поведения при этом была направлена на предоставление ряда заверений в намерении после завершения войны предоставить арабским вилайетам независимость. Практические меры, предпринятые Великобританией, состояли в поощрении формирования эмиром Фейсалом собственного правительства. Кроме того, 3 октября 1918 г. в Дамаске Э. Алленби заявил о признании легитимности этого правительства [23, р. 69]. Однако союзники по Антанте оставляли за собой право протектората над арабами, тем самым переиначив значение соглашения Сайкс-Пико. Для подтверждения своих «протекционных» целей и желания видеть на арабском Востоке независимые государства во главе с местными правительствами 7 ноября 1918 года. Великобритания и Франция издали совместную декларацию по ближневосточным вопросам [17, р. 11], которая несколько уменьшила опасения арабов.

В итоге Великобритания весьма успешно достигла одной из основных целей в борьбе за Ближний Восток: практически самостоятельно разгромила Турцию и устранила немецкое влияние в регионе, заручившись поддержкой арабских политических лидеров.

Второй целью действий британской дипломатии на Ближнем Востоке следует считать максимальное ограничение запросов союзников по Антанте (Франции, Италии и США) при распределении сфер влияния и контроля в регионе.

Для всего британского МИД и отдельных лиц, ответственных за принятие решений, вопрос об участии Франции в ближневосточном театре военных действий являлся одним из сложнейших. Дискуссии в основном разворачивались по поводу допустимых возможностей Франции влиять на ситуацию и контролировать некоторые территории в Восточном Средиземноморье [19, р. 45]. Великобритания со своей стороны с предельным усилием использовала каналы дипломатии и разведки для ограничения французских амбиций. Внешне британские дипломаты и политики признавали наличие у Франции интересов в ближневосточном регионе. Р. Сторрс, к примеру, внес в переписку Мак-Магона и Хусейна коррективы, касающиеся ограничения свободных действий Великобритании причинением вреда интересам Франции [23, р. 78]. Особое значение для взаимоотношений союзников имело соглашение Сайкс-Пико. Примечательно, что соглашение не обговаривало сроков действия и понималось каждой стороной по-своему. М. Сайкс, выполняя задачу момента, косвенно лишил Францию Палестины и Ирака тех рубежей, которые занимали в стратегии Лондона чрезвычайно важное место, фиксируя британские интересы на территориях от Суэцкого канала до Персидского залива.

Указанное обстоятельство приводило подразделения британского МИД к выводу о том, что соглашение Сайкс-Пико постепенно теряет смысл. 18 октября 1918 года об этом заявил Восточный комитет. Франция отреагировала на это заявление требованием признать за ней в статусе «монопольного интереса» порт Александретта и Мерсину, а также подтвердить ее специальные права на район междуречья Тигра и Евфрата и распространение влияния на севере Палестины. Восточный комитет отправил в Военный кабинет предложение локализовать французское влияние в Ливане во избежание дальнейших споров и устранения французов из субрегиона Суэцкого канала [22, р. 133]. Мнение Восточного комитета было

принято к рассмотрению и оказалось решающим в построении дальнейших отношений с Парижем по ближневосточным вопросам [22, р. 138].

Таким образом, осенью 1918 г. во взаимоотношениях Франции и Великобритании по ближневосточным вопросам совершенно очевидно наметился ряд разногласий. В основном они касались пролонгации соглашения Сайкс-Пико, которое больше не могло устраивать Лондон из сугубо стратегических соображений.

Францию все больше беспокоили нахождение в Сирии британских войск и сообщения разведки о распространении антифранцузской пропаганды в Сирии и Ливане. 23 октября 1918 года Э. Алленби издал распоряжение о разделе сирийских территорий на несколько зон оккупации. Франции передавался контроль над Ливаном и прибрежными районами Сирии. Внутренние области отводились под формальный контроль Фейсала, хотя реально власть находилась в руках британских офицеров [27, р. 75–78]. Этот факт насторожил французских дипломатов. Лондон для снятия напряжения в отношениях с Парижем выдвинул идею издания совместной декларации относительно Ближнего Востока, в общем контексте не имевшей никакого влияния на развитие британо-французских противоречий. Ранее, 30 октября 1918 г., на встрече со специальным представителем США Эд. Хаузом премьер-министр Великобритании Д. Ллойд-Джордж заявил о признании французского контроля над Сирией, особо подчеркнув, что Лондон установит протекторат над Палестиной, Ираком и Аравией [29].

В конечном счете Великобритания в сложном переговорном процессе сумела ограничить французские запросы на распространение влияния в Восточном Средиземноморье территориями Сирии и Ливана.

Характерной особенностью позиции США в ближневосточном вопросе до их вступления в апреле 1917 г. в войну был отказ от объявления войны Турции. Об этом можно судить по переписке государственного секретаря Р. Лэнсинга с сотрудником турецкого МИД Элькюсом, из которой следовало, что состояние войны не устраивает стороны. 30 марта 1917 года Элькюс направил специальное письмо В. Вильсону, выразившее точку зрения турецкого правительства. На следующий день турецкой стороне ответил Р. Лэнсинг и подтвердил нежелание США сражаться с Турцией, однако Вашингтон настороженно относился к позиции Германии. Немецкое влияние и послужило официальным мотивом разрыва отношений Турции и США в апреле 1917 года [1; 16]. Объявление войны Турции тем не менее являлось частью многоходовой комбинации для усиления влияния в ближневосточном регионе. США, выступая на стороне Антанты и находясь в состоянии войны с Турцией, продолжали поддерживать контакты со Стамбулом.

Особые отношения с Турцией все же не вызвали острых противоречий между США и Великобританией в ходе дипломатической борьбы за Ближний Восток. Принципиальным вопросом британо-американских отношений в регионе можно назвать вопрос о статусе Палестины и организации еврейского национального очага, поскольку обе державы претендовали на получение роли «покровителя» арабов и сионистского движения.

В январе 1918 года В. Вильсон в своем послании Конгрессу США («14 пунктов») обозначил ряд принципов международной политики страны, рассчитанный на последующий за мировой войной период. Даже при условии того, что он представлял собой внутривосточный акт, союзные державы приняли их

во внимание и соглашались с указанными принципами. «14 пунктов» прежде всего наносили удар по колониальной системе. В частности, владения Османской империи, по мнению В. Вильсона, должны были получить суверенитет. Президент США не случайно обозначил в выступлении «османскую тематику». Эта линия предполагала ослабление британского влияния в ближневосточном регионе посредством признания прав арабов на независимость.

В декабре 1918 года В. Вильсон лично прибыл в Лондон для консультаций с британским правительством по ряду вопросов предстоящей мирной конференции. Он еще раз напомнил о принципах международной политики США, в частности, заметив, что державам необходимо отказаться от единоличного управления теми или иными территориями. Мнение президента США не нашло особой поддержки в среде политической элиты Великобритании, а лондонская *The Times* ответила на данные высказывания напоминанием о том, что США используют доктрину Монро, а Великобритания в этой связи получает право действовать в собственных интересах в Азии [31].

В сложной дипломатической борьбе за Ближний Восток участвовала и Италия. В одном из своих выступлений министр колоний Г. Колодзимо провозгласил регион частью «особых интересов в мире», традиционной сферой влияния, отнеся к ним бассейн Красного моря и некоторые зоны Средиземноморья: Додеканесские острова, порты Смирна и Александретта. Некоторые представители крайних националистических кругов заявляли, что Константинополь – это итальянский город, так как является наследником Римской империи [12, р. 70–72]. Столь обширные по территориальным критериям запросы никоим образом не соотносились с прочностью дипломатических позиций Рима. Отношения с союзниками по Антанте не отличались высокой степенью доверия, что явилось результатом участия Италии в Тройственном союзе [28, р. 146]. Следовательно, Рим терял всякую инициативу в дипломатической борьбе и вряд ли мог рассчитывать на уступки в территориальных вопросах. Хотя при вступлении Италии в войну 26 апреля 1915 г. союзные державы признали ее особые интересы в Средиземном море [20, р. 654–655], но не сочли необходимым пригласить Рим к заключению соглашения по малоазиатским вопросам весной 1916 года. Лишь 18 августа 1917 года Италия в особом порядке признала соглашение Сайкс-Пико, поставив под формальный контроль южную Анатолию с Адалией, Коньей и Айдином [20, р. 672]. Даже в масштабах региона Италия получала по сравнению с Великобританией и Францией небольшую территорию, отрезанную от стратегически важных пунктов. Касательно позиции Великобритании в отношении итальянских запросов можно утверждать, что она использовала достаточно грамотную тактику. Давая обещания включить Италию в состав участников раздела Ближнего Востока, Лондон регулярно напоминал Риму о его безучастности в боевых действиях и также, как в случае с Францией, указывал на несостоятельность договоров военного времени.

Таким образом, Великобритания посредством дипломатических усилий в годы мировой войны снизила вероятность непредсказуемости поведения союзников при решении ближневосточного вопроса на мирной конференции, ограничив их маневренность жесткими рамками своих «особых прав».

Одним из аспектов работы британской дипломатии на Ближнем Востоке следует считать решение вопроса о статусе Палестины, проблемы организации еврейского национального очага на ее территориях и определение характера отношений с сионистской организацией.

В годы Первой мировой войны наметилась вполне четкая перспектива: ближневосточный вопрос в целом будет вынесен в компетенцию международных переговоров, в то время как его составной элемент, в частности, вопрос о Палестине, будет решен в пользу Великобритании. Некоторые высокопоставленные чиновники британского МИД в 1915 г. высказали опасения по поводу возможной интернационализации палестинских территорий [14, р. 46]. Соглашение Сайкс-Пико на некоторое время формально закрепило подобный статус, но с приходом в 1916 г. к власти в Великобритании кабинета Д. Ллойда-Джорджа направил усилия к подчинению части Османской империи. Именно в ходе войны для Лондона «специальный интерес» к Палестине, представлявший собой совокупность задач стратегического характера и идеи организации еврейского национального очага под британской протекцией, обрел заверченный вид. Отношения с ВСО и ее подразделениями становились равноправными.

В первые месяцы после начала войны в Великобритании особенно активно заработали члены сионистской организации. В декабре 1914 года один из видных деятелей ВСО Х. Вейцман встретился с А. Бальфуrom и Г. Самуэлом. В письме Ч. Скотту от 13 декабря он сообщил: «После того, как Турция будет разделена, мы можем рассчитывать на защиту еврейских общин в Палестине под Британским протекторатом» [14, р. 9–10]. Важно отметить, что никаких официальных заявлений британское правительство по вопросу будущего Палестины и тем более месте сионистских устремлений в этом аспекте не делало. Речь шла о части обширного региона, где сосредотачивались противоречия не только соперников, но и союзников. Далее в письме Х. Вейцман подвел черту под переговорами: «существует взаимопонимание между британским кабинетом министров и евреями» [14, р. 11–12].

В январе 1915 года один из сотрудников военного ведомства Г. Самуэл представил министерству иностранных дел Великобритании проект меморандума о будущем Палестины, проходящим под грифом «совершенно секретно» [14, р. 45–46]. Проект в очередной раз объективно отразил устойчивые формы ближневосточного курса. Палестина рассматривалась в качестве стратегически важного форпоста британской политики в арабской части Османской империи, позволяющего осуществлять многосторонний контроль обширных районов Ближнего и Среднего Востока и максимально снизить маневренность главных конкурентов. В октябре 1916 года лидеры ВСО решили, что настал подходящий момент для передачи английскому правительству меморандума, в котором развивалась мысль относительно будущего управления Палестиной в случае, если страна будет включена в сферу влияния Великобритании.

В целом отношения с подразделениями и центральными органами сионистской организации в годы мировой войны целесообразно рассматривать как один из аспектов дипломатической борьбы за преобладание на Ближнем Востоке. Контакты со звеньями ВСО особенно активно поддерживали Германия и США, которые по аналогии с Лондоном заявляли о своем желании выступить «протектором» еврейских начинаний в отношении Палестины [11, р. 169; 18, р. 217–220]. Главным

образом, общим связующим элементом отношений с сионистской организацией становилось издание надлежащей декларации о поддержке идеи создания национального очага.

В США переговоры об издании соответствующей декларации вел представитель временного исполнительного комитета по общим сионистским делам Л. Брандайс и добился устных заверений президента В. Вильсона о поддержке целей ВСО. Однако государственный департамент США и лично Р. Лэнсинг протестовали против ее целенаправленной поддержки. Как уже отмечалось выше, вопрос о статусе Палестины и отношениях с ВСО был основным узлом противоречий Вашингтона и Лондона, хотя никакой борьбы за право первыми опубликовать декларацию не существовало, поскольку лидеры сионистской организации определенно настроились на отказ от вмешательства «третьей силы» в процесс организации национального очага для евреев в Палестине [5, с. 23–25]. Это следовало, в том числе, и из их высказываний. В мае 1917 года Х. Вейцман заявил следующее: «Под опекой Британии евреи смогут развиваться и создать административную машину, которая даст нам возможность воплотить сионистский план» [14, р. 48].

Летом 1917 года министр иностранных дел А. Бальфур активизировал переговоры с высокопоставленными деятелями сионистской организации. Собеседником будущего министра иностранных дел стал Э. Ротшильд, крупный банкир, глава Сионистской Федерации Великобритании [13, р. 167], являвшейся подразделением ВСО. Со всей ясностью было показано, что в скором времени и, вероятнее всего, еще до разгрома турецких войск в мировой войне британское правительство определит статус планов сионистской организации в курсе ближневосточной политики Лондона. Через несколько дней сионистский лидер направил на имя министра письмо, где отразил важнейшие стороны сотрудничества. Во-первых, Великобритания должна принять тот принцип, что Палестина выйдет из состава Османской империи в качестве восстановленного очага еврейского народа; во-вторых, Лондон предпримет такие меры, которые способствовали бы достижению сионистских целей, координируя действия с Исполнительным комитетом ВСО [14, р. 31–33].

В октябре 1917 года А. Мильнер представил на обсуждение кабинета собственный план решения сионистских проблем, выглядевший совместным решением правительства предоставить евреям возможность создать национальный очаг [25, р. 12]. Можно утверждать, что план А. Мильнера стал основой декларации А. Бальфура.

Таким образом, уже в октябре 1917 г. будущее Палестины окончательно стало ассоциироваться с созданием еврейского национального очага.

2 ноября 1917 года министр иностранных дел Британии А. Бальфур направил ответное письмо Э. Ротшильду, в котором от своего имени сообщил о благожелательном отношении к идее учреждения на территории Палестины еврейского национального очага [5, с. 25].

Несмотря на имевшиеся разногласия, большинство представителей британской политической элиты интерпретировали письмо лорда А. Бальфура как чрезвычайно важный для дальнейших успехов союзников акт. Великобритания посредством признания прав евреев на создание национального очага в Палестине не только окончательно закрепляла за собой статус протектора Палестины, исключала интернационализацию этой части Ближнего Востока, но и вводила

в международную политику новый специфический субъект – Всемирную сионистскую организацию.

Лондон блестяще «разыграл» карту Палестины в политической комбинации на Ближнем Востоке. После заключения соглашения Сайкс-Пико Святая Земля оказалась под международным контролем; в переписке Мак-Магона с Хусейном она косвенно включалась в состав Арабской конфедерации, а Декларация Бальфура провозгласила курс Британии на поддержку Сионистской организации в создании национального очага. Декларация Бальфура, при всем ее противоречивом и пространном смысле, была признана союзными державами. 9 февраля 1918 года свое намерение поддержать декларацию выразило правительство Франции, 9 мая 1918 г. – руководство Италии, 31 августа 1918 г. – президент США В. Вильсон [7, с. 25]. Оказанную со стороны союзных держав поддержку Декларации Бальфура не следует оценивать как поиск компромиссного с Великобританией варианта разрешения проблемы статуса Палестины, а скорее, как результат работы подразделений ВСО.

Таким образом, действия Великобритании в ближневосточном регионе на завершающем этапе Первой мировой войны характеризовались повышенной военной и политической активностью. Усилия направлялись на осуществление эффективной обороны империи и расширение зоны влияния на территориях к востоку от Суэцкого канала до Персидского залива. Успех военных операций на ближневосточном театре предоставил Великобритании возможность завершить борьбу на Ближнем Востоке оккупацией вилайетов Османской империи, тем самым добиться решающего для того периода усиления позиций в регионе и получить максимум преимуществ в послевоенных переговорах с союзными державами. Посредством дипломатических механизмов Великобритании, во-первых, удалось на определенное время заручиться поддержкой арабских политических лидеров в борьбе с Турцией и Германией, ликвидируя возможность распространения на Ближнем Востоке идей панисламистского характера; во-вторых, ограничить запросы союзников по Антанте в распространении влияния в Восточном Средиземноморье; в-третьих, добиться отказа союзных держав от проекта международного контроля над Палестиной, и расширить контакты с подразделениями Всемирной Сионистской организации.

Библиография

1. *Бэкер Р.* Вудро Вильсон, мировая война, версальский мир. М.; Пг., 1923.
2. *Бондаревский Г. Л.* Английская политика и международные отношения в бассейне Персидского залива. М., 1968.
3. *Готовцев А.* Важнейшие операции на ближневосточном театре в 1914–1918 гг. М., 1941.
4. *Киган Дж.* Первая мировая война: 1914–1918 гг. М., 2002.
5. *Колобов О. А.* США и Декларация Бальфура // Международные отношения на первом этапе общего кризиса капитализма. Горький, 1981.
6. *Колобов О. А., Корнилов А. А., Сергунин А. А.* Документальная история арабо-израильского конфликта. Нижний Новгород, 1991.
7. *Киселёв В. И.* Палестинская проблема в международных отношениях: региональный аспект. М., 1988.
8. *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах. Т. 2. М., 1957.

9. Секретное франко-британское соглашение по малоазиатским вопросам (9–16 мая 1916 г.) // Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях / под ред.: Ю. В. Ключникова и А. В. Сабанина. Ч. II. М., 1929.
10. *Aldington R.* Lawrence of Arabia. L., 1969. P. 283.
11. *Amery Leopold.* The Leo Amery diaries. V. I. L., 1980.
12. *Bosworth R. J. B.* Italy and the end of the Ottoman Empire // The great powers and the end of the Ottoman Empire. L., 1984.
13. Britain and Palestine. 1914–1918: Archival Sources for the History of British Mandate. L., 1979.
14. British-Zionist relations 1914–1917. N. Y.; L.: Garland, 1987.
15. *Brown C. L.* International politics and the Middle East. N. Y.
16. *De Novo J. A.* American interests and policies in the Middle East 1900–1939. Minneapolis. 1963.
17. Documents relating to the Balfour declaration and the Palestine mandate. L., 1939.
18. *Friedman Is.* Germany, Turkey and Zionism, 1897–1918. Oxford, 1972.
19. Great Britain. Foreign Office. (Information paper № 9). L., 1918.
20. Great Britain: foreign policy and the span of empire 1689–1971: a documentary history. V. 1. L., 1972.
21. *Glubb J. B.* Britain and Arabs. A study of Fifty Years, 1908–1958. L., 1967.
22. *Guinn P.* British strategy and politics 1914 to 1918. Oxford, 1965.
23. *Hopwood D.* Tales of Empire: The British in the Middle East, 1880–1952. L., 1983.
24. *Hurewitz P.* Diplomacy in the Near and Middle East. V. 2 (1914–1956). N. Y., 1972.
25. *Ingrams D.* Palestine papers 1917–1922. Seeds of conflict. L., 1972.
26. *Kedourie E.* England and the Middle East. The destruction of Ottoman empire. 1914–1921. L., 1956.
27. *Longrigg S. H.* Syria and Lebanon under French Mandate. N. Y., 1971.
28. *Lowe C. J., Marzari F.* Italian foreign policy 1870–1940. Boston, 1975.
29. *Mansor, M.* Arab World. Political and Diplomacy History, 1900–1967: A chronological study. V. 1. L., 1971. 30. 10. 1918.
30. *Porter B.* Britain and the Middle East in the Great War // Home fires and Foreign fields. L., 1985.
31. The Times. 1918. December, 14.

A. V. Shandra

THE MIDDLE EAST REGION IN THE FOREIGN POLICY OF GREAT BRITAIN IN THE FINAL STAGES FIRST WORLD WAR

In this article, based on various sources and special studies the problem of formation of Middle Eastern politics in the UK 1916–1918's. The author analyzes the strategic military, political and diplomatic aspects of the London foreign policy, the struggle of the Great Powers in the region, also drew attention to the approval of the "special interest" of the British political elite to Palestine.

Keywords: war, foreign policy, diplomacy, Great Britain, Middle East.

ОТГОЛОСКИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ...

Статья посвящена песням, записанным в концентрационных лагерях кайзеровской Германии, в которых содержались военнопленные российской царской армии, в том числе и представители народа мари. Исследование проводилось в фонотеке Университета им. Гумбольдта (Берлин).

Ключевые слова: концлагерь, песни, мари, фонотека университета.

Казалось бы, чем дальше мы отдаляемся от судьбоносных для нас, для страны в целом, событий, тем они более становятся недостижимыми для понимания новыми поколениями, становятся «достоинством» истории, материалами более всего для историков и краеведов.

Но, с другой стороны – и это уж совершенно парадоксально! – случаются и неожиданные всплески в нашем сознании: мы, обыкновенные, простые смертные, начинаем осознавать значимость многих явлений, на которые раньше, возможно, и не обращали такого пристального внимания.

Вторая мировая война, которая для нас, россиян, всегда была и будет Великой Отечественной, не стерта из памяти многих поколений (чего лукавить: есть, были и будут, безусловно, и такие, которым эта война – очередной исторический конфликт двух стран). Она для нас такая же судьбоносная, как и Отечественная война 1812 года. Не зря же мы называем их *Отечественными*...

Безусловно, на фоне этих двух Отечественных (особенно Второй) Первая мировая война становится (да простят меня мои читатели за возможную некорректность сравнения!) менее впечатлительной и масштабной по кровополитиям и зверствам (хотя война – она и есть война!). Это мы позволим себе аргументировать хотя бы сравнением условий содержания военнопленных в концентрационных лагерях двух мировых войн.

Как известно, концентрационные лагеря предназначены для содержания в них военнопленных, а сама цель пленения – изоляция солдат, плененных воюющими сторонами, и исключение их от ведения военных действий против них. А что было в лагерях двух мировых войн? Если в годы Первой мировой – это было действительно пленением-изоляцией, то лагеря другой войны – это место для физического уничтожения солдат противника!

Так, глава II Женевской Конвенции 1907 года, полностью посвященная этому вопросу, озаглавлена «О военнопленных». Читаем: «...С ними [военнопленными – О. Г.] надлежит обращаться человеколюбиво. Все, что принадлежит им лично, за исключением оружия, лошадей и военных бумаг, остается их собственностью». Или «Военнопленные могут быть подвергнуты водворению в городе, крепости, лагере или каком-либо другом месте с обязательством не удаляться за известные определенные границы». «Государство может привлекать военнопленных к работам сообразно с их чином и способностями... Работы эти не должны быть слишком обременительными и не должны иметь никакого отношения к военным действиям». Что еще более шокирует: «Военнопленным может быть разрешено работать

на государственные установления, за счет частных лиц или лично от себя», «Работы... оплачиваются по расчету цен, существующему для чинов местной армии, за исполнение тех же работ...», «Заработок пленных... выдается им при освобождении, за вычетом расходов по их содержанию» и «По заключении мира отсылка военнопленных на родину должна быть произведена в возможно близкий срок».

Невероятно, но эти статьи «работали» в лагерях Первой мировой! И это не пустые слова. Об этом пишут и говорили в своих воспоминаниях многие вернувшиеся (возможно, это и не было абсолютом, но...). Так, уроженцам марийского края, побывавшим в плену Первой мировой войны, Лариону и Егору Даниловым (как и многим другим) было разрешено носить свою военную форму (фуражку с кокардой, к примеру), ходить при своих часах – правда, с номером военнопленного на рукаве куртки, о чем свидетельствует фотография Лариона тех лет и событий.

Жизнь, наша совесть, чувство гражданского достоинства настойчиво требуют правдивой информации о случившемся в ушедших от нас веках, воскрешения имен достойных прадедов наших, дедов, отцов и сынов Отечества... Побуждают искать...

Мы ищем...

Что чувствует каждый из нас, когда вдруг ему улыбнулось счастье найти нечто доселе неизвестное? Думается, это чувство необыкновенной радости по поводу вновь им открытого и найденного, известно многим – историкам, археологам, лингвистам...

Нечто подобное испытал и автор этой статьи, когда ему удалось ознакомиться с рукописью Н. И. Суворова из архива *Suomalais Ugrilainen Seura* (Финно-угорского общества), куда сотрудник Казанской учительской семинарии отсылал записанные им в 1902–1904 годах от учащихся-мари народные песни. Всего в этой коллекции оказалось 343 образца напевов (с текстами и без оных) горных, восточных и луговых мари. При финансовой поддержке финских коллег нам удалось в кратчайшие сроки опубликовать эти неизвестные доселе образцы народно-песенного творчества, отголоски песенной культуры мари конца XIX – начала XX столетий [1]. Уникальность содержащихся в книге образцов, прекрасное дизайнерское решение издания позволили ему по праву выиграть главный приз на республиканском конкурсе «Книга года–2006».

Всем казалось, что эта находка – последний и приятный «сюрприз» для фольклористов, исполнителей, композиторов...

Но, оказалось, ставить точку над «i» еще рановато.

Мало кто обратил внимание на несколько строк статьи К. Четкарева «Песни мари», предваряющей монографию «Марий калык муро» [2]: «...Несколько отличается по своему содержанию сборник текстов Э. Леви, записывавшего марийские песни и сказки от военнопленных в 1916–1917 годах. Он издал свой сборник в Ганновере в 1926 г. под заглавием «Черемисские тексты»... В него вошли 60 различных фольклорных текстов, в том числе и 13 песен [выделено нами – О. Г.]»¹. Последняя фраза, видимо, как-то «проскочила» мимо взора и внимания спе-

---

¹ Марий калык муро... С. 17. К. Четкарев дает ссылку на источник издания: *Ernst Levy. Tscheremissische Texte. 1–2, Hannover, 1926.*

циалистов. Но если бы даже кто и обратил на нее свое внимание, то это мало бы что изменило, ибо она могла означать просто песенные тексты, на что указывает и само заглавие книги Э. Лэви (так и было воспринято написанное большинством читавших это предисловие).

Какое же было наше удивление, когда наши немецкие коллеги почти случайно обмолвились об увиденных ими в фонограммархивах Берлина восковых валиках с записями марийских народных песен! Первоначальная наша реакция – не поверили. Высказали предположение, что это наверняка копии записей Р. Лаха (1874–1958), который, как известно, по поручению Венской академии наук в 1916–1917 годах в лагере военнопленных Харт (близ Вены) и интернированных лиц (в Будапеште) также осуществил слуховые и фонографические записи (на восковые валики) напевов народных песен от военнопленных царской армии, в числе которых были и солдаты-мари, а затем и опубликовал их отдельным изданием¹.

Предпринятые нами поездки в Берлин не оставили сомнения в том, что перед нами – действительно записи, осуществленные в немецких лагерях в 1915–1918 годах.

Марийская коллекция берлинских архивов насчитывает 74 единицы восковых валиков, из которых 60 отведены записям сказок, пословиц, поговорок, произношениям марийских слов – названий дней недели, года, счета и т. д., а на 14 валиках записаны образцы народных напевов. Таким образом, «музыкальная часть» этой уникальной коллекции насчитывает 11 образцов напевов.

Поражает скрупулезность заполнения формуляров, индивидуальных (именных) карточек на каждый фиксируемый образец фольклорного материала (не случайно немцы всегда отличались своей дотошностью, педантизмом во всем!).

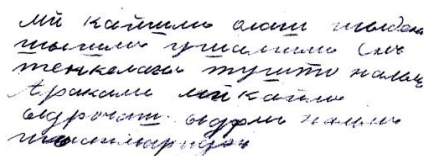
Персональные листки (Personal Bogen), кроме традиционных и обязательных указаний места, времени записи, имени и возраста информатора, содержат довольно интересные (а порой и весьма немаловажные) сведения. Так, на одном из таких листков записано, что информатор Абдуллай Вакитов (латиницей указано Abdallaj) во время одной из записей был простужен, и потому его голос был сиплым (*heiser*), к тому же и место записи, как мы читаем (а это был читальный зал), было холодным.

Для организаторов этой необычной экспедиции (а в записи принимали участие Э. Леви, В. Доэген, Якобсон, Ланэ) было важно все: место рождения информатора и его родителей, где проживал информатор до 6, с 7 до 20 лет (что весьма важно для уточнения усвоения им не только материнского языка, но и всей окружающей его культуры). Не упущены и такие биографические «детали» информатора, как умение читать и писать (то есть его образовательный уровень). Более того, в «деле» информаторов сохранились оригиналы их почерков, свидетельствующих о состоянии знания информаторами основ правописания на родном языке:

---

¹ Gesänge russischer Kriegsgefangener. I. Band: Finnisch-Ugrische Völker. 3. Abteilung: tschermissische Gesänge = Песни русских военнопленных. I т.: Финно-угорские народы. Ч. 3: Черемисские песни. Wien, 1929. Нами подготовлен к переизданию и этот том. В книге тексты приведены в норму современного марийского языка, ибо в оригинале они даны в транскрипции латиницей, что, безусловно, усложняло чтение и их восприятие.

Почерк А. Вакитова:

«Мй кайшмъ олаш ужалышым.
Кум те%океланъ тушто нальмъ аракамъ.
Мй кайшмъ ыдрончаш...».

Организаторы не упустили отметить также и сведения о вероисповедании и профессии информаторов, их владение языками. Интересен такой факт: один из информаторов, Күти Муликбаев (1883 года рождения) из деревни Бугалыш (ныне Красноуфимского района Свердловской области) исполнил одну и ту же песню на трех языках – марийском, татарском и удмуртском (причем, как отметили специалисты по последним двум языкам, тексты песен переданы безупречно, не говоря уже об интонационно прекрасном исполнении напевов). Почти все информаторы, будь то из восточных мари, луговых или горных (а в коллекции представлены записи всех этих групп), указали в анкетах знание ими двух-трех языков. Это, безусловно, опровергает укоренившееся представление о забитости, «дремучем» невежестве, безграмотности и т. д. наших предков.

Приведем один из «персональных листков» из архивных записей:

PERSONAL-BOGEN

Lautliche Aufnahme Nr: P.K. 10

Kriegsgefangenenlager: Döberitz

Datum: 29.XII.1915 / 30.XII.1915

Zeitangabe: 1/4 Uhr nachm.

Dauer der Aufnahme: 2½ Min.

Durchmesser der Platte: 27 cm.

Raum der Aufnahme:

Lesesaal – (Maschinenraum kalt)

Art der Aufnahme: (Sprechaufnahme, Gesangsaufnahme,
Choraufnahme, Instrumentenaufnahme, Orchesteraufnahme):

Gesangsaufnahme
(Volkslied)

Tscheremissisch

Nahme (in der Muttersprache geschrieben):

Абдуллай Вакутов

Nahme (lateinisch geschrieben):

Vakitov

Vorname:

Abdallaj

Wann geboren (oder ungefähres Alter)?

33 Jahre alt

Wo geboren (Heimat)?

Dorf Norkino

Welche größere Stadt liegt in der Nähe des Geburtsortes?

Sarapul (60 Werst entfernt)

Kanton – Kreis (Ujezd)

Birsk

**Departament – Gouvernement (Gubernija) –
Grafschaft (County):**

Ufa

Wo gelebt in den ersten 6 Jahren?

Dorf Norkino

Wo gelebt vom 7. bis 20. Lebensjahr?

Dorf Norkino

Was für Schulbildung?

Kirchenschule

(церковно-приходская школа)

vom 8.–10. Lebensjahr (3 Jahre)

Wo die Schule besucht

Dorf Norkino

Wo gelebt vom 20. Lebensjahr?	<i>Dorf Norkino</i>
Aus welchem Ort (Ort und Kreis angeben) stammt der Vater?	<i>Dorf Norkino</i>
Aus welchem Ort (Ort und Kreis angeben) stammt die Mutter?	<i>Dorf Urja (25 Werst v. N. entfernt)</i>
Welchem Volksstamm angehörig?	<i>Tscheremisse</i>
Welche Sprache als Muttersprache?	<i>tscheremissisch</i>
Welche Sprachen spricht er außerdem?	<i>russisch, tatarisch</i>
Kann er lesen? ja Welche Sprachen?	<i>russisch, tscheremissisch (etwas russisch)</i>
Kann er schreiben ja Welche Sprachen?	<i>russisch, tscheremissisch Drucksuchstaben</i>
Spielt er ein im Lager vorhandenes Instrument aus der Heimat?	<i>nein</i>
Singt oder spielt er modern europäische Musikweisen?	<i>nein</i>
Religion: "avramski" Heide (язычник) Beruf	<i>Ackerbauer</i>
Vorgeschlagen von:	<i>1. Lane 2. Wilh, Doegen</i>
Beschaffenheit der Stimme:	<ul style="list-style-type: none"> 1. Urteil des Fachmannes: <i>Der Sänger war heiser (erkältet). Beim dritten Liede hat er sich versprochen (im Anfang). Sonst – genügend. gez.: Lane</i> 2. Urteil des Kommissars: <i>genügend gez.: Wilh. Doegen</i>

Кроме указанных Personal Bogen'ов, каждый информатор имел свою страницу *особых отметок* (Besondere Bemerkungen), на которых дана общая характеристика информатора, а также содержатся результаты бесед с ним и т. д., то есть то, что невозможно было отразить в скупых пунктах строгого Personal Bogen.

Так, на листке А. Вакитова одним из корреспондентов, Ланэ (Lane), записано (*перевод с немецкого – наш*):

1. A. Vakitov ist Gemeiner des 49. sten sibirischen Schützenregiments (11. ste Kompanie). In Döberitz ist er in der Baracke 3 untergebracht.

2. V. gehört zu den sog. Wiesentscheremissen und steht in nahen Beziehungen zu den Teptjaren (Baschkiren). Die von ihm gesprochene Mundart, die Berührungspunkte mit dem Tatarischen und Russischen aufweist, ist von großem sprachwissenschaftlichen Interesse.

3. Die von mir mit V. aufgenommenen Texte sind von der Aufnahme durch Frage und Antwort in russischer Sprache festgelegt und mir einige Male von V. zusammenhängend erzählt worden.

4. V. kann nicht singen. «Die jungen Leute singen bei uns nicht oder singen sehr wenig. Die Alten sangen und singen noch».

Liedertexte od. Texte der Gebete konnte V. mir aus dem Gedächtnis in vollständiger Form nicht sagen. "Der Molla sagt die Gebete vor. Wenn wir

1. А Вакитов – рядовой 11-й роты 49-го Сибирского стрелкового полка. В Дёберитце он размещен в 3-м бараке.

2. Вакитов принадлежит к так называемым луговым мари и стоит в близких отношениях с тептярами (башкирами). Его разговорный диалект, обнаруживающий соприкосновение с татарским и русским населением, представляет чрезвычайно большой лингвистический (научный) интерес.

3. Тексты получены мной от Вакитова путем вопросов и ответов на русском языке, а затем несколько раз повторены Вакитовым связно.

4. Вакитов петь не может. «Молодые люди у нас не поют или поют очень мало. Старики пели и еще поют».

Тексты песен или молитв Вакитов не мог передать мне в полной форме. «Прежде мулла произносит молитву. Если мы приносим

ein Tier zum Opfer bringen, beten wir im Walde auf einer durch Pfahlzaun umzäunten Platz, wenn wir auf freiem Platz beten, dann backen wir Brote (Pfannkuchen лепешка – Гержошки) und tragen sie zur Gebetsstelle hinaus."

5. Bei der Feststellung der Einzelheiten im Text hat Bajramov mitgeholfen.

Zuschrift am 16.1.1916.

Vakitov kann singen. Er hat inzwischen Vertrauen zu mir gefasst und hat sich heute bereit erklärt, tscheremissische Lieder zu singen.

Zuschrift am 23. sten Jan. 1916.

Heute sind von mir mit Vakitov drei anscheinend unbekannte Lieder aufgezeichnet und die Texte von 9 tscheremissischen Liedern aus dem Buch von Aptriev (Sammlung tscheremissischer Lieder. Kasan. 1908) festgelegt worden.

Zuschrift am 27. Jan. 1916

Heute hat Vakitov 12 kleine Lieder in den Apparat gesungen und ein Märchen hineingesprochen.

в жертву животное, мы молимся в лесу на отгороженном изгородью (столбами) месте; если мы молимся на свободном месте, то мы выпекаем хлеба (блинчики, лепешки) и их выносим из молельного места».

5. При уточнении подробностей текстов нам помог Байрамов.

Записано 16.01.1916.

Вакитов может петь. Между тем, он проникся доверием ко мне и объявил о готовности сегодня спеть мне черемисские песни.

Записано 23 января 1916.

Сегодня мной были записаны от Вакитова 3, по-видимому, неизвестные песни и тексты 9 черемисских песен из книги Аптриева (Сборник черемисских песен. Казань, 1908).

Записано 27 января 1916.

Сегодня Вакитов спел на аппарат 12 небольших песен и рассказал одну сказку.

Получив фоновалики, мы, в первую очередь, прослушали записи, пролежавшие в фонограммархивах Берлина без малого 100 лет, тем не менее уцелевшие даже в страшные годы кровавой войны 1941–1945 годов, когда город подвергся массовой бомбардировке союзных войск.

Зная несовершенство фонографов системы Эдисона (хотя в те годы эти «чудо-машины» были «вёрхом» технического совершенства!), мы были поражены сохранностью валиков и качеством их звучания!

Проведя не столь уж и сложную работу по дешифровке звучащих образцов, взялись за тщательное изучение анкет информаторов.

Вначале внесем некоторые коррективы в сказанное выше К. Четкаревым: записи от военнопленных-мари осуществлялись в 1915–1918 годы. Всего было 10 «вызовов»: первая запись датирована 29.12.1915 года от А. Вакитова и С. Байрамова, последняя – 7.08.1918 года от Г. Рыбакова и Ишманова. В первый раз (29 и 30.12.1915 года) Абдуллай Вакитов выступил в качестве информатора разговорных жанров – он продиктовал на фонограф историю своей жизни и сказывал сказку; 27.01.1916 года – исполнил 4 песни. График записей был составлен «полагерно»: каждому из 6 лагерей был отведен определенный день (приведем отрывок):

Даты записей	Фамилии информаторов	Жанры	Лагерь
29.12.1915	Вакитов А. Байрамов С.	Рассказ о своей жизни	Döberitz
23.03.1917	Ирдуванов Ф. Ирдуганов Н. Исенбаев М. Муликбаев К. Сайнашев М. Терентьев	2 песни. Читает текст по книге. Молитва. Читает рассказ. 3 песни. 3 песни. Читает стих. Читает рассказ.	Münster
16.02.1918	Данилов Л. Плотников П.	Читает сказку. Счет. Читает рассказ. Слова	Chemnitz

Нам было небезынтересно узнать: какова судьба этих военнопленных, кто из них вернулся домой, остались ли у них родные, близкие (дети, внуки), кто, быть может, помнит о них и т. д.

Надеясь, что все военнопленные вернулись из плена, было бы наивно, хотя мы знаем, что такое случилось.

Первое наше посещение – деревня Яшмаково Медведевского района, откуда, судя по «персональному листку», был один из информаторов, *Коротков Прокопий* (Пронька, как добавлено в скобках – как оказалось, так его звали в деревне).

Наш «рейд» в чем-то удался: мы выяснили, что у Проньки был брат, Алексей Егорович (таким образом, мы выяснили и отчество Прокопия, так как в лагерном документе оно отсутствовало), что у Алексея был сын Дмитрий (1930–2005), а у Дмитрия – 6 детей (4 парней и 2 девочки), все здравствующие в настоящее время. Но самое главное – мы узнали, что Пронька вернулся из плена, у него родились 2 сына – Василий и Григорий, у которых также остались дети. Таким образом, родовое древо Коротковых – Прокофия и Алексея – разрастается их детьми (сыновьями-дочерьми) и внуками.

Вернулись из немецкого плена и два уроженца деревни Марий Суксо (Йӱштӧ Памаш) Актанышского района Республики Татарстан – Георгиевский кавалер Николай Ирдуганов и Минликай Исанбаев (на «Персональном листке» – Мимликай Исенбаев), содержащиеся в лагере Münster. Трагической оказалась судьба двух других земляков Николая Ильича: унтер-офицер Давлетбай Яманов погиб еще в августе 1914 года, а Ульян Ахмадеев пропал без вести в феврале 1915 года.

Благодаря усилиям Валерия Минлигареевича Ахмедзянова, учителя средней школы деревни Марий Суксо, а также Александра Николаевича Ирдуганова и его невестки, Елены Тимерьяновны, нам удалось установить довольно интересную биографию Николая Ильича Ирдуганова. Николай Ирдуганов в плену находился 4 года, но в нем он числился лишь номинально. На самом деле он работал в хозяйстве у одного богатого немца. Хозяин своим работником был очень доволен, поэтому, когда было получено «разрешение на возвращение военнопленных на родину, хозяева просили Николая остаться у них, расставаясь с ним, плакали, ибо он был хорошим работником».

Действительно, Николай Ильич был мастером «на все руки», человеком богатырского телосложения («прямая противоположность мне», – улыбаясь, говорил его сын Александр).

После возвращения на Родину Николай Ильич женился, построил ветряную мельницу, соорудил прекрасную усадьбу – сарай, склад, красивый дом – завел лошадь. Однако судьба со всем этим нажитым распорядилась весьма сурово. Жена его, Гульбика, была против вступления в создаваемый в те годы колхоз. Это было началом большой беды. Николай Ирдуганов попал в «список богатых людей села» и подлежал раскулачиванию. Но Николаю Ильичу зачли его пребывание в плену и привычную в те годы Сибирь заменили ссылкой в Марий Эл.

Его хозяйство было «национализировано»: сарай и лошадь забрали в колхоз, дом продали. Так что к моменту возвращения из ссылки в родные края у него не было ничего. После появления Указа о создании населенного пункта «Киров» в Актанышском районе и получения разрешения поселиться в своей деревне Николай Ирдуганов обосновался и начал с постройки жилья: вырыл землянку, обустроил ее, завел скотину. Вскоре построил дом, однако из-за шалости дочери

он сгорел. Вновь построил! По воспоминаниям, он был очень трудолюбивым и добросовестным! В то время в колхозе выращивали коноплю – прекрасный «полипродукт»: из ее семян получали масло, жмых (пищевой продукт), а также материал для изготовления канатов. После выборки семян тростник помещали в реку для вымачивания («сгнивания»), как принято называть этот процесс в народе). Во время извлечения осенью из воды готового материала Николай сильно простудился и в ту же ночь скончался. Это случилось в 1954 году.

Пребывание в немецком плену не прошло для Николая бесследно: кроме прекрасной хозяйственной выучки, он неплохо усвоил и немецкий язык – в годы учебы сына Александра в школе помогал ему по этому предмету.

Николай, по воспоминаниям, очень любил петь. У него был густой низкий голос с красивым тембром. Может, это от своей матери? Ведь неслучайно ее нарекли поэтическим именем «Сандугач (по-татарски “соловей”»)»!

Николай Ильич Ирдуганов вырастил троих детей: Ташбику (1926–2001), Лизу (1928–2005) и Александра (1930–2010). На сегодня уточненная родословная, восходящая к 1722 году, насчитывает не одну сотню представителей этого рода, а продолжает его (по мужской линии) шестимесячный Радмир, праправнук Георгиевского Кавалера Николая Ильича.

Сведения же о земляке Николая Ирдуганова, Минликае Исанбаеве, пока что весьма неполные. Известно, что он был искусным мастером сочинять песни (скорее всего – тексты), любил петь под скрипку. Вернувшись после войны в родное село, он испытал все «прелести» бытия: колчаковский набор, коллективизацию. Умер в 1926 году. Был женат на Сагиде Тимеркаевой и вырастил пятерых детей: Сахибу, Минлихана, Минлебику, Гульбику и Тимерхана (1920–1997). Тимерхан проходил срочную службу в Белоруссии, с первых дней Великой Отечественной вступил в войну. Вернулся инвалидом и начал работу ветеринаром в колхозе. Когда в соседней татарской деревне пали 4 лошади, Тимерхан был обвинен в гибели животных и посажен в тюрьму. После освобождения он не стал возвращаться в свое село. Остался в д. Кожласола близ Йошкар-Олы, куда в свое время, спасаясь от коллективизации, уехал его тесть Арслан Миляев и где проживали его жена Бика с детьми Анатолием и Маргаритой. Последнее пристанище нашел Тимерхан у своего сына Анатолия в Ижевске.

Трагичной оказалась судьба другого информатора, Петра Плотникова из деревни Ошурга ныне Медведевского района Республики Марий Эл. Наши поиски были также результативными: Петр Михайлович Плотников вернулся из плена. В 1918 году у него родились первые сыновья Сергей и Григорий. Однако в страшные 1930-е годы Петр Михайлович был репрессирован, расстрелян. Оказалось, что Петр Плотников был обвинен в антисоветской пропаганде [3, с. 149]. В книге «Трагедия народа. Книга памяти жертв политических репрессий Республики Марий Эл» кратко сообщается: «Плотников Петр Михайлович, 1884 г. р., уроженец д. Ошурга Медведевского района Марийской АССР, мари, крестьянин, репрессирован 05.08.1937, расстрелян» [4, с. 209]. Каких-либо дополнительных данных в этом специфическом издании нет, поэтому нами был послан официальный запрос в республиканские органы УФСБ России о разрешении допуска в архивы с целью ознакомления с делом Петра Михайловича и уточнения его биографических данных. Из полученного ответа из УФСБ России по Республике Марий Эл мы узнали, что Петра Плотникова арестовывали неоднократно: в 1931, 1933, 1936

(сбежал из ссылки) и 1937 годах. Но главное – факт его пребывания в плену подтвердился: «Из анкеты арестованного от 5 февраля 1933 года усматривается, что он служил в старой армии музыкантом, а в период с начала войны до февральской революции находился в плену в Германии три с половиной года»¹.

И еще удивительные судьбы двух братьев Даниловых из деревни Данилкино Волжского района Республики Марий Эл: Илларион (Ларивон) Павлович и его брат Егор содержались в лагере Chemnitz 4 года (1914–1918). Но самое интересное в том, что Илларион привез с собой уникальный документ – фотоальбом о жизни военнопленных одного из многочисленных лагерей на территории кайзеровской Германии².

Быть может, нет ничего удивительного в издании подобных альбомов (пусть даже с изображениями лагерной жизни). Удивительное и... неожиданное в том, что подобные буклеты были розданы (или разрешалось брать с собой) всем обитателям лагерей, когда они были распущены «по домам» (это случилось в 1918 году). Этот альбом бережно сохранили до наших дней его близкие – жена Анна, внук Владимир.

Смотришь на этот необычный альбом и невольно сравниваешь лагерь военнопленных двух мировых войн – 1914 года и той, что принято называть Великой Отечественной. Никакого сравнения! Пусть в представленном альбоме лагерная жизнь кажется нам несколько идиллической, тем не менее... Разве можно представить гитлеровские лагеря с нормальными кроватями и чистыми на них постелями да еще и с банями, или занятия физической культурой и медицинские осмотры? Наконец, со своим камерным оркестром и его выступлениями!

На одной из фотографий этого альбома запечатлен и сам Илларион Данилов (на переднем плане – с черпаком).

Фотография из альбома Иллариона Данилова

¹ Из ответа УФСБ России по Республике Марий Эл от 14.08.2007, № 1896.

² Нами подготовлен к переизданию этот необычный документ.

Мы знаем из воспоминаний самих военнопленных (Н. Ирдуганова, А. Вакитова и других), что лагерная жизнь в Германии научила их многому – различным профессиям (строительным – в первую очередь) и умелому ведению хозяйства. Изоляция от военных действий позволила трудолюбивым от природы нашим дедам и отцам стать мастерами «на все руки». Так, Илларион Павлович Данилов уже после возвращения в родные края был награжден (среди прочих многих наград) высшей наградой республики, Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Марийской АССР – «За выдающиеся заслуги в области заготовок животноводческого сырья».

Владимир Николаевич Громов, внук Иллариона, назвал имена дочерей Егора, брата Иллариона – Прасковьи (Пачук) и Валентины (1933 и 1944 годов рождения). И закрутилось вновь колесо воспоминаний, пошла новая волна поисков, появилось множество новых, совершенно неожиданных сведений об этом удивительном «клане» Даниловых из Данилкино. Перед нами раскрылась более точная, полная и, надеемся, наиболее правдивая история (ну как тут не назовешь, «похождений») Иллариона и Егора Даниловых и его земляков! А она, эта история, такова.

К сожалению, доподлинно неизвестно, как Илларион и Егор попали в плен – они не любили об этом рассказывать, но, как правило, чаще всего в плен попадали в результате окружения. В плену, в лагере Chemnitz, они числились лишь номинально (как известно, согласно ст. 1 вышеприведенной Женевской Конвенции, они могли находиться «в городе, крепости, лагере или каком-либо другом месте с обязательством не удаляться за известные определенные границы»). Так, братья Даниловы оказались в имении немецкого барона. Кем они работали вначале, нет сведений, но вскоре Егор был назначен управляющим имения. Для этого нужны были, думается, довольно веские доводы. Надо полагать, братья работали на совесть, грамотно и преуспели в этом, иначе как барон (!), немец (!) мог позволить пленному солдату Егору сблизиться со своей дочерью?! А дело именно так и было!

Фотография, сделанная перед венчанием (а цветок в руках у девушки – это основной атрибут невесты), – тому подтверждение! Но... бракосочетание не состоялось. Препятствием стали, как объяснял позже Егор, конфессиональные различия молодых: согласный ранее на смену религии, Егор позже (перед алтарем!) передумал. Но, по его словам, у него в Германии остался сын Ганс. По этому поводу интересны воспоминания Валентины Егоровны Анисимовой, дочери Егора Павловича Данилова: «Это было 15 февраля 1999 года в небольшой церквушке в Парке культуры и отдыха, что в центре города Йошкар-Олы. Я готовилась войти в церковь. Смотрю: оттуда выходит солидный мужчина высокого роста. Одет он был не «по-нашему» элегантно. Подошел ко мне. Мне показалось даже, что он меня подждал. Приблизился, протянул деньги, сказал: «Bitte», и удалился. Я не могла вначале сообразить, что к чему, лишь позже догадалась, что это он сказал мне по-немецки. Вот я и думаю: возможно, это был тот самый Ганс, может быть, он навел каким-то образом справки о детях Егора, приехал к нам, посмотрел, увидел и... Вот такая история приключилась со мной», – задумчиво закончила свой рассказ Валентина Егоровна.

Мог ли быть тот предполагаемый немец действительно сыном Егора? Если допустить, что этот самый Ганс родился где-то в промежутке 1918–1919 годов, то вполне вероятно, что в 1999 году ему было около 80 лет. Впрочем, тот незнакомец мог быть и внуком Егора. Да что теперь гадать? История поросла былью...

На снимке (слева направо):
младший из четырех братьев Дмитрий (1891–?), Илларион (1885–1971),
Егор (1887–1970). К этому времени не оказалось в живых Бориса (1889–1943,
погиб в годы Великой Отечественной войны)

Новое поколение Даниловых из Данилкино продолжает славные трудовые традиции своих отцов и дедов. А есть что продолжить!

Род Даниловых считался в округе одним из самых состоятельных и трудолюбивых – Даниловы в своем хозяйстве трудились сами, не привлекая сторонних крестьян (то есть кулаками не были!), к тому же в годы коллективного хозяйствования по праву считались образцовыми пчеловодами колхозной пасеки. Быть может, поэтому в суровые 1930-е годы прошлого столетия жернова страшных трагедий обошли этот трудолюбивый род.

Валентина Егоровна предполагает, что репрессии могли обойти Даниловых и потому, что ее мать, жена Егора, работала главным бухгалтером колхоза, а это в то время – какая-никакая власть! Может быть, может быть, но судьба и на этот раз оказалась благосклонной к этому роду.

О трудолюбии марийских военнопленных (в данном случае мы ведем речь именно о них, марийских солдатах, хотя подобное наверняка применимо и по отношению к другим пленным), об их хозяйственной хватке свидетельствуют многочисленные факты желаний немецких баронов-хозяев оставить их на работе и после их освобождения в результате мирного соглашения воюющих сторон. Об этом же, а также и о соблюдении условий Женевской конвенции 1907 года (в частности п. 7) свидетельствует и следующая, нами еще, к сожалению, до конца не распутанная история с Купаевым Мироном Герасимовичем из деревни Атиаз Елабужского района Республики Татарстан. По данным, полученным нами от директора

Куклюкской средней школы Мельникова Ивана Николаевича и учащейся Вероники Филипповой, Мирон Купаев (1882 года рождения) в немецком плену пробыл с 1914 по 1918 год. Перед возвращением на родину хозяин «за хорошую работу предлагал ему деньги, но Мирон попросил, чтобы ему прислали молотилку. Немец выполнил просьбу Мирона и прислал желанную машину... Мирон в колхоз не вступил, был единоличником. Молотил зерно крестьянам, стал богатым человеком, за что и был раскулачен».

Сколько было пленных – столько же и судеб... Печальных, суровых...

В поисках вернувшихся из плена военнопленных, в уточнениях их дальнейших судеб приняли активное участие многие земляки разыскиваемых солдат. Так, Саликай Илинбаевич Кугубаев из д. Норкино Калтасинского района Башкирии с помощью «престарелой бабушки, которая помнит Абдуллая Вакитова и историю его семьи»¹, помог нам установить многие биографические детали из «послепленовской» жизни своего земляка. «После освобождения (Абдуллай Вакитов) вернулся в д. Норкино. Жена Амось ждала его с сыном Апалаем и дочкой Саликой... Жили отдельным хозяйством. Он лечил животных, домашнюю скотину у односельчан. С образованием колхоза в 1930 году в числе первых вступил в колхоз «Верхнее Норкино». В колхозе работал ветеринарным врачом до преклонного возраста. Был добрый, великодушный, в деревне уважаемый человек. До сих пор в д. Норкино вспоминают о нем как о хорошем человеке»².

Судьба «сводила» Абдуллая Вакитова с Германией еще неоднократно: его сын, Апалай (1913 г. р.), сгорел в танке от прямого попадания вражеского снаряда во время одного из боев с противником в годы Великой Отечественной войны; его внук, Георгий (1940 г. р.), служил в рядах Советской Армии также в Германии... Но самым неожиданным для нас в полученном нами письме оказалось известие – «Абдуллай говорил, что у него осталась в Германии жена»³. Наше обращение к немецким коллегам с просьбой уточнить этот щекотливый вопрос пока осталось без ответа.

Необычно сложилась судьба «солагерника» А. Вакитова, Салия Байрамова (1888–1972), из деревни Шопкер (Уразбаево, что в Караидельском районе Республики Башкортостан).

Со слов самого Салия мы знаем: призван в армию в 1914 году, попал в плен, откуда бежал четыре раза. В четвертый раз Салий и его трое друзей прятались в пасеке – сидели в ульях. При приближении немецких солдат, ищущих беглецов, трое побежали, но были застрелены солдатами. Салий не выходил из улья и просидел, пока не миновала опасность. Возвращался домой долго, шел лесами и там же прятался. Вернулся домой только в 1919 году. По возвращении домой работал в колхозе конюхом. Имел два дома. Хорошо знал немецкий язык, этому языку он учил деревенских ребят.

¹ Из письма А. И. Гариповой (из личного архива автора).

² Там же.

³ Там же.

Салий в кругу семьи: сын Андрей и сноха, внучки Тамара и Таня, внук Егор (ныне и сам дедушка)

На сегодняшний день его родословное древо (надо полагать, далеко не полное), составленное правнучкой Салия, Кристиной Искаковой, насчитывает 8 колен и составляет 64 человека.

По мере подготовки данной статьи мы получали ответы на заранее присланные запросы относительно судеб военнопленных. Одно из писем пришло из д. Чормак (Еноктаево) Краснокамского района Башкирии, откуда родом был Георгиевский кавалер Шамкай Шуматов.

Внук Шамкай, Геннадий Павлович (1949 г. р.), кратко описал историю своего деда. Она такова: дедушка служил в царской армии ординарцем. Во время выполнения задания он в какой-то деревне попал в засаду. Его окружили и хотели поднять на штыки, но в последний момент германский офицер, видя на груди солдата Георгиевский крест и подумав, что не простой попался солдат, не дал расправиться с ним. Его стащили с коня, содрали крест. Так он попал в германский плен... Шамкай Шуматов содержался в лагере Giessen вместе со своим земляком Кусюкбаем Пайзулиным из д. Маликульсетово, судьба которого на данный момент нами еще не уточнена.

Во время работы над текстом статьи было несколько телефонных звонков из Республики Башкортостан. Звонившие предлагали свою помощь и с удовольствием рассказывали об известных им фактах нахождения своих земляков в немецких лагерях военнопленных в годы Первой мировой войны. Мы с радостью встретились с ними и дополнили свое издание их данными, хотя они прямого отношения к музыкальной части нашего проекта и не имеют, однако...

В этом плане безусловный интерес представляет еще один Георгиевский кавалер, офицер артиллерии Мандиев Яндемир (Яндемыр) Мандиевич (1884–1945) из д. Пайдара Мишкинского района (на снимке – справа). Со слов его внука, Яндемирова Владислава Яковлевича (1952 г. р.), Яндемир призван в армию в 1914 году. Дома остались трое детей. На фронте командовал взводом, отбил три атаки противника, за что и был представлен к Георгиевскому кресту. В плену, по его словам, им жилось несладко. Легче стало, когда их «определили» к немецкому фермеру,

где он стал управляющим свинофермой. В его распоряжении было 6 воннопленных (в их числе – три солдата-мари). Работой управляющего фермер был очень доволен, поэтому, когда в 1920 году стали обмениваться военнопленными, фермер предложил Яндемиру остаться у него на службе, согласился даже на брак со своей дочерью Магдаленой. По словам самого Яндемира, и он не прочь был остаться в Германии, однако, по разрядке он попал в список солдат, подлежащих обмену.

«Мой дедушка, – продолжает свое повествование внук Яндемира, – был действительно работающим! К примеру, еще в годы Столыпинской реформы проявились его организаторские способности: так, получив недалеко от Мишкино 6 гектаров земли, организовал там настоящее опытное хозяйство, получив невиданный доселе урожай пшеницы!».

После плена Яндемиру предлагали в колхозе должность председателя, но он отказался, заявив прямо: «Я не согласен с этой властью». Построил себе дом, приобрел молотилку, но вскоре его раскулачили. Вынужден был жить в землянке, но вскоре вновь построил дом. Его продолжали агитировать вступить в колхоз. Однако он был непреклонен. Лишь однажды, в один из сеноуборочных сезонов, он согласился возглавить заготовительную бригаду в своей деревне. Вновь воспоминания Владислава Яковлевича: «В 4 часа утра сельчане уже косили. И так до 11 часов. С 11 до 16 часов он давал людям отдых (ну, кто отдыхал, кто и по дому хлопотал), а с 16 до 23 часов – вновь сенокос! В других деревнях только-только начинают шевелиться, а у Яндемира в деревне сено уже заготовлено!».

На снимке справа – Яндемир

Ввиду того, что Яндемир хорошо знал немецкий язык, его приглашали и в школу вести уроки немецкого.

И еще небольшой рассказ о печальной судьбе восточномарийского солдата, также оказавшегося в немецком плену, но не вернувшегося оттуда. Его нам поведал Кугубаев Сергей Ябаевич (1928 г. р.): «Апкалипов Апкадыр Апкалипович (1883, 85–??) был в плену. Когда пленных стали отправлять на родину, Апкадыр отказался возвращаться, заявив своим друзьям: “Я не могу поехать, меня могут наказать”. Он так и остался жить в Германии, работал на ферме... Судьба Апкадыра до сих пор не ясна» – грустно подытоживает свой рассказ Сергей Ябаевич.

* * *

Несмотря на почти вековой срок нахождения на архивных полках восковых валиков, чрезвычайно хрупких для хранения (магнитные ленты, как известно, через 15–20 лет хранения уже размагничиваются), голоса информаторов – певцов и рассказчиков – прослушиваются достаточно внятно.

То, что песни из марийской коллекции немецких лагерей действительно уникальны, нет ни малейшего сомнения. Дело даже не в том, что они хранятся в бердинском архиве. Они – неповторимы! Подобных не оказалось (за исключением 1–2 образцов) ни в одной из известных нам публикаций. Представленные песни – образцы удивительного мелодического богатства песенного фольклора наших предков. По достоинству их оценить – дело (надеемся, недалекого) будущего.

По-своему необычны и два последних образца данной коллекции.

Мы хорошо знаем о таком интересном явлении, как исполнение песен экспромтом – сочинить (особенно тексты) «с ходу». Иногда эти новые тексты появляются на известные (возможно, частично видоизмененные) напевы, но исполнить песню на тут же «сочиненный» (придуманый, причем прозаический) текст на свой придуманный напев – думается, дело не из простых. После исполнения этой самой «песни» ее «автор», Павел Алексеев (1890 года рождения) из деревни Тыгыде Морко, продиктовал на фоновалик и прозаический текст своего произведения. Вот он (мы сохранили произношение П. Алексеева без изменения):

Эрла кайна олашке шў ден. Шўжым ужалена шым те%огелан. Тушто налына аракам. Аракаж ден кайна ўдыр ончаи. ^{ТМ}дыржым налына сўанмарий дене. Тый лият сагуи. Талнет пуэм вич солыкым. Вара кайна ончыл йўаиш. Ончыл йўын толмек, возына малаиш. Эрдене кынелна да каена чодрашке пу дек. Пуым кондена и пўчкедена, вагышыиш оптена. Вагыжым ужалена шым те%огелан. Вара нална кемым. Кемжым чиена пайремлан.

(Завтра едем в город с углем. Уголь продадим за семь рублей. Там купим водку. С водкой идем сватать девушку. Девушку увезем с (настоящей) свадьбой. Ты будешь дружкой. Тебе дам пять платков. Потом едем на послесвадебный пир. Возвратившись с пира, ляжем спать. Утром встанем и идем в лес за дровами. Дрова привезем и спилим, сложим в дровяник. Дрова продадим за семь рублей. Потом купим сапоги. (А) в сапоги обуемся на праздник).

* * *

...Вчитываешься в строки текстов песен, вслушиваешься в звучание напевов, вдумываешься...

Трудно представить, что происходило в душах «певцов», когда они пропева-ли, казалось бы, заурядные в обыденной обстановке тексты. Так, чувства желания повидаться с родными и близкими, столь понятные и вполне «сносные» для гостевых песен, в исполнении оторванных от родного края пленных звучат в совершенной иной окраске:

Яманча курык – тура курык,
Ноялына гынат, кўзал(ы)на.
Ноялына гынат, ой кўзал(ы)на,

Гора Яманча – высокая.
Хотя и устаем – поднимаемся.
Хотя устаем – поднимаемся,

Сагынена гынат, илена.

Хотя и соскучились – живем (терпим).

Или же другой текст

Арка дене арка иктат о(к) лий –
Пүкшермыже-лай аркажлан мо шужо?
Элже дене элже икте огеш лий –
Шочмо-кушмо эллан мо шужо?

Пригорок на (другой) пригорок не похож,
Что есть лучше орешникового пригорка?
Страна на страну не бывает похожей –
Что есть лучше своей родной страны?

Аналогичен трагизм положения и в тексте другой песни. Являющийся «принадлежностью» более всего свадебной песни (невесты) или (реже) рекрутской, текст данной песни полон безысходности положения, в котором оказался военнопленный:

Шочылденат-кушмашна, ай ик вере,
Эртал кая ўмырна вес вере.

Родились-выросли на одном месте,
Жизнь проходит – на другом.

То, что в лагере военнопленным все же жилось не так уж и сладко, как это документировано в фотоальбоме Kriegsgefangenenlager Chemnitz, можно догадываться и потому, что из этой «тихой обители» не раз совершались побеги, за что многие заплатились даже своей жизнью. Убеждаемся в этом, послушав признания самих военнопленных. Так, Егор Данилов из д. Малые Шапы (что недалеко от Йошкар-Олы) говорит (диалектный говор Данилова сохраняем без коррекции):

«...Пеш кугу ойго лийын кайыш: ... немыч-шамыч мемнам кидышкышт поген налеве. Те паледа чылан – кузе илена. Пеш йосланена. Илаш йосо, кудынажат пеш мўндўрне. Ныл ий е%о кидыште, а ончыкыжо мо лиеш Кугу Юмо пала...»

(«Случилось большое несчастье: ...немцы забрали нас в свои руки. Вы все понимаете, как мы живем. Очень страдаем. Жизнь тяжело, дом наш далек. Четыре года в чужих руках, а что будет впредь – знает Великий Бог»).

Но... то, что хотя бы они остались живы в этой страшной военной «мясорубке», ими воспринимается как благо:

Ай-ай, ракмат Ош Юмылан
Вуйна эсен коштмылан.

Ой, спасибо Богу,
(Хотя бы) головы сохранились.

Вернутся ли они из плена домой – им неизвестно. Не потому ли слышны в их повествовании некий оптимизм и надежда на свое бессмертие (хотя бы в памяти потомков!):

Лышташыже войзылден, мланде о лий,
Немнан лўмна талада мi%ог(ы) кодеш.

Листья опадут, не станут землей,
(А) наши имена вам останутся навеки.

* * *

Предстоит, очевидно, еще долгая и кропотливая работа по уточнению судеб военнопленных, информаторов этой необычной экспедиции. С надеждой получить недостающие сведения мы предлагаем вниманию читателей (по их «персональным листкам») сводную таблицу информаторов (фамилии военнопленных, чьи судьбы на сегодняшний день оказались в какой-то степени выясненными, выделены):

№	Фамилии в/пленных	Возраст	Место рождения	Лагерь, где содержался
1	Алексеев Павел	1891	д. Тыгыде Морко Моркинского района РМЭ	Münster
2	Байрамов Салли	1888	д. Шопкер (Орзаево – Уразаево) Кара-идельского р-на Башкирии	Döberitz
3	Вакитов Абдуллай	1883	д. Норкино (Морко) Бирского уезда (мать – Урья = Орья, 25 км от Норкино)	Döberitz
4	Данилов Ларион	1886	д. Данилкино (ок. Учейкино) Волжского района	Chemnitz
5	Дмитриев Алексей	1885	д. Шелангер Звениговского района	Puchheim
6	Егоров Данил	1888	д. Малые Шапы Медведевского района	Chemnitz
7	Ирдуванов Федор	1881	д. Актajusch (Кумья, Kulhschara) Килемарского района	Münster
8	Ирдуганов Николай	1886	д. Марий Суксо Актанышского района Татарии	Münster
9	Исенбаев Мимликай	1893	д. Марий Суксо Актанышского района Татарии	Münster
10	<i>Ишманов</i>		<i>Данных нет</i>	Merseburg
11	Коротков Прокофий	1884	д. Яшмаково Медведевского района	Chemnitz
12	Муликбаев Кўти	1883	д. Бугалыш Красноуфимского района Свердловской области	Münster
13	<i>Мурыгин</i>		<i>Данных нет</i>	?
14	Пайзулин Кусйўкпай	1885	д. Malükulsetowo, Бирск, Сарапул (Актуганово – мать)	Giessen
15	Плотников Петр	1887	д. Мало Ошурга Медведевского района	Chemnitz
16	Рыбаков Гаврил	1873	д. Вончедўр (мать – Такерово) Моркинского района	Merseburg
17	Сайнашев Маникай	1894	д. Тынбаево Бирского уезда Башкирии	Münster
18	<i>Терентьев</i>		<i>Данных нет</i>	?
19	Шуматов Шамкай	1891	д. Чормак (Еноктаево) Краснокамского района Башкирии	Giessen

* * *

Во время работы над изданием нам постоянно поступали письма и различного рода сообщения об участниках Первой мировой войны. Думается, появится еще немало новых сведений и о военнопленных той войны – внуки и правнуки, новые поколения все чаще стали заинтересованно разматывать свои семейные клубки,

составлять семейные древа. Так, внуки и правнуки одного из них дали нам весточку о своем пращуре. Им оказался Игнатий Фомич Васильев (1880–1966) из деревни Ямаслонго (Нижний Выселок), ныне входящей как Заречная улица в состав деревни Элнет (Ильнеть) Менделеевского района Республики Татарстан.

Игнатий Фомич находился в немецком плену вместе с жителем соседней (находящейся на территории Удмуртии) деревни Кугу Йырсе (Большая Ерыкса) Семеном Тимковым, сведений о котором пока что ничтожно мало.

Игнатий Фомич после плена вернулся в свою деревню, трудился в кузнице. Было у него трое детей – двое сыновей, Егор и Очани (Александр) и дочь, Орика (Ирина).

А о Семене Тимкове можно пока что сообщить лишь то, что его сын, Николай Семенович (1918–2000), преподавал математику в Ильнетской средней школе, а затем был и ее директором, оставил о себе прекрасную память в своих учениках и жителях окрестных деревень.

* * *

Подготовка данной публикации, небольшой по издательскому объему, но не таковой по фактически содержащейся в ней информации, невозможна была бы усилиями лишь одного ее составителя.

Искренние слова благодарности мы выражаем знакомым и незнакомым своим коллегам, охотно откликнувшимся на наше обращение с просьбой помочь установить мало- и неизвестные страницы биографий вернувшихся из немецкого плена военнопленных-мари. И действительно, их помощь оказалась чрезвычайно важной, своевременной.

Помещаем одну из свадебных песен в исполнении Абдуллая Вакитова (с полным паспортом):

Кичкалма имньына – Юмын йорга...

Кичкалма имньына – Юмын йорга, Руалалме пўгына – сонарпыл ¹ , Руалалме пўгына – сонарпыл.	Наши лошади – божьи жеребцы, Наши дуги – радуги, Наши дуги – радуги.
Чиялма вургемна – Юмын сиські, Ышке улына кавасе мўкшава, Ышке улына кавасе мўкшава.	Наша одежда – Божьи цветы, А сами мы – небесные пчелиные матки, А сами мы – небесные пчелиные матки.
Ай, мурена гын, иямле йўк йомеш, Она мурал гын, изе шўм йўлалеш.	Если будем петь, голоса пропадут, А не будем петь – сердце болит.
Корнынат, корнынат корнынаже – Локама-лай сиськіже пеледеш, Локама-лай сиськіже пеледеш.	Вдоль наших дорог Цветет шиповник, Цветет шиповник.
Ият-лай, пеледеш и велалтеш – Эртал кая сиська-лай пагытна, Эртал кая сиська-лай пагытна.	Год цветут да рассыпятся, Проходят наши цветущие года, Проходят наши цветущие года.
Ай, мурена гын, иямле йўк йомеш, Она мурал гын, изе шўм йўлалеш.	Если будем петь, голоса пропадут, А не будем петь – сердце болит.

¹ Сонарпыл (вост. диал.) – шонанпыл.

Кич - кал - ме им - ны-на-Ю - мын йор - га,

ру - а - лал - ме пү - гы-на - со - нар - ныл.

Ру - а - лал - ме пү - гы-на - со - нар - ныл.

Чн - я - л-ме вур - гем-на-Ю - мын сәсь - ка,

ыш - ке у - лы - на ка - ва - се мүкш - а - ва.

Ыш - ке у - лы - на ка - ва - се мүкш - а - ва.

Ай, му - ре - на гын, и - ям - ле йүк йо - меп,

о - на му - рал гын, и - зи шүм йү - ла - леп.

Запись: Deberitz (Doeberitz), 27.01.1916,
1/4 часа после обеда.
Место записи: читальный зал (комната холодная).
Исполнитель: Вакитов Абдулла, 33 года (1883).
Место жительства: д. Норкино.
Ближайший крупный город от места проживания – Сарапул (60 км).
Родина отца – д. Норкино.
Родина матери – д. Урья (25 км от Норкино).
Место хранения – фонограммархив (Берлин).
№ хранения – 00 10 0100.

Библиография

1. Акрет муро = Песни предков. Йошкар-Ола, 2005.
2. Марий калык муро = Марийские народные песни / сост. В. Коукаль. М.; Л., 1951.
3. Сануков. К. VIII. Приказ № 00447: репрессии по разнарядке // Из истории Марий Эл: трагедии 30-х годов. Йошкар-Ола, 2005.
4. Трагедия народа. Книга памяти жертв политических репрессий Республики Марий Эл. Йошкар-Ола, 2004. Т. III.

O. M. Gerasimov

ECHOES OF THE FIRST WORLD... [ECHOES OF THE FIRST WORLD WAR]

Article is devoted to the songs which have been written down in concentration camps of Germany in which contained captured imperial army including representatives of people Mari.

Materials are given by the Record library of Humboldt-University (Berlin).

Keywords: Concentration camp, songs, Mari, a record library of university.

**Н. А. Лукиных,
Е. А. Попова**

Уездный Царевokokшайск в годы Первой мировой войны
(по материалам Государственного архива Республики Марий Эл)

В статье представлены редкие материалы из фондов государственного архива Республики Марий Эл, которые позволяют реконструировать некоторые стороны жизни горожан в годы войны.

Ключевые слова: Царевokokшайск, Первая мировая война, земская управа, беженцы, пленные.

Первая мировая война... Последняя война Российской империи... В течение длительного времени она оставалась забытой, являясь предметом лишь академического интереса, считалась «империалистической», «захватнической», «несправедливой». Для современников война была «войной за мир», «войной против войны», ее называли «Великая Европейская война», «Вторая Отечественная». Солдаты Российской империи сражались под девизом «За Веру, Царя и Отечество». Каждый павший на поле брани должен был помнить, что душу отдает Богу, жизнь – Отечеству, честь – никому.

Поводом к началу Первой мировой войны послужило убийство 15(28) июня 1914 года в г. Сараево сербским террористом Гаврило Принципом наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца Фердинанда и его жены Софии Хотек. В ответ на убийство эрцгерцога Австро-Венгрия предъявила Сербии ультиматум, содержащий заведомо неприемлемые требования, а 15(28) июля объявила войну. В поддержку братской Сербии в ночь на 18 июля 1914 года император Николай II объявил мобилизацию войск. Германия потребовала отменить эту меру в течение 12 часов, а утром 19 июля (1 августа) германский посол вручил министру иностранных дел Российской империи ноту с объявлением войны. В считанные дни после этого в войну вступили основные европейские государства. Всего в ней участвовали 38 государств мира с населением около полутора миллиардов человек. Почти во всех странах начало «Великой войны» было встречено с воодушевлением и энтузиазмом.

20 июля (2 августа) 1914 года император Николай II подписал Высочайший манифест об объявлении военных действий между Россией и Германией. «Следуя историческим своим заветам, Россия, единая по вере и крови с славянскими народами, никогда не взирала на их судьбу безучастно. С полным единодушием и особою силою пробудились братские чувства русского народа к славянам в последние дни, когда Австро-Венгрия предъявила Сербии заведомо неприемлимые для державного государства требования», – говорилось в документе, – «В грозный час испытания да будут забыты внутренние распри. Да укрепится еще сильнее единение Царя с Его народом, и да отразит Россия, поднявшаяся, как один человек, дерзкий натиск врага».

Подписание Высочайшего манифеста об объявлении военных действий между Россией и Германией было встречено патриотическим подъемом насе-

ления Российской империи. 22 июля (4 августа) 1914 года на Красной площади г. Москвы преосвященным епископом Трифоном было отслужено всенародное молебствие о здравии Государя императора и даровании победы воинству, со всех уголков Российской империи направлялись телеграммы на имя императора Николая II о выражении чувств верноподданнической преданности. Газета «Правительственный вестник» от 24 июля 1914 года писала: «На всей необъятной шире нашего Отечества в настоящее время царят одно настроение, одна мысль – выступить как один человек на защиту Царя и Родины. Бодро и уверенно отъезжают к границам войска, сопровождаемые молитвами о даровании Победы христолюбивому воинству и бесконечными, непрекращающимися манифестациями, в которых население Империи, без различия веры и национальности, принимает одинаково восторженное участие».

В Царевококшайском и Козьмодемьянском уездах Казанской губернии сразу после получения известия о начале войны были созваны земские собрания. В докладе Козьмодемьянской уездной земской управы земскому собранию сообщалось: «Открытие военных действий... вызвало чувство глубокого негодования к дерзкому и надменному врагу... это заставило население слиться воедино и принять твердое и искреннее желание всеми силами и средствами содействовать сохранению чести и достоинства России». По предложению председателя Царевококшайской уездной земской управы Николая Черкасова в Царевококшайском уездном земском собрании был отслужен молебен о здравии Государя императора и даровании победы над врагом.

В годы Первой мировой войны немало мужчин было призвано на действительную военную службу из Царевококшайского и Козьмодемьянского уездов Казанской губернии. В первые военные месяцы в действующую армию были мобилизованы городской староста г. Царевококшайска И. А. Дружинин, врачи Царевококшайской городской больницы Репьев и Розенберг, земский почтарь Столяров и многие другие. К месту службы новобранцы добирались по специальным маршрутным картам, в которых указывался путь следования, станции пересадок на поезда, суточный размер денег для новобранцев, места ночлегов и пунктов для смены подвод. Козьмодемьянская уездная земская управа в своем распоряжении к волостным правлениям просила своевременно и беспрепятственно обеспечивать новобранцев необходимым количеством подвод, продовольствием и ночлегом.

Думали, что военные действия продлятся четыре месяца, а война затянулась на три с лишним года, в стране начались революционные преобразования, и в результате Российская империя прекратила существовать... Но тогда, сто лет назад, население России было охвачено патриотическим подъемом, каждый стремился оказать посильную помощь воинам, сражавшимся на поле битвы, семьям ушедших на войну солдат, беженцам с окраинных территорий. В 1915 году в журнале «Вестник образования» было опубликовано стихотворение «Русь» ученицы Самарской городской женской гимназии Л. Гонелиной, в котором отражены настроения простых граждан, в чью жизнь пришла война:

Русь святая, Отчизна родная,
Сколько слез ты потратила, сил,
Как боролась, покоя не зная,
Сколько скрыла геройских могил.
Но не громкою славой победы

Дорога мне великая Русь;
Не за все ея скорби и беды
Перед нею главою склонюсь,
А за то, что во имя победы,
Забывая и дом и семью,
Презирая все скорби и беды,
Русский грудь подставляет свою,
И в груди этой жаркой любовью
Молодецкое сердце горит, –
Это пламя зальется лишь кровью,
Это чувство лишь смерть покорит.
Так воспойте ж, серебристыя волны,
Неумолчную славу стране,
Где любовию к Родине полны,
Погибают миллионы в огне,
Умирая и гордо и смело,
Все геройской мыслью горя:
Пасть в бою за великое дело –
За Отечество, Веру, Царя.

Жизнь царевokokшайцев в годы Первой мировой войны по документам Государственного архива Марий Эл

В начале XX века Царевokokшайск был небольшим уездным городком с населением немногим более 2,5 тыс. человек, в подавляющем большинстве русским, православного вероисповедания. В городе имелись бакалейные, хлебные, лесные лавки, винокуренный завод; дети получали образование в городских училищах, гимназиях; были открыты библиотеки и читальни, имелась городская больница, аптека [1, с. 115–121]. В отчете Царевokokшайского городского общественного управления за 1910 год отмечалось, что «купцы и некоторые мещане, а также проживающие в городе крестьяне занимаются торговлей... Некоторые... вырабатывают строевой и дровяной лес, корыта, кадки и другие кустарные изделия для сплава в Казань и низовые поволжские города... Большинство же мещан, арендуя у города землю, занимается хлебопашеством и огородничеством»¹.

Мирную, размеренную жизнь уездного Царевokokшайска разрушило сообщение о начале войны. 30 июля 1914 года состоялось 40 чрезвычайное земское собрание Царевokokшайского уезда, на котором рассматривались вопросы об оказании помощи российскому правительству в военное время. По предложению председателя Царевokokшайской управы Н. Черкасова делегатами собрания был отслужен молебен о «о даровании воинству победы над дерзновенным врагом». В церквах и соборах города прошли молебны. Горожане разделили общий патриотический подъем, свято веря, что «защищая честь и славу Родины, русский народ в могучем порыве стихийно сметет вероломного врага, дерзнувшего посягнуть на достоинство Великой России»².

¹ ГА РМЭ, Ф. 45. Оп. 1. Д. 218. Л. 98 об.

² ГА РМЭ, Ф. 18. Оп. 1. Д. 957. Л. 22.

С началом войны картины проводов в армию разрушили традиционный установившийся ритм Царевококшайска. В первые месяцы войны в действующую армию были призваны сотни жителей города, в их числе городской староста И. А. Дружинин¹ [4], врачи земской больницы И. В. Репьев², Я. Розенберг, помощник бухгалтера управы В. С. Кирпичников, земский почтарь С. К. Столяров³ и многие другие.

Все понимали, что война – это не парадный марш, а боль, кровь, слезы, смерть... Город готовился к приему раненых и увечных воинов. К октябрю 1914 года были отведены и подготовлены 75 мест в земской больнице, в арестном помещении и Богородице-Сергиевском женском монастыре⁴. В ноябре 1914 года на 41-м чрезвычайном уездном земском собрании, рассматривался вопрос о захоронении умерших воинов. Было принято решение хоронить их «на особо отведенных огороженных... участках на приходских кладбищах, с сооружением в приходских церквях и мечетях досок в ознаменование жертв отечественной войны. ...Дабы такие особые братские кладбища, обсаженные впоследствии деревьями и обнесенные решеткой, служили напоминанием последующим поколениям о жертвах Великой Европейской войны»⁵. К сожалению, в Йошкар-Оле такие памятные доски не сохранились...

В условиях войны особое значение приобретала деятельность городских властей по обеспечению нормальной жизни города, недопущению беспорядков и паники, решению вопросов хозяйственного и социального назначения. Одной из приоритетных задач городских властей было обеспечение продовольственной безопасности населения. В годы войны в несколько раз повысились цены на муку, мясо, керосин, спички. Недостаток продуктов питания и промышленных товаров приводил к усилению спекуляции. Для борьбы со спекулятивным повышением цен на предметы первой необходимости была создана Царевококшайская уездная комиссия, в ее состав вошли городской староста Н. Г. Корепов, председатель Царевококшайского общества потребителей В. К. Шалавин⁶.

Горожане, недовольные ростом цен на жизненно важные продукты и товары первой необходимости, проявляли активность в вопросах борьбы со спекулянтами: сообщали членам комиссии о том, кто и чем торгует по завышенным ценам, а члены комиссии совершали рейды в лавки торговцев, проверяли достоверность полученной информации, контролировали цены на товары в базарные дни. Среди торговцев, намеренно завышающих цены на товары и продукты первой необходимости (чаще всего упоминаются в документах сахар, соль), были как горожане, так и приезжие из различных уездов Казанской губернии. В архиве имеются документы о наказании спекулянтов, конфискации у них товара и даже заключении под стражу в арестном доме г. Царевококшайска⁷.

¹ ГА РМЭ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 987. Л. 25.

² ГА РМЭ. НСБ. Отчет Царевококшайской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства 51 очередному Царевококшайскому уездному земскому собранию. 1 июля 1915 года. С. 79.

³ ГА РМЭ, Ф. 28. Оп. 1. Д. 957. Л. 58.

⁴ ГА РМЭ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 988. Л. 39.

⁵ ГА РМЭ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 992. Д. 68.

⁶ ГА РМЭ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1067. Л. 11.

⁷ ГА РМЭ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1067.

На заседаниях уездной земской управы рассматривались вопросы о ремонте дорог и мостов в городе Царевококшайске, запрещении продажи спиртных напитков, о состоянии дел в городской больнице и увеличении жалования медицинскому персоналу, о физическом развитии учащихся начальных классов и другие¹.

Документы архива позволяют говорить о том, что и в условиях военного времени городские власти заботились о социокультурной сфере, стараясь воплотить в жизнь проекты, которые были разработаны еще в мирное время. Например, в апреле 1915 года Царевококшайская уездная земская управа решала вопрос о преобразовании реального училища в г. Царевококшайске в классическую гимназию, что дало бы возможность в дальнейшем ее выпускникам получить высшее образование.

Первая мировая война добавила в общественную жизнь и повседневность города такую проблему, как забота о непосредственных участниках военных действий, о тех, кто пострадал от этих действий. Например, из городских капиталов выделялись суммы на выдачу пособий семьям военнослужащих, мобилизованных на фронт, а семьям, оставшимся без кормильцев, оказывалась помощь в уборке урожая², их обеспечивали посевным материалом, давали во временное пользование лошадей, сельскохозяйственный инвентарь³.

Первая мировая война вызвала внутри Российской империи передвижение населения с занимаемых неприятелем местностей. Люди, отчасти добровольно, отчасти по распоряжению военных властей, покидали места постоянного проживания. По мере того, как они прибывали во внутренние районы страны, возникал вопрос об их устройстве и расселении на новых местах.

Руководителям города Царевококшайска предстояло решать сложнейшие вопросы, связанные с регистрацией, устройством и расселением беженцев. На чрезвычайном заседании Царевококшайского уездного комитета Всероссийского земского союза, состоявшемся 6 августа 1915 г., постановили «...организовать справочное бюро по приисканию занятий беженцам, бюро по приисканию квартир для беженцев, бюро по сбору пожертвований деньгами и вещами...». Для размещения беженцев были выделены помещения в Царевококшайском городском училище, церковных сторожках при Соборной, Троицкой церквях, монастырской гостинице, в доме Булыгина, Чулкова, при земской больнице. Беженцы прибывали партиями, семьями, вели за собой скот – лошадей, коров.

В телефонограмме на имя Казанского губернатора, отправленной Царевококшайской уездной земской управой 22.09.1915 сообщалось, что в город Царевококшайск «прибыло 1230 беженцев, 137 голов скота. На пути следования [еще] 1685 человек, 550 голов скота. Положение их ужасное. Голодают. Недостаток теплой одежды. Появляются заболевания... Местные средства иссякли»⁴. Корепов Николай Григорьевич, бывший в то время городским старостой, просил выделить городу «не менее 2000 рублей... на прокорм скота и беженцев и на выдачу

---

¹ ГА РМЭ. НСБ. Постановления 45 чрезвычайного Царевококшайского уездного земского собрания. 31 августа 1915 года.

² ГА РМЭ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1040. Л. 185.

³ ГА РМЭ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1025. Л. 10 об. – 11 об.

⁴ ГА РМЭ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.

им суточного довольствия»¹. Деньги выделялись, но их не хватало на удовлетворение даже самых насущных проблем беженцев. Несмотря на финансовые трудности, в городе организовывались питательные и распределительные пункты для беженцев. В 1915 году в г. Царевококшайске и прилегающих к нему окрестных волостях было размещено 5000 беженцев из Холмской, Гродненской губерний.

Большой вклад в дело устройства беженцев внесли благотворительные организации – Комитет ее императорского величества княжны Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных действий, Царевококшайский уездный комитет помощи беженцам – которые заботились о детях-сиротах, занимались выдачей пайка, организацией питательных и распределительных пунктов, регистрацией беженцев, снабжением одеждой людей, лишившихся крова. Проводили лотереи, деньги от которых поступали в пользу беженцев. Так, осенью 1915 года в г. Царевококшайске при активном участии городских властей, общественности и благотворительных организаций была проведена лотерея-аллегри. Билеты продавались по 20 коп., из пяти тысяч билетов 413 были выигрышными. Продали 3230 билетов, выручили более 600 рублей².

В отчетах Царевококшайской земской управы имеются документы об участии населения в оказании помощи беженцам, больным и раненым воинам, семьям, оставшимся без кормильцев. В Царевококшайске сбор пожертвований принимали специально уполномоченные люди – городской староста, священники городских соборов и церквей, начальники учебных заведений³. Собранные деньги они передавали в Царевококшайскую уездную управу два раза в месяц. Следует отметить, что велся очень строгий учет всех поступающих и расходующихся средств. Сохранились записки, счета, чеки, отчеты, расписки о перечислении средств в Царевококшайский комитет Красного Креста, о выдаче денег на пошив ботинок для бедных гимназисток⁴, о покупке сухеш, сухарей, черного и белого хлеба⁵, пособий на содержание сирот⁶.

В сентябре 1915 года комиссией Казанского губернского отделения Комитета ее императорского высочества Великой княгини Елисаветы Федоровны, членами которого были городской староста Н. Г. Корепов и помощник городского старосты М. П. Полубарьев, рассматривался вопрос об открытии при Царевококшайском Богородице-Сергиевском монастыре приюта-школы для детей воинов с обучением их портняжному и сапожному ремеслу. Кроме того, в связи со значительным увеличением численности горожан за счет семей беженцев принимались все возможные меры к обучению прибывших в город Царевококшайск детей школьного возраста, обеспечению их необходимыми учебниками, канцелярскими принадлежностями, обувью и питанием.

В годы войны заметно возросла социальная активность женщин, особенно в сфере благотворительности. При Царевококшайской женской гимназии в августе 1914 года был организован кружок для местных дам и учениц, которые

¹ ГА РМЭ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 7. Л. 8.

² ГА РМЭ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 3. Л. 22 об.

³ ГА РМЭ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 994. Л. 26.

⁴ ГА РМЭ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 6. Л. 291.

⁵ ГА РМЭ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 6. Л. 47.

⁶ ГА РМЭ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 6. Л. 73.

занимались изготовлением из пожертвованного холста белья для больных и раненых воинов¹. Часть изготовленных ими вещей отправлялась в Казань, а другая часть оставалась на месте, т. к. была необходима для обеспечения бельем раненых, прибывающих в Царевококшайск.

Жители города приносили холст, сорочки и кальсоны, нитки, салфетки и полотенца, продукты питания, папиросы и табак, сухари². Все собранные пожертвования доставлялись на повозках сначала в Казанское общество Красного креста, а затем отправлялись на фронт. В начале 1915 года на имя Царевококшайской земской управы и ее председателя пришла благодарность от председательницы Казанского общества Красного креста Елизаветы Николаевны Боярской за пожертвования, собранные среди населения уезда³. В марте 1915 года в Царевококшайске был организован сбор средств на строительство дома инвалидов в г. Казани⁴, регулярно проводились акции по отчислению сумм от месячного заработка работающих горожан в пользу больных и раненых воинов⁵, по сбору пожертвований в фонд детям погибших воинов⁶. Эти пожертвования совершали различные слои населения. Жители города вносили посильный вклад в работу комитетов и организаций, чья деятельность была направлена на оказание финансовой помощи действующей армии, беженцам, больным, раненым и увечным воинам.

Одной из примет военного времени явилось наличие военнопленных в городе. В Царевококшайске находились офицеры и солдаты австро-венгерской и германской армий, взятые в плен в основном в конце 1915 и начале 1916 гг. [2, с. 31]. Из ста с лишним офицеров в контингенте пленных 1916 года один имел чин майора, четверо были капитанами, девять – штабс-капитанами, и остальные – поручики, подпоручики, лейтенанты, прапорщики и кадеты⁷. Число офицеров в 2–3 раза превышало число солдат. Пленные офицеры получали довольно приличное по тем временам жалование – 50 рублей, имели право выходить в город на один час в строго определенное время⁸. В фонде «Воинский начальник Царевококшайского уезда Казанской губернии» есть именные списки военнопленных, ведомости об их числе и передвижении, сведения о гражданских специальностях. Так, в мае 1916 года в городе Царевококшайске содержались сто пленных офицеров, до войны работавших учителями, инженерами, юристами, врачами, были журналисты, геолог, бухгалтер, нотариусы⁹.

Из истории пребывания военнопленных австро-венгерской и германской армий в Царевококшайском уезде Казанской губернии

20 июля 1914 года император Николай II подписал Высочайший манифест об объявлении военных действий между Россией и Германией, Российская империя вступила в Первую мировую войну. Война резко изменила привычный уклад

¹ ГА РМЭ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 6. Л. 9.

² ГА РМЭ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 6. Л. 75–77.

³ ГА РМЭ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 994. Л. 161.

⁴ ГА РМЭ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 440. Л. 17–18.

⁵ ГА РМЭ. Ф. 98. Оп. 1. Д. 238.

⁶ ГА РМЭ. Ф. 98. Оп. 1. Д. 338.

⁷ ГА РМЭ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 137а. Л. 68.

⁸ ГА РМЭ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 139. Л. 8–8 об.

⁹ ГА РМЭ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 137а. Л. 135.

жизни людей. Многие семьи лишились кормильцев, в центральные районы страны хлынул поток беженцев с окраинных территорий, разоренных войной. Одним из аспектов военного времени была проблема размещения военнопленных неприятельских армий на территории Российской империи.

В октябре 1914 года было утверждено «Положение о военнопленных», в котором рассматривались вопросы надзора и содержания, довольствия и т. д. С военнопленными, как с «законными защитниками своего Отечества», надлежало «обращаться человеколюбиво», они имели право исполнять свои религиозные обряды, имущество пленных (за исключением лошадей и оружия) считалось неприкосновенным¹.

На территории Царевококшайского уезда Казанской губернии также находились пленные воины германской и австро-венгерской армий. Информация об их размещении также содержится в документах, хранящихся в Государственном архиве Республики Марий Эл. В фонде «Воинский начальник Царевококшайского уезда Казанской губернии» имеются сведения о зачислении военнопленных на денежное довольствие, получении почтовых переводов на имя пленных и выдаче им денежных средств, направлении на лечение в земскую больницу и другое.

Прибытие военнопленных в г. Царевококшайск ожидалось в январе 1915 года, однако вплоть до октября уездный воинский начальник отчитывался в губернский центр об отсутствии пленных, за исключением австрийца Альберта Дорой, который состоял под следствием и в марте был переправлен в г. Казань, и Рудольфа Раика из команды военнопленных, следующих в г. Яранск, который заболел в пути и находился в Царевококшайской земской больнице².

Первая партия военнопленных в количестве 21 человека прибыла в г. Царевококшайск в октябре 1915 года. Это были офицеры и прапорщики австро-венгерской армии – Карл Штарк, Адольберт Ласло, Александр Айзенберг, Карл Арнульд и другие³. В Царевококшайск была направлена телеграмма командующего войсками Казанского военного округа о содержании пленных. Офицеров предлагалось размещать «без особой роскоши», но с предоставлением всего необходимого, в течение одного часа в сопровождении конвоя им разрешалась прогулка по улицам, где было меньше народа, общение с посторонними лицами воспрещалось. О строгости соблюдения последнего пункта говорит тот факт, что в марте 1916 года военнопленный Александр Барто был арестован на 7 суток за разговор с немкой, а солдат, «окарауливающий пленных», получил 10 суток ареста⁴.

По данным на январь 1916 года пленные офицеры были размещены в двух домах: доме Корепова в Воздвиженской слободке и доме Чернова на Кирпичной улице (территория современной Красноармейской слободы и ул. Коммунистической). Нижние чины размещались в доме Лебедева на Кирпичной улице, там же была открыта мастерская для изготовления и починки обуви и белья, в которой работали пленные.

---

¹ Собрание узаконений и распоряжений Правительства. 1914. № 281. Ст. 2568. Из фонда НСБ ГА РМЭ.

² ГА РМЭ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 128. Л. 5, 35, 61, 74, 80, 322, 323.

³ ГА РМЭ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 132. Л. 273 об. – 274.

⁴ ГА РМЭ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 128. Л. 318–318 об.; ГА РМЭ. Ф-79. Оп. 1. Д. 139. Л. 66.

В информации уездного воинского начальника особо отмечалось, что «все три дома теплые, сухие и вполне соответствуют своему назначению». Владельцы домов получали денежные средства «за расквартирование пленных» по согласованию с Городской управой. Офицеры были размещены с относительным комфортом – каждый имел кровать с собственной постелью и тюфяком, в помещении находилась вся необходимая обстановка: вешалки, умывальники, столы, табуреты. Нижние чины спали на нарах, у каждого был свой соломенный тюфяк и подушка. В течение одного часа в сутки была разрешена прогулка, раз в неделю – посещение бани. Кроме того, пленные офицеры получали ежемесячно по 50 рублей, нижние чины довольствовались «ежедневно горячей пищею»¹. Денежная сумма, выдаваемая офицерам, может считаться достаточной при сравнении с жалованием некоторых должностных лиц Царевококшайского земства. Например, в октябре 1915 года помощник провизора земской аптеки Рапопорт получал 32 рубля 6 копеек, фельдшер Царевококшайской больницы Никитин – 36 рублей 28 копеек, т. е. даже меньше, чем предназначалось пленным². Помимо денежного содержания, военнопленные имели право получать переводы из дома. Если судить по документам, денежные средства стали поступать практически сразу же после прибытия первой партии пленных в Царевококшайск. В частности, в приказах воинского начальника за январь 1916 года имеются сведения о выдаче 50 рублей поручику Адольберту Ласло, 59 рублей – поручику Раймонду Камерле и др.³.

В феврале 1916 года в Царевококшайск прибыла следующая крупная партия военнопленных. Среди них был 61 подданный Австро-Венгрии и 5 подданных Германской империи: поручики, лейтенанты, прапорщики, кадеты, 1 майор⁴.

В документах имеются сведения о специальностях военнопленных, проживавших в Царевококшайске. По данным на май 1916 года, среди пленных, которых к тому времени насчитывалось свыше ста человек, было 10 учителей, 9 профессоров, 7 юристов, 1 инженер, 5 электротехников, 8 сапожников, 3 слесаря, 1 плотник и другие⁵.

В июне 1916 года были утверждены «Правила содержания военнопленных офицеров» и «Правила содержания военнопленных нижних чинов» в пунктах водворения Казанского военного округа. Для офицеров был установлен следующий распорядок дня: в 8 утра подъем, затем завтрак, с половины десятого – время для прогулок и «допущенных занятий» обед между 12 и 2 часами дня, потом снова «дозволенные занятия», между 6 и 8 часами – ужин, в 8 часов – проверка, отбой в половине десятого вечера. Распорядок дня нижних чинов четко не регламентировался, а устанавливался начальником «пункта водворения» в зависимости от привлечения пленных к работам. Особое внимание обращалось на питание. «Никакой экономии от довольствия военнопленных нижних чинов не должно быть ни в каком случае. Если каким-либо образом образовался излишек денег, таковой расходовать на улучшение пищи военнопленных... Строго следить, за тем, чтобы

¹ ГА РМЭ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 139. Л. 8–8 об.

² ГА РМЭ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1050. Л. 54, 74.

³ ГА РМЭ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 139. Л. 16, 17–17 об.

⁴ ГА РМЭ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 139. Л. 34–34 об.

⁵ ГА РМЭ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 137а. Л. 39.

все доставляемые для пленных продукты были свежи и клались в котел полностью», – говорилось в Правилах¹.

Следует отметить, что документы о содержании и размещении пленных в Царевококшайске относятся в основном к 1915–1916 годам. Сведений за 1917 год практически нет. Следующие данные относятся только к 1918 году. Материалы содержатся в фонде «Краснококшайский уездный Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Казанской губернии и его исполнительный комитет». В фонде представлены сведения о количестве пленных, их заявления о перемене места жительства, корреспонденция на немецком языке.

Примечательно, что на общем собрании Царевококшайского уездного совета солдатских и крестьянских депутатов 30 января 1918 года присутствовал представитель от военнопленных, проживавших в городе (фамилия не указана). В духе времени он выступил с речью, в которой приветствовал Октябрьскую революцию, отметил «благодетельную деятельность» Совета депутатов, в связи с чем, по его словам, «тяжелое положение [военнопленных] сделалось выносимым»². Однако документы показывают, что положение пленных не улучшалось, а скорее наоборот, стало сложнее. Уже в 1918 году они подавали заявления о перемене места жительства в связи с невозможностью заработать на пропитание, а 50 рублей жалования в условиях роста цен и дороговизны уже не могли обеспечить достойных условий проживания³.

По данным на март 1918 года, в Царевококшайске находились 77 пленных офицеров, 28 нижних чинов, из них только 2 германской армии⁴.

В сентябре 1918 года была образована Царевококшайская уездная коллегия о пленных и беженцах, которая произвела учет «бывших вражеских военных и гражданских пленных»: всего по данным коллегии за период Первой мировой войны в уезде находилось 222 военнопленных австро-венгерской и германской армий⁵.

Документы архива Республики Марий Эл, отражающие события Первой мировой войны, разнообразны по форме и содержанию, они представляют интерес как исторический источник и как свидетельство настоящей человеческой трагедии, затронувшей огромное количество людей. Жителям уездного города Царевококшайска удавалось решать насущные жизненные проблемы, вызванные условиями военного времени и в целом справляться с трудностями.

Следует отметить, что все вышеназванные материалы – лишь небольшая часть документов, рассказывающих о жизни уездного города Царевококшайска в годы Первой мировой войны. Каждая из затронутых тем вполне может стать самостоятельной темой исследования и заслуживает глубокого, детального изучения.

---

¹ ГА РМЭ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 138. Л. 185 об., 193, 195 об.

² ГА РМЭ. Р-275. Оп. 1. Д. 51. Л. 2 об – 3.

³ ГА РМЭ. Р-275. Оп. 1. Д. 42. Л. 21, 57, 79.

⁴ ГА РМЭ. Р-275. Оп. 1. Д. 42. Л. 41.

⁵ ГА РМЭ. Р-275. Оп. 1. Д. 122. Л. 9.

Библиография

1. Йошкар-Оле 420 лет. (1584–2004). Документы и материалы по истории города. Йошкар-Ола, 2004.
2. *Кириллов Г. И.* Австро-германские военнопленные в уездном Царевококшайске (1915–1918 гг.) // Марийский археографический вестник. 1995. № 5.

N.A. Lukinysh
E. A. Popova

TSAREVOKOKSHAISK COUNTY IN THE FIRST WORLD WAR (ACCORDING TO THE STATE ARCHIVES MARI EL REPUBLIC)

The article presents the rare materials from the State Archives of the Republic of Mari El, which allow the reconstruction of some aspects of the life of citizens during the war.

Keywords: Tsarevokokshaisk, First World War, the Zemstvo, refugees, prisoners.

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

Н. Л. Пушкарёва

МАТЕРИНСТВО КАК СОЦИОБИОЛОГИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ: ПСИХОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ

В статье рассмотрен феномен материнства в современных философских, социологических, психоаналитических концепциях. Рассматривая материнство как социобиологическое явление, автор подчеркивает значимость подобного рода исследований для историков при изучении общественных умонастроений, рассмотрении материнства не только как социального феномена, но и в качестве идеологемы с учетом эволюции общественного сознания и культуры.

Ключевые слова: материнство, феминизм, психоанализ, биологический детерминизм, эссенциализм, социальный конструктивизм, гендерная концепция, материнская идентичность.

В современных философских, социологических, психоаналитических концепциях материнство – одна из любимых и, можно сказать, модных тем. Однако она стала таковой сравнительно недавно, в последние три десятилетия. История смены представлений о том, как и в каком направлении следует изучать такой, казалось бы, исследованный и «естественный» для каждого феномен, как материнство, показательна: она отражает не только процесс вытеснения одних научных парадигм другими, но и «востребованность» тех или иных концепций в зависимости от изменений социального и политического контекста.

1. Господство биологического детерминизма и эссенциализма

Материнство привлекло внимание исследователей в связи со взрывом интереса к фрейдистским интерпретациям детства и психоаналитическому анализу детских переживаний. Дискуссиями об этом были отмечены 20-е годы прошлого столетия. Психоанализ дал исследователям язык¹, на котором стали общаться многие изучающие семейные отношения, однако сама мать (и, следовательно, материнство) интересовали психоаналитиков лишь постольку, постольку родившая и воспитывающая ребенка женщина находилась до поры до времени в неразрывной связи с ним. Психоаналитики довоенного времени не ставили задачи

---

¹ По поводу языка психоаналитиков, исследовавших материнство, ироничная Юлия Кристева замечала в одной из своих статей, названных «Острый вопрос», что они не продвинулись далее определения материнства через такие категории, как «недомогание, бессонница, ярость, радость, желание, страдание и счастье». См.: Kristeva J. Stabat Mater // Suleiman S. R. (ed.) The Female Body in Western Culture. Cambridge, 1986. P. 112–113.

проблематизировать две основные стадии в материнстве, кардинально различные именно с психологической точки зрения, а также с точки зрения включенности женщины в социальную жизнь: стадию вынашивания и рождения ребенка и стадию его воспитания, не заинтересовались особенностями становления матери-личности, развитием ее эмоционального мира¹. Практически вся психологическая, да и философская литература первой половины нашего столетия основывалась на принципах *биологического детерминизма*, то есть рассматривала пол (половое поведение, психологию пола и т. п.) в качестве производного от биологического строения.

Тем не менее женщины-психоаналитики 30-х гг. – А. Фрейд и Х. Дойч – первыми поставили ряд проблем, имеющих значение для понимания процессов социализации в разные исторические эпохи. Особо стоит выделить Х. Дойч с ее теорией трех стадий развития отношений между дочерью и матерью: «любовь» в раннем детстве – «ненависть» в подростковом и раннем юношеском возрасте – «привязанность» в период взрослой жизни, которая – по мнению Х. Дойч – всегда бывает гиперкомпенсацией чувства ненависти, испытанного ранее².

Западная психологическая литература послевоенного времени, а особенно 1960–1970-х гг., была отмечена попытками пересмотреть всю старую эпистемологию (теорию познания) и восполнить ряд пробелов. Неслучайно именно в это время появилась тенденция рассматривать материнство как такой аспект в частной жизни женщины, который не обязательно превалировал, но мог быть равнозначным с другими ее сферами (дружбой, влюбленностью и любовью, переживанием одиночества и т. д.)³.

Весьма существенным поворотом в психологических толкованиях феномена материнства стало изучение периода родов как лиминального (переломного и «травматического») в женской психике, психологические исследования менструирующих женщин как переживающих «ложные роды», а также сопоставительный анализ душевного состояния некормивших женщин, кормящих матерей и женщин, помнящих свои ощущения в период лактации⁴. Те же годы были отмечены пристальным вниманием не только к материнско-сыновым (окрашенным, по Фрейду, эдиповым комплексом), но и к материнско-дочерним отношениям, особенно ранним, которые принято относить к так называемым «доэдипальным», предваряющим развитие эдипова комплекса у детей⁵. Концептуально новыми

---

¹ Самая резкая критика психоаналитической концепции материнства изложена Моникой Плаза: Plaza M. *The Mother / The Same. Hatred of the Mother in Psychoanalysis // Feminist Issues*. 1982. Spring. №. 2. P. 75–100; см. также: Ruddick S. *Maternal Thinking: Toward a Politics of Peace*. Boston, 1989.

² Deutsch H. *Psychologie der Frau*. Bd. 1. Eschborn, 1944. S. 321.

³ Обзор психологической литературы 1960–1980-х гг. см.: Boulton M. G. *On Being Mother: A Study of Women With Pre-School Children*. L., 1983. P. 3–18.

⁴ Newton M., Newton N. *Psychologic Aspects of Lactation // Bardwick J. M. (ed.) Readings on the Psychology of Women*. New Jersey, 1972. P. 277–284; Oakley A. *Becoming a Mother*. Oxford, 1979 и др. См. подробнее обзор работ по этой теме: Chodorow N. *The Reproduction of Mothering. Psychoanalysis and Sociology of Gender*. Berkley-LA., 1978. P. 222 (сноски 7–8).

⁵ Подробнее о доэдипальном периоде и отношениях дочери и матери см.: Hirsh M. *The Mother / Daughter Plot: Narrative, Psychoanalysis, Feminism*. Bloomington, 1989; Rohde-Dachser C. *Expedition in den dunklen Kontinent: Weiblichkeit im Diskurs der Psychoanalyse*. B.-Heidelberg; N. Y., 1991.

в среде психологов были признаны также работы ряда американских социологов (М. М. Джонсон, Л. Р. Форсей, Л. Блам): все они концентрировали внимание на динамике эволюции отношений в «неразрывной паре» («диаде», «фрейме») *мать-и-дитя* с точки зрения конструирования образа «сильной матери», влияния этого образа на направление и особенности социализации ребенка, на социальную группу и, в конечном счете, на общество в целом¹.

Общим базисом буквально всех западных психоаналитических концепций (в России негласный запрет на поиск позитивного в трудах З. Фрейда вообще практически исключил теоретические поиски в этом направлении) был биологический детерминизм, который феминистские философы назвали позже эссенциализмом (от англ. *essential* – неперенный, обязательно существующий): все толкователи материнства и проблем пола вообще разделяли тогда представление об имманентности деления всего живого на два пола (как в библейском мифе о Ноевом ковчеге) и имманентной же связанности проблем материнства с проблемами женской (и прежде всего женской!) психики, системы ценностей, повседневной жизни и т. п.². Особенно это чувствовалось в работах, написанных мужчинами о женщинах и «женскости» проблемы материнства³.

60–70-е годы были отмечены, в частности, сравнительно широким научным обсуждением вопроса об извечности и безусловной присущности женщинам «материнского инстинкта». Среди участников дискуссий были авторы, убежденные, что пресловутый «инстинкт» в той или иной форме реализуется и проявляется и у нерожавших, бездетных и т. п. женщин, оказавшись обращенным на так называемых «иных близких» (не детей)⁴. Иные специалисты основывались на функционалистских и рационалистских посылах («женщина острее чувствует необходимость продолжения рода и защиты потомства», «она искони более ориентирована на ответственность и на одного партнера-отца ребенка, а мужчина –

---

¹ Johnson M. M. Strong Mothers – Weak Wives. Berkeley-LA, 1988; Forcey L. R. Mothers of Sons: Toward an Understanding of Responsibility. N. Y., 1987; Blum L. Mothers, Babies, Breastfeeding. The Shifting Context of Feminist Theory // Feminist Studies. 1993. V. 19 (Spring).

² См., например: Benedek T. Psychoanalytic Implications of the Primary Unit, Mother-Child // American Journal of Orthopsychiatry. 1949. V. 19. № 4. P. 642–654; Benedek T. Psycho biological Aspekts of Mothering // American Journal of Orthop sychiatry. 1956. V. 26. P. 272–278; Kestenber J. On the Development of the Maternal Feelings in Early Childhood: Observation and Reflections // Psychoanalytic Study of the Child. 1956. V. 11. P. 257–291; Balint A. Love for Mother and Mother Love // Balint M. (ed.) Primary Love and Psycho-Analytic Technique. New York, 1965. P. 91–108; Birlingham D. Empath Between Infant and Mother // Journal of American Psychoanaliti Association. 1967. V. 15. P. 764–780; Deutch H. The Psychology of Woman in Relation to the Functions of Reproduction // Fliess R. (ed.) The Psychoanalytic Reader: an Anthology of Essential Papers with Critical Introductions. N. Y., 1969. P. 165–179; Hammer S. Daughters and Mothers, Mothers and Daughters. N. Y., 1975 etc.

³ Polatnick M. Why Men Don't Rear Children: A Power Analysis // Berkley Journal of Sociology / 1973. V. 18. P. 45–86.

⁴ Benedek T. Parenthood as a Developmental Phase: A Contribution for the Libido-Theory // Jouranal of the American Psychoanalytic Association. 1959. V. 7. № 3. P. 394; Balint M. Contribution to the Symposium on the Theory of the Parent-Infant Relationship // Balint M. (ed.) Primary Love and Psychoanalytic Technique. L., 1961. P. 147 etc. Критику идеи о наличии психологического субстрата в поведении женщины-будущей матери см.: D'Andrade R. Sex Differences and Cultural Institutions // Maccoby E. E. (ed.) The Development of Sex Differences. Stanford, 1966. P. 173–204.

на пребывание «вне дома», на смену партнерш» и т. д.)¹. Третьих же, находившихся в поиске некоего «биологического субстрата материнского поведения», заносило в этих исканиях в области, весьма далекие от социальных (скажем, психоаналитик Ю. Кестенберг пыталась доказать высокую степень корреляции между сексуальной удовлетворенностью женщины своим партнером и ее способностью быть хорошей матерью²). Были даже попытки доказать, что материнский инстинкт закладывается на «хромосомном уровне», когда в утробе женщины формируется именно девочка – потенциальная мать³.

Разумеется, в биологическом детерминизме (не доведенном, конечно, до абсурда, а в концепции как таковой) можно найти основы многих современных теорий и базирующихся на них путей выхода из тех или иных кризисных ситуаций. Биологические детерминисты – и были, и остаются, как правило, – жесткими традиционалистами. Поэтому именно они стали авторами и горячими сторонниками так называемой «алармистской» (от франц. *alarme* – тревога) концепции семьи, первыми среди социологов заговорили об утрате важнейших ценностей, цементирующих семейные отношения и призвали заняться направленным сохранением всего достойного и значимого в семейных традициях и обычаях предков. Те из традиций, которые связаны с материнством, принадлежали, с их точки зрения, к первому ряду, то есть были приоритетными и самыми значимыми⁴.

2. Марксистско-феминистское направление 1970–1980-х годов

Изложенные выше взгляды сторонников психоаналитических и просто психологических концепций не исчерпывали многообразия подходов и толкований материнства в разные исторические периоды. Теоретические подходы М. Вебера, Х. Спенсера и в особенности К. Маркса к изложению истории еще были очень и очень популярны, а марксистская парадигма в целом еще не была дискредитирована политическими событиями. Поэтому в западной социологической литературе 70–80-х годов появлялись нередко весьма серьезные по детальности разработки и марксистские по духу интерпретации социально-экономических аспектов материнства.

Поскольку для марксистов одним из важнейших вопросов всегда оставался вопрос о разделении труда, постольку феминистки марксистской ориентации подчеркивали значимость материнской функции именно в этом аспекте, ставшей – по их мнению – одной из основ социального неравенства (Х. Хартмэнд, Э. Фергассон и др.). Любопытно, что именно феминистки-этнологи марксистской ориентации, интересовавшиеся ходом процесса разделения труда, первыми отметили

---

¹ *Newton N. Maternal Emotions: a Study of Women's Feelings, Hregnancy, Childbirth, Breast Feeding, Infant Care and Other Aspects of Their Femininity. New York, 1955.*

² *Kestenberg J. S. On the Development of Maternal Feelings in Early Childhood: Observations and Reflections // Psychoanalytic Study of the Child. 1956. V. 11. P. 289.* Ср. аналогичную точку зрения в работе: *Newton N. Interrelationships Between Sexual Responsiveness, Birth, and Breast Feeding // Zubin J. (ed.) Contemoirary Sexual Behavior. Baltimore, 1973.*

³ См., например, одну из подобных концепций биогенетиков: *Ehrhardt A. Maternalism im Fetal Hormonal and Related Syndromes // Zubin J. and others. Contemporary Sexual Behaviour: Critical Issues in the 1970's. Baltimore, 1973.*

⁴ См. об алармистской концепции семьи: Здравомыслова О., Арутюнян М. Российская семья на европейском фоне. По материалам международного социологического исследования. М., 1998. С. 4.

факт особенного участия в «вынянчивании» малышей не столько их биологических матерей, сколько детей, подростков и стариков в семьях и общинах¹. Однако эти исследователи ограничились констатацией данного явления и не развили его до критики якобы от века существующего «природного предназначения» женщины. Напротив (и парадоксально), они выводили свои заключения из тезиса о «доисторическом» (существовавшем в первобытных обществах) разделении труда², при котором мужчины охотились, а женщины занимались детьми.

Не скрывавшие своих марксистские пристрастий, эти исследователи говорили и о другом – прежде всего, о неоплаченном (и следовательно, социально неравном) женском труде в семье, «который редкий из экономистов соглашается считать трудом производительным»³. Именно в семье – вслед за Ф. Энгельсом – они искали истоки социального угнетения, именно семью считали «главным посредником» в создании неравноправного статуса женщины. Таким образом, марксистско-феминистские исследования закрыли те «белые пятна» в философском толковании и истории материнства, проанализировали такие его стороны, которые постоянно ускользали от внимания, например, психологов-теоретиков иной политической ориентации.

Несмотря на «революционный подтекст», то есть стремление доказать сомневающимся необходимость перемен социального статуса женщины, марксистская концепция материнства была сверхэссенциалистской: материнство рассматривалось в ней как социально, психологически и биологически предопределенная «природная функция» женщины, без которой невозможно воспроизводство индивидов. Но как воспроизводились стереотипы феминности, что они собой представляли и какое место занимали в них представления о содержании материнства – такие вопросы марксистами и их сторонниками не ставились. «В самом акте материнства женщине навязываются существующие ценности. Рационалисты-марксисты всегда (хотя и тщетно) пытались пренебречь этим драматическим аспектом истории полов», – так резюмировала положение классик феминизма ХХ в. Симона де Бовуар⁴.

3. Структурализм 60-х гг.: новые представления о материнстве как социальном конструкте и их осмысление феминистками

Главнейшим достижением западной философии и социологии 60-х гг., позволившими «оторваться» от биологического детерминизма начала века, были

---

¹ Подробнее см.: *Lankaster J. B. Sex Roles in Primate Societies // Teitelbaum M. S. Sex Differences. N. Y., 1976. P. 47.*

² Этот тезис попал и в работы социологов отнюдь не марксистской ориентации, разделявших, однако, эссенциалистские взгляды: «Sexual division of labor – because it was been essential (выделено мною – *Н. П.*) – has become buildt into human physiology...» (*Rossi A. A Biosocial Perspective on Parenting // Daedalus. 1977. V. 106. № 2. P. 3.*)

³ *Hartman H. Capitalism, Patriarchy, and Job Segregation by Sex // Signs. 1976. V. 1(3). P. 2. P. 137–169.* С марксистской концепцией «неоплаченного труда» как постоянной составляющей труда вообще (в данном случае таким трудом виделся материнский труд) оказались согласны многие феминистки. См.: *Oakley A. The Sociology of Housework. Oxford, 1974; Ruddick S. Maternal Thinking: Toward a Politics of Peace. Boston, 1989; Fergusson A. Blood at the Root: Motherhood, Sexuality and Male Dominance. London, 1989.*

⁴ *Beauvoir S. de. The Second Sex. London, 1953. P. 84.*

теории социального детерминизма и социального конструирования К. Мангейма, П. Бергера и Т. Лукмана¹. Их основной тезис сводится к тому, что окружающий нас мир скорее (и в большей степени) «сконструирован» людьми, нежели предопределен природой. Господствующий в послевоенной американской социологии 1960-х годов структурно-функциональный анализ Т. Парсонса позволил представить общество как жесткую конструкцию, в которой женщина считалась ответственной за экспрессивную функцию, а мужчина – за инструментальную². Легко догадаться, что этот постулат не соответствовал знаниям и опыту женщин. Однако феминистки многое позаимствовали из самой концепции «социального конструирования» и немало преуспели в развитии парсоновских идей.

Знаменитый тезис Симоны де Бовуар «Женщиной не рождаются, женщиной становятся», высказанный в прошлом столетии, стал символом веры социального конструктивизма в феминистской философии. Статус женщины и кажущееся естественным различие между мужским и женским, заявили «социальные конструкторы», не имеет биологического происхождения. Он – лишь способ интерпретации биологического, закрепленный писанными и неписанными законами общества³.

К числу разнообразных публикаций, связанных с философскими аспектами феномена материнства и основанных на этих новых «конструктивистских» веяниях, должны быть причислены в первую очередь работы американских социологов и философов. Их место и значимость в общей «эпистемологии материнства» в том, что они были созданы женщинами (и, как правило, матерями!) – учеными. Это значит, что их авторы обладали раздвоенным самосознанием (идентичностью), с возможностью ощутить и осмыслить соответствие или несоответствие их конкретного опыта и абстрактной научной деятельности. Кроме того, как неизменно подчеркивают феминистки, как «знание угнетенного всегда глубже и точнее знания угнетающего», так и исследования материнства, написанные женщинами-матерями априори являются более репрезентативными⁴. По мнению одной из американских философов-феминисток, Дж. Флэкс, рациональный ум мужчины не в состоянии понять опыт женщин, связанный с детьми. Он познается, писала она, только «через включение эмоционального опыта – опыта отношений заботы, сострадания», а у большинства мужчин-исследователей «он [якобы! – Н. П.] недостаточен»⁵.

---

¹ Русские переводы основополагающих работ западных социологов вышли лишь двадцать пять лет спустя: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995; Мангейм К. Идеология и утопия. М., 1994.

² Parsons, T. and R. F. Bales. Family, Socialization and Interaction Process. New York: Free Press, 1965.

³ Tuttle, Lisa. Encyclopedia of Feminism. Arrow Books, 1986. P. 305.

⁴ Hartsock N. The Feminist Standpoint: Developing the Ground for a Specifically Feminist Historical Materialism // Harding S. (ed.). Feminism and Methodology. Ann Arbor, 1987. P. 157–181.

⁵ Flax J. Political Philosophy and the Patriarchal Unconscious: A psychoanalytic Perspective on Epistemology and Metaphysics // Harding S., Hintikka M. (eds.). Discovering Reality: Feminist Perspectives on Epistemology, Metaphysics, Methodology and Philosophy of Science. Dordrecht, 1983).

Едва ли не самое известное из исследований, написанных с позиций социального конструктивизма принадлежит перу Андриенны Рич¹. Ее книга «Рожденная женщиной» с подзаголовком «Материнство как опыт и социальный институт» произвела настоящий переворот в научной литературе середины 1970-х гг., поскольку была яркой попыткой свободного соединения философии и выписок из статистических и литературных источников, личных переживаний, свидетельств «референтных групп», коими выступали подруги и приятельницы автора книги. Целью подобного соединения был разносторонний анализ материнства как *социального* феномена. Феминистская позиция А. Рич нашла явственное выражение в выводах ее исследования: в отличие от биологических детерминистов, искавших тесные связи между потенциальным материнством и сексуальностью, А. Рич поставила во главу угла детерминизм общественный. Характер материнства, содержательность отношений родительницы и ребенка определялись во все времена, полагала А. Рич, не некой «женской природой» или «женским предназначением», а сложно конструируемыми общественными ожиданиями. Поэтому в книге А. Рич явственно звучал протест против социального подчинения женщины, осуществляемого через законодательное ограничение женского права на аборт², через монополизм мужских взглядов в научном мире (в том числе в гинекологическом). А. Рич уверенно доказывала, что принцип равных прав еще не означает равенства возможностей и показывала, как «тают» перспективы самореализации женщин в бизнесе, науке, государственной деятельности из-за необходимости нести основное бремя воспитания детей в семье (к ним А. Рич относила и пропаганду образа неработающей многодетной матери).

Современницей и соотечественницей А. Рич – другой известнейшей феминисткой, Нэнси Чодоров – также был написан ряд трудов по философии и социологии материнства³. В ставшей (за 20 лет) классической книге Н. Чодоров «Воспроизведение материнства»⁴ было убедительно доказано, что содержание тех или иных отношений между матерью и ребенком, как и самооценка матерью собственных действий, формируются за счет «внешнего мира» в куда большей степени, чем за счет заложенного биологически или психологически, хотя само материнство, полагала Н. Чодоров, – явление биосоциальное. Если З. Фрейд полагал, что «анатомия – это судьба», что пол человека – производное от его анатомического строения, то Н. Чодоров и феминистки конца столетия (откликнувшиеся в известном смысле на достижения медицины в области транссексуализма и на социальную легализацию трансвестизма) отвергли эту «очевидность».

---

¹ Rich A. *Of Woman Born: Motherhood as Experience and Institution*. N. Y., 1976; Lerner G. *Motherhood in Historical Perspective* // *Journal of Family History*. 1978. V. 3. P. 297–301.

² Одновременно с книгой А. Рич вышло исследование Л. Гордон, в котором история контроля над рождаемостью тоже – впервые в мировой историографии – была проанализирована с позиции ущемления прав женщины. Можно предположить, что идея эта буквально витала тогда в феминистских кругах. См.: Gordon L. *Woman's Body, Woman's Right*. N. Y., 1976.

³ См., например: Chodorow N. *Family Structure and Feminine Personality* // Rosaldo M. Z., Lamphere L. (eds.) *Woman, Culture and Society*. Stanford, 1974; idem. *The Reproduction of Mothering. Psychoanalysis and Sociology of Gender*. Berkley-LA., 1978.

⁴ Chodorow N. *Reproducing of Mothering. Psychoanalysis and the Sociology of Gender*. Berkley-LA-London, 1978.

Пол, подчеркивала Н. Чодоров, – это, действительно, биологическая данность, константа, но все с ним связанное – это приписанный (аскриптивный) статус. Таким образом, социальные проявления половой принадлежности выступали в ее исследовании как *достижимые*, конструируемые психологическими, культурными и социальными средствами. Досконально проанализировав современную психоаналитическую, медицинскую и, разумеется, философскую и социологическую литературу, Н. Чодоров отвергла саму мысль о существовании какого-то «материнского инстинкта» и попыталась показать механизмы репродукции привычек и стереотипов сознания, касающихся матерей и материнства, в семье нуклеарного типа. Она вступила в полемику с одной из своих коллег – Джулиэт Митчел (автором книги «Психоанализ и феминизм»)¹, доказывая, что материнско-детские отношения социальны от начала и до конца, что в них нет никаких «предсоциальных» элементов, как нет никакой «асимметрии» в базисе отношений мать/дитя и отец/дитя (Дж. Митчел склонялась-таки, что первоначально мать для ребенка является чем-то «досоциальным», отец – с самого начала олицетворяет и репрезентирует общество и культуру). Но «женщины становятся матерями, потому что их воспитывают матери в этом направлении, а мужчины – воспитанные также матерями – чаще всего теряют или сильно уменьшают (редуцируют) свою родительскую функцию, потому что в этом заинтересовано общество», – заключала Н. Чодоров².

Таким образом, материнство в концепции социальных конструктивистов представило как биосоциальный феномен, в котором социальная часть – безусловно – сильнее биологической³. Благодаря такому подходу в определении понятия «материнство» появилось важное добавление. Если биологические детерминисты и традиционная наука, говоря о материнстве, имели в виду лишь отношения матери и рожденного (или воспитываемого) ею ребенка, то в 70-е годы под определение «материнских» попали и «идеологически оформленные чувства или моральное отношение женщины к другому человеку или целому миру»⁴.

Проблемное поле «материнства», таким образом, необычайно расширилось. Не удивительно, что в 80-е годы (по крайней мере в современной германской феминистской философии) были отмечены своеобразным «ренессансом» бахофеновских теорий столетней давности (о матриархате и скрытых формах власти женщин)⁵.

4. Материнство и гендерная концепция

---

¹ *Mitchel J. Psychoanalysis and Feminism*. N. Y., 1974.

² *Chodorow N.* Op. cit. P. 211.

³ *Rossi A.* A Biosocial Perspective on Parenting // *Daedalus*. 1977. V. 106. N 2. P. 1–31.

⁴ Одно из ранних определений такого рода см.: *Wahrig G.* Mutterlichkeit // *Deutsches Woerterbuch*. Guterloh-B., 1972. Развернутую полемику по поводу расширительного толкования термина «материнство» см.: *Kliwer A.* Geistesfrucht und Liebesfrucht. Bamberg, 1993. S. 3–4.

⁵ *Distler S.* Muetter, Amazonen und dreifaeltige Goettinnen. Eine psychologische Analyse des feministischen Matriarchatmythos. Wien, 1989. Феминистские увлечения Бахофеном резко критиковались мужчинами-философами: *Wesel U.* Der Mythos vom Matriarchat. Uber Bachofens Matteredrecht und die Stellung von Frauen in fruhen Gesellschaften. Frankfurt, 1980; *Zinser H.* Der Mythos vom Mutterrecht / Frankfurt-B. – Wien, 1981.

Новый подход к оценке материнства и вообще в отношении к полу означал приверженность Н. Чодоров и ее коллег концепции социального конструктивизма, которая – как мы видим – дополнила и развила гипотезы социальных детерминистов. С каждой новой публикацией «социальные конструктивисты» все более решительно доказывали, что всегда и везде мир вокруг индивида «конструировался» не природой, а людьми, которые и моделировали соответствующие своей эпохе, религии и культуре отношения, в том числе и половые, и материнские. Конечным продуктом размышлений социальных конструктивисток стала созданная ими новая теория социополовых отношений. Ее именуют гендерной, поскольку ее базовым понятием является понятие, введенное психоаналитиком Р. Столлером еще в начале 60-х, – понятие *гендера* (Р. Столлер разумел под ним «пол в социальном контексте»)¹. Ныне термин «гендер» понимается, как известно, расширенно – как система межличностного взаимодействия, посредством которого создается, утверждается, подтверждается и воспроизводится представление о мужском и женском как базовых категориях социального порядка². Едва ли не ведущая роль в становлении гендерной концепции принадлежала американской феминистке Гейл Рабин³, чьи исследования по «политической экономии пола» стали теоретической опорой для целого поколения социологов, философов, психологов и историков⁴.

Уже в своих ранних работах Г. Рабин подчеркивала, что гендерная система – это не только «социальный и сексуальный аспект отношений между партнерами», но и «особость отношений брачных партнеров/супругов к детям», это «концепции материнства, детства и, так сказать, результат их бытования, социальный продукт» со всеми его уверенностями и предубеждениями⁵.

Сторонники гендерной концепции исключили толкование материнства как биологического феномена, поставили знак вопроса рядом с определением «био-социальный» и призвали всех своих сторонников доказать на конкретных фактах, что материнство – как, между прочим, и отцовство – феномен *только и безусловно социальный* (в этом смысле все гендеристки – социальные конструктивистки, но, разумеется, не всякий социальный конструктивист является гендеристом).

---

¹ Подробнее о том, почему и как феминистки воспользовались этим психоаналитическим термином см.: *Haraway D. Geschlecht, Gender, Genre. Sexualpolitik eines Wortes // Hauser K. (ed.) Viele Orte. Uberall? Feminismus in Bewegung. Festschrift fur F. Haug. B. – Hamburg, 1987. S. 22–42.*

² *Уэст К. и Циммерман Д. Создание гендера // Труды СПбФ ИС РАН. Гендерные Тетради. Вып. первый, СПб., 1997. С. 97–99.*

³ *Rabin G. The Traffic in Women: Nites on the Political Economy of Sex // Reiter R. (ed.) Toward an Anthropology of Women. N. Y., 1975. P. 157–210.* Подробнее о теории социального конструирования гендера см.: *Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Социальная конструкция гендера и гендерная система в России // Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период. Сб. статей под ред. Е. А. Здравомысловой и А. А. Темкиной. СПб., 1996. С. 5–13; Пушкарёва Н. Л. Гендерный подход в исторических исследованиях // Вопросы истории. 1998. № 6. С. 8–24.*

⁴ См., например: *Riley D. “Am I That Name?” Feminism and the Cathegory of ‘Women’ in History. Minneapolis, 1994.*

⁵ *Rabin G. The Traffic in Women: Nites on the Political Economy of Sex // Reiter R. (ed.) Toward an Anthropology of Women. N. Y., 1975. P. 165–166.*

По словам Юлии Кристевой – выдающегося и признанного современного философа, корифея современного западного феминизма – материнство – это как раз и есть то «начало (threshold), в котором наиболее явственно столкновение Природы и Культуры, столкновение, переходящее в конфронтацию»¹. Это «столкновение» проявило себя, по мнению феминистских историков, довольно рано. Например, Д. Райли полагала, что начало этого процесса совпало с «превращением биологических особей женского пола (biological females) в женщин» в социальном смысле этого слова, то есть осознающих свою гендерную идентичность, что произошло, по ее мнению, не ранее конца XVII столетия².

Исследование материнства, как и любое феминистское исследование, подчеркивали сторонницы данного направления, должно быть *гендерно чувствительным*. Под этим они разумели, что процесс исследования должен быть рефлексивным, и изучению должны подвергаться не только предметы исследования, но и его (авторов) представления и предпочтения, то есть те «линзы», через которые он/она смотрят на мир, на объект своей научной работы, ведь культурные установки и верования сильно влияют на ее результаты. Следовательно, задача «историка материнства» – с точки зрения гендеристок – это реконструкция множества историй, которые рассказывают или рассказывали женщины о своем материнском опыте и соотнесение его со своим³ [*тут не совсем ясно, как избежать превращения исследования в «картотеку» описаний персональных опытов и практик? – Н. П.*].

Вклад феминистских исследователей в изучение темы материнства несомненен. Именно они провозгласили «гендерно-чувствительную» рефлексивную практику обязательной составляющей любого исследования⁴. В этом их теоретическая ценность, в том числе и при анализе родительства. Можно, однако, выделить и практический аспект. Именно гендеристки (а до них – ученые феминистской ориентации) первыми обратили внимание на угасание желаний проявлять материнские чувства, если женщина не получила соответствующей «установки» в детстве; именно феминистки – стремясь к пресловутому «равенству возможностей» – стали призывать «воспитывать отцовство» так же, как из века в век «воспитывается материнство» (когда девочку с юных лет готовят быть матерью и гово-

---

¹ Kristeva J. The Maternal Body // *Freiburger*. 1979. № 2. S. 79–84 (перепечатано: 1981. NF. 5–6. P. 159–164). Стоит, однако, учитывать, что позиция Кристевой – жестко феминистская. По ее мнению, любая женщина *всегда* находится в явной или латентной оппозиции обществу как неизменно «маргинальная личность» (ибо всякое современное общество андро- и фаллоцентрично). См.: Kristeva J. Produktivität der Frau // *Alternative*. 1976. V. 108/109. S. 166–173.

² См., например: Riley D. Am I That Name?.. P. 18–44. Специальному исследованию концепций материнства была посвящена сравнительно ранняя работа этой исследовательницы, показавшей – в известном смысле в марксистском духе – повседневность и материнство в среде работающих женщин: Riley D. *War in the Nursery: Theories of the Child and Mother*. L., 1983.

³ Stanley L., Wise S. *Breaking Out*. London, 1983. P. 145–158. Для ищущих истину главная проблема этой позиции – относительность всех выводов (релятивизм). Если согласиться с тем, что исследователь должен быть осмыслителем своих собственных позиций, то остается неясным, как же определять силу и значимость рефлексии.

⁴ Harding S. Introduction. Is there a Feminist Method? // Harding S. (ed). *Feminism and Methodology*. Milton Keynes, 1987. P. 1–14.

рят, что она *должна* стать ею)¹. Поскольку этот призыв двадцатилетней давности был услышан в ряде западных стран, успешность новой семейной политики дает сейчас о себе знать в Германии, Голландии, США, где проявляется тенденция к «новому отцовству», где именно отцы (не меньше, чем матери) гуляют с детьми, кормят их и занимаются с ними. Социальный конструктивизм принят теоретиками, разрабатывающими проблемы гомосексуальности. В гомосексуальных семьях, где взяты на воспитание или имеются дети одного из партнеров, может и не быть жесткого определения, *кто* должен заниматься детьми. Это делают оба «супруга», подтверждая самой практикой, что материнство – не базовый инстинкт, а социально конструируемая переменная.

5. *Новые психоаналитические концепции и социальные теории как инструменты деконструкции материнства – социального феномена*

Практически одновременно с появлением гендерной теории в европейской психологии возникло особое направление, объединившее тех, кто проявлял особый интерес к ранним стадиям материнско-детского общения (до достижения ребенком возраста одного года и даже в пренатальном периоде)², а также пытался увязать проблему «материнского *imago*», возникшего в этом раннем детстве, с особенностями психологического склада человека в зрелом возрасте. В известном смысле они развивали концепцию Ж. Пиаже об определяющем значении опыта маленького человека, чья ранняя фаза образного мышления не отделяет фантазию и реальность, мысль и действие, воображаемый *imago* матери и мать как таковую³.

Среди наиболее важных концепций стоит упомянуть теорию М. Кляйн, продолжившей размышления Х. Дойч о трех стадиях отношений «мать»/«дитя» и сосредоточившейся на идее бесконечности борьбы «добра» и «зла», «положительного» и «отрицательного» в образе матери на протяжении всей жизни человека, даже когда он вырастает и становится способным «к действительно объектным отношениям, строящимся на сопереживании и взаимности»⁴.

В ином свете предстали отношения матери и ребенка и, следовательно, идея материнства в работах французского психоаналитика Ж. Шасге-Смиржель. Если М. Кляйн расщепляла образ матери на «добро» и «зло», на «ведьму» и «фею», на могущую накормить и защитить и олицетворяющую право на лишение еды и защиты, то французская исследовательница педалировала идею именно всесильности матери по сравнению с ребенком, то есть сосредоточилась на этой травмирующей психику человека материнской функции⁵. Согласно Ж. Шасге-Смиржель,

¹ Bernard J. The Future of Motherhood. N. Y., 1974.

² Идеи, созвучные размышлениям западных психологов, попали – несмотря на все препятствия и в работы отечественных исследователей. См., например.: Корницкая С. В. Влияние содержания общения со взрослыми на отношение к нему ребенка: дис. ... канд. псих. наук. М., 1975; Мазитова Г. Х. Развитие дифференциальных отношений с окружающими взрослыми у младенцев: дис. ... канд. псих. наук. М., 1977 и др.

³ Piaget J. La formation du symbole chez l'enfant.

⁴ Klein M. Das Seelenleben des kleinen Kindes und andere Beiträge zur Psychoanalyse. Reineck, 1972. S. 144–173.

⁵ Chasseguet-Smirgel J. Psychoanalyse der weiblichen Sexualität. Frankfurt am Main, 1974; ibidem. Zwei Bäume im Garten: Zur psychischen Bedeutung der Vater- und Mutterbilder. München-Wien, 1989. S. 1–26.

любой ребенок переживал хоть раз в детстве ощущение бессилия перед матерью, и эта травма, оставив в душе «нарциссическую рану» (термин Б. Грунберга¹), настолько глубока, что вся последующая жизнь (и мужчины, и женщины) – это лишь стремление избежать зависимости, фрустрации и бессилия, пережитых в детстве. Немецкий философ Д. Диннерштейн, оттолкнувшись от данной гипотезы Ж. Шасге-Смиржель, выстроила целое исследование о механизмах воспроизводства патриархатной власти²: с ее точки зрения, постоянное бегство от власти матери, от переживаний, испытанных в детстве, ведут к бессознательному предпочтению «господства отца», так как большинство или даже все (независимо от пола) предпочитают его образ угрожающему *imago* «всевластной матери». Именно поэтому и часть женщин, движимых страхом перед женской конкуренцией, как полагала Д. Диннерштейн, всегда будет предпочитать старый, патриархатный порядок эвентуальному новому, построенному в согласии с феминистскими требованиями³.

Продолжив размышления своих коллег и задавшись целью определить их значимость не только для психологии и психоанализа, но и для социальных наук в целом, соотечественница Д. Диннерштейн – К. Роде-Дахсер попыталась доказать, что социальная ситуация, при которой наблюдается рост числа семей, в которых воспитанием ребенка занимаются лишь матери, может породить накопление и рост агрессивности по отношению к женщинам, так как подобные идеи способны «активизировать (у отдельных индивидов и в обществе в целом) представление о матери, которая господствует во всех областях»⁴. И хотя происходит подобное помимо воли женщины-матери, общество реагирует на существование самостоятельных и успешных матерей-одиночек иногда – «страхом» (М. Л. Мёллер), а иногда – «даже яростью» (З. Тёммель)⁵.

Размышляя над особенностями современного общества, в котором остается все меньше областей, позволяющих пережить чувство сопричастности и общности, и западные, и восточные ученые (например, японский исследователь Ч. Дои) пытаются увязать эти процессы с обесценкой значимости и даже с отсутствием порой самого факта единства матери с ребенком во время грудного вскармливания. Тем самым оживляя эссенциалистские и биодетерминистские концепции, Ч. Дои, М. Е. Игл и ряд сочувствующих им психоаналитиков пытаются через идеализацию раннего слияния ребенка с матерью прописать рецепт спасения

---

¹ Б. Грунбергер – французский психоаналитик, который развил теорию Ж. Шасге-Смиржель до признания большей силы и влияния «отрицательного» над «положительным» в образе матери. См.: *Grunberger B. Narziss und Anubis. Die doppelte Ur-Imago // Grunberger G. Narziss und Anubis. Die Psychoanalyse jenseits der Triebtheorie. Bd. 2. München-Wien, 1988. S. 72–91.*

² *Dinnerstein D. Das Arrangement der Geschlechter. Stuttgart, 1979.*

³ Подробнее об этом см.: *Hagemann-White C. Frauenbewegung und Psychoanalyse. Basel-Frankfurt am Main, 1986. S. 68–69.*

⁴ *Rohde-Dachser C. Das Mutterbild in der Psychoanalyse // Schuchard M. (ed.) Mutterbilder – Ansichtssache. Beiträge aus sozialwissenschaftlicher, psychoanalytischer, literaturwissenschaftlicher und medizinischer Perspektive. Heidelberg, 1997. S. 49–65.*

⁵ *Möller M. L. Die Liebe ist das Kind der Freiheit. Reinbeck, 1986; Tömmel S. E. Oedipus oder Prometheus – soziopschoanalytische Ueberlegungen zur “vaterlosen Gesellschaft” // Luzifer-Amor. 1988. № 1. S. 88–122.*

современного общества от индивидуализма, отчужденности, дистанцированности и формальности отношений¹.

б. Материнство в постмодернистских и постструктуралистских концепциях

До поры до времени все эти психологические и психоаналитические концепции развивались как бы в «параллельном режиме» с развитием социологических, философских и исторических теорий. Водоразделом оказалось начало 80-х годов, когда интерес специалистов по женской истории обратился к теориям и концепциям сопредельных гуманитарных наук. До указанного времени в среде «историков женщин» были весьма популярны марксистская и феминистские концепции, но в начале 80-х гипотеза о «двух отделенных социальных сферах» (и, следовательно, о раздельном и как бы параллельном существовании «мужской» и «женской» истории) буквально разбилась о вышеописанную гендерную концепцию².

Катализатором процесса взаимопроникновения и взаимообогащения социальных и психологических теорий стали постструктуралистские и постмодернистские концепции³. Благодаря постмодернистским и постструктуралистским размышлениям над «женской историей» как над «другой историей»⁴, причем не альтернативной, не противопоставляющей себя мужской, а именно «одной из иных», «одной из историй», неожиданно выяснилось, что практически любая из современных концепций гуманитарного знания релевантна (то есть уместна, подходяща) «женской теме». Феминистки безоговорочно приняли постмодернизм, потому что он отрицал всякий «центризм», любое соподчинение – а для феминисток отрицание «мужского господства» («фаллоцентризма») было и остается первейшей, основополагающей идеей, можно сказать, – краеугольным камнем.

Однако модернистские и неопрейдистские, психологические и структуралистские концепции были основаны – так или иначе – на рационализме, то есть способствовали (как во всяком случае полагали многие авторы) решению наиболее острых проблем сегодняшнего дня. Эстетика же постмодернизма и постструктурализма была воздвигнута на отказе от чистого рационализма и функционализма. «Синтез традиционных искусств» (концепций, гипотез, парадигм) был достигнут не ради *решения*, а ради *описания и объяснения* (причем не претендующего

¹ Eagle M. E. Neuere Etnwicklungen in der Psychoanalyse: eine kritische Würdigung. München-Wien, 1988. О концепции Ч. Дой см.: Rohde-Dachser C. Zurück zu den Mutter? Psychoanalyse in der Auseinandersetzung mit Weiblichkeit und Macht // Forum für Psychoanalyse. 1989. № 5. S. 19–34.

² О переходе от парадигмы «separate spheres» к гендерной парадигме подробнее см.: Пушкарёва Н. Л. «Говорящий пол» (еще раз о гендерной методологии в исторических науках) // Гендер-лэнд. 1998. № 3(7). С. 42–45.

³ Постмодернизм и постструктурализм 80-х годов был как бы 3-й «волной», третьим поколением философов, ощущавших – по отношению к старым концепциям и парадигмам – свою новизну. Первая «волна» – это романтизм начала XIX в. (он был «постмодернизмом» по отношению к модернизму того времени – классицизму, который – в свою очередь – был модерном в отношении романтизма и сентиментализма); вторая волна – модернизм начала XX в. (как ответ на реализм), третья – постмодернизм конца XX в. (как ответ на тоталитарное искусство и философию, контркультуру 60-х гг. и на структуралистское увлечение схемами и конструкциями). См.: Андреева И. С., Федорова Л. В. Постмодернизм: за и против // На путях постмодернизма. М., 1995. С. 4–5.

⁴ Hey B. Women's History und Poststrukturalismus. Zum Wandel der Frauen- und Geschlechtergeschichte in den USA. Pfannenweiler, 1995. S. 17–2.

на окончательность и единственность) того или иного социального феномена¹. Материнство как нельзя лучше подходило для этих опытов.

Ведущие французские постмодернисты и постструктуралисты – Ж. Дерида, Ж. Ф. Лиотар, Ж. Делез, вооружив историков и вообще всех гуманитариев (психологов, социологов, педагогов) методом движения от текста к контексту, от анализа нарратива – к интертекстуальности, *диалогу* с текстом, заставили искать и видеть не «вертикаль ценностей» человека любой эпохи, не их «лестницу», не иерархию – а их «горизонталь»². Так появился термин – «горизонтальная культура», которая содержит, «обслуживает» и обсуждает все, относящееся к человеку, решительно отрицая какие-либо запретные темы (сексизм, сексуальные домогательства, боль, насилие, самоубийства, смерть).

Как повлияло появление этих новых идей и концепций на исследование материнства философами и психологами? Вышеупомянутые Ж. Дерида, Ж. Ф. Лиотар, Ж. Делез заставили своих коллег по-новому заинтересоваться, во-первых, субъективностью, саморефлексиями индивида (а феминисты немедленно расширили эту задачу анализом саморефлексий индивида, родившего себе подобного). Во-вторых, они остро поставили проблему представления (репрезентации) и тождественности (идентичности) личности (и феминистки откликнулись волной работ, отвечающих на вопрос «я ли это?», «кто я?»), в которых заметное место уделялось именно материнской идентичности³. В-третьих, следствием постмодернистских влияний на исторические науки является и возобновленный интерес к диаде частного (приватного) и общественного (публичного): но если в 70-е годы «частная сфера» изучалась прежде всего как «женская», а, соответственно, «публичная» – как «мужская», то теперь это противопоставление снято и обе сферы рассматриваются в рамках (фреймах) интеракционистского взаимодействия⁴. В-четвертых, не без влияния постмодернизма произошел и лингвистический поворот, резко выросло внимание к анализу содержания понятий и категорий, появилась удобная дефиниция «практик речевого поведения» или *дискурсов*⁵ (и исследователи материнства 90-х гг. немедленно заговорили о различиях дискурсивных полей материнства доиндустриальной, индустриальной и постиндустриальной эпох, об особенностях так называемого *женского письма* – *écriture féminine*⁶). И последнее, пятое.

---

¹ Как на место *структурализма* пришел *постструктурализм*, так на место *реализма* в философских концепциях пришел *релятивизм* (зачастую являющий вакуум не только веры, но и уверенности). При всех негативных его сторонах, релятивизм утвердил во всей западной философии приемлемость *культуры многообразия*. (Гулыга А. В. Что такое постсовременность? // Вопросы философии. 1988. № 12. С. 153–159). Условно говоря, в отличие от Лютера, утверждавшего в XVI в. «Я здесь стою и не могу иначе», постмодернист бы заявил: «Я здесь стою и могу, как угодно».

² «Горизонтальную культуру» Ж. Ф. Лиотар сравнил с супермаркетом, где одновременно можно купить и Библию, и презервативы. См.: *Лиотар Ж. Ф.* Заметка о смысле «пост» // Иностранная литература. 1994. № 1. С. 56–59.

³ *Riley D.* «Am I That Name?». P. 18–44.

⁴ *Pomata G.* Partikulargeschichte und Universalgeschichte. Bemerkungen zu einigen Handbuehern der Frauengeschichte // L'Homme. Zeitschrift fuer feministische geschichtswissenschaft. 2 Jg. 1991. Hf. 1. S. 5–44.

⁵ Среди ранних работ, упоминавших о различиях материнского дискурса разных эпох, см.: *Martin B.* Weiblichkeit als kulturelle Konstruktion // Das Argument. 1983. V. 138. S. 210–216.

⁶ *Irigaray L.* Spiegel des anderen Geschlechts. Frankfurt am Main, 1979. S. 211–224.

Благодаря деконструктивистскому методу, введенному когда-то лидером этнометодологического направления Г. Гарфинкелем и взятому на вооружение феминистками К. Уэст и Д. Циммерман¹, в изучении материнства поставлена задача изучения того, как происходит *приписывание*, категоризация, распределение семейных и родительских ролей по признаку пола (причем историки подходят к этой задаче с учетом эволюции общественного сознания и культур), размышляя, каким образом в семье и семейном воспитании воссоздается «мужское» и «женское» как неравное.

Зачем историкам философско-социологические и психологические концепции?

Интерес к истории материнства рожден появлением на рубеже 70–80-х гг. новой научной дисциплины – исторической феминологии (в западной научном дискурсе – *women's studies in history*). Новые подходы к философскому и социопсихологическому анализу материнства, которые демонстрируют феминистки в эпоху постструктурализма и постмодерна позволяют историкам-феминологам ставить и многие другие важные вопросы, «выходящие» далеко за пределы темы и являющиеся серьезным шагом на пути изучения проблем общественных умонастроеваний. Достаточно указать, например, на анализ проблем так называемой «второй» или «искусственной реальности», поставленных – касательно материнства – германской деконструктивисткой К. Браун. Речь идет о существовании и моделировании идеологически приемлемого образа матери («искусственной матери» – *kuenstliche Mutter*), который базируется на информации о некой «усредненной», «абстрактной» матери, а последняя – в свою очередь – не что иное как обобщение опыта конкретных отдельных матерей, их повседневных практик².

Другой пример – рассмотрение феномена материнства как «антагониста», как «противопонятия» феномена женской эмансипации. Тенденция к этому обнаружилась едва ли не в середине прошлого века, когда радикализму женщин, борющихся за свое равноправие, противопоставлялся образ «доброй матери». В современную эпоху требуется, как показывают работы Т. Воббе, многоуровневый анализ этих условных «антагонизмов»³, «встраивание» образа матери в новую женскую идентичность рубежа тысячелетий, рассмотрение материнства не только как социального феномена, но и как идеологемы, которую время от времени «подправляли» те, «кому это было выгодно».

Однако в целом, подводя итоги, нельзя не признать, что общей чертой психологических, философских и социологических концепций, связанных с пониманием материнства, материнской любви и заботы и выдвинутых на Западе в 1950–1990-х гг., было и остается довольно поверхностное отношение к исторической предистории интересующего нас сюжета. Некоторые исследователи предпочитают честно отмежеваться от идеи рассмотрения материнства с позиций историзма и социально-исторического (этнического, конфессионального) детерминизма,

---

¹ *Garfinkel H. Studies in Ethnomethodology. New Jersey, 1967; Уэст К. и Циммерман Д. Создание гендера // Труды СПбФ Института социологии РАН. Гендерные Тетради. Вып. 1. СПб., 1997.*

² *Braun Ch. Nicht ich – ich nicht. Logik, Luege, Libido. Frankfurt am Main, 1985.*

³ *Wobbe T. Gleichheit und Differenz. Politische Strategien von Frauenrechtlinien um die Jahrhundertwende. Frankfurt am Main; N. Y., 1989.*

полагая, что это не входит в их задачи¹. Подобная «цеховая ограниченность» заставляла историков и этнографов работать все эти годы в некоем «параллельном режиме», собирая главным образом мозаику фактов и редко, робко соотнося их с новомодными концептами. Все, таким образом, работали, «как было принято» и редко выходили за пределы заданной системы. Современная интеграция гуманитарного знания ломает сложившиеся стереотипы. Она заставляет признать, что многие из эпистемологических построений философов, социологов и психологов, касающиеся материнства, весьма интересны историку при интерпретации информации, получаемой им при чтении свидетельств давно минувших эпох.

Библиография

1. *Balint A.* Love for Mother and Mother Love // Balint M. (ed.) Primary Love and Psycho-Analytic Technique. New York, 1965. P. 91–108.
2. *Benedek T.* Psycho biological Aspekts of Mothering // American Journal of Orthopsychiatry. 1956. V. 26. P. 272–278.
3. *Benedek T.* Psychoanalytic Implications of the Primary Unit, Mother-Child // American Journal of Orthopsychiatry. 1949. V. 19. №. 4. P. 642–654.
4. *Birlingham D.* Empath Between Infant and Mother // Journal of American Psychoanalytic Association. 1967. V. 15. P. 764–780.
5. *Chodorow N.* The Reproduction of Mothering. Psychoanalysis and Sociology of Gender. Berkeley-LA., 1978. P. 222 (сноски 7–8).
6. *Deutch H.* The Psychology of Woman in Relation to the Functions of Reproduction // Fliess R. (ed.) The Psychoanalytic Reader: an Anthology of Essential Papers with Critical Introductions. N. Y., 1969. P. 165–179.
7. *Hammer S.* Daughters and Mothers, Mothers and Daughters. N. Y., 1975 etc.
8. *Hirsh M.* The Mother / Daughter Plot: Narrative, Psychoanalysis, Feminism. Bloomington, 1989.
9. *Kestenberg J.* On the Development of the Maternal Feelings in Early Childhood: Observation and Reflections // Psychoanalytic Study of the Child. 1956. V. 11. P. 257–291.
10. *Kristeva J.* Stabat Mater // Suleiman S. R. (ed.) The Female Body in Western Culture. Cambridge, 1986. P. 112–113.
11. *Rohde-Dachser C.* Expedition in den dunklen Kontinent: Weiblichkeit im Diskurs der Psychoanalyse. B.-Heidelberg – N. Y., 1991.

N. L. Pushkareva

MOTHERHOOD AS A SOCIO-BIOLOGICAL PHENOMENA: PSYCHOLOGY, PHILOSOPHY, HISTORY

The article describes the phenomenon of motherhood in contemporary philosophical, sociological, psychoanalytic concepts. Considering motherhood as sociobiological phenomenon, the author underlines the importance this kind of research for historians in the study of public mentality, considering motherhood not only as a social phenomenon, but also as an ideologeme given the developments in social consciousness and culture.

Keywords: motherhood, feminism, psychoanalysis, biological determinism, essentialism, social constructivism, the concept of gender, maternal identity.

---

¹ Например, Н. Чодоров в заключении книги честно призналась, что ее исследования часто именуют «неисторичными», поскольку «социально-половая система является постоянно изменчивым образованием». Но она умышленно оставила исследование этих изменений на долю тех, кто продолжит начатое ею (Chodorov N. Op. cit. P. 215).

**ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В КОМЕДИЯХ АРИСТОФАНА:
ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА И ВООБРАЖАЕМЫЙ РЕАЛИЗМ**

В статье рассматриваются «женские» комедии Аристофана в плане реконструкции реального взаимоотношения полов в древней Греции в конце классической эпохи. Показано, что кризис полисной системы был связан, в том числе, и с изменением гендерных стереотипов и появлением нового женского дискурса. Сделан вывод о том, познавательная компетенция историка во многом доказывает «неисчерпаемость» традиционных исторических источников.

Ключевые слова: Аристофан, гендер, греческая женщина, древнегреческая комедия, исторические источники.

Так уж сложилось, что эпистемологический смысл исторического источника, чаще всего, принимается как данность. О познавательной сущности источника источниковедение говорит очень мало [2, с. 236]. За этим скрываются две исследовательские позиции: либо полагание, что познавательная сущность источника – всем известный факт, либо [*что случается гораздо чаще – Ю. О.*], принятие удобного для исследователя ее понимания.

Как показала практика, проблема истины исторического источника не была решена ни эвристикой, ни герменевтикой, и была перенесена на уровень наррации, конструирования прошлой реальности. Это позволило отойти от анализа уже критически отобранного набора фактов для познания исторической реальности, ныне не существующей, и создать конструкцию, в которой образ прошлого согласован с тем реальным порядком элементов, с помощью которого воссоздается реальность прошлого.

С позиций современного источниковедения любой источник имеет две стороны – объективную и субъективную. Объективная сторона свидетельствует о том, что и автор, и его произведение – продукт определенной эпохи. Субъективная же сторона говорит о том, что произведение пишется автором в соответствии с его мировосприятием и мировоззрением. Обе стороны присутствуют и в комедиях Аристофана. В них мы находим не только упоминание реальных исторических деятелей и событий, но и достаточно точное отражение быта той эпохи. Мы решили рассмотреть так называемые «женские» комедии Аристофана как с целью обозначить источниковедческую перспективу данных комедий, так и показать условность исторических реалий, традиционно предписываемых произведениям великого комедиографа.

Аристофан написал три «женские» комедии. «Лисистрата» была поставлена в 413 г. до н. э., «Женщины на празднике Фесмофорий» – в Великие Дионисии 411 г. до н. э., то есть почти два года спустя после «Лисистраты». «Экклесiazусы», или «Женщины в народном собрании» были поставлены в 392 г. до н. э. на Линеях.

Следует напомнить, что конец V – начало IV вв. до н. э. – это переломное время в истории древней Греции. В 404 году до н. э. заканчивается Пелопонесская война,

которая серьезным образом повлияла на процессы, происходящие в разных сферах жизни греческого социума, отразилась на взаимоотношениях граждан внутри полисного коллектива, изменила мировоззренческие устои индивида. В итоге все эти явления приводят к кризису полисной системы, истоки которого нашли непосредственное отражение в комедиях Аристофана.

То, что в расцвете своей творческой деятельности Аристофан начал писать «женские» комедии, к которым относятся «Лисистрата», «Фесмофоризасы» («Женщины на празднике Фесмофорий») и «Экклесiazасы» («Женщины в народном собрании»), сейчас уже исследователями воспринимается почти как данность. Однако еще в начале XX века представители социально-экономического направления в историографии усматривали в этом едва ли не признаки движения в сторону эмансипации женщин в Афинах в конце V – начале IV в. до н. э.¹ Справедливости ради следует отметить, что в то же время появляется и прямо противоположная точка зрения, которую всячески отстаивал С. И. Соболевский [7, с. 270–272]. Но в любом случае «женские комедии» Аристофана наглядно демонстрируют различные кризисные моменты, среди которых – изменения в положении женщины в афинском социуме конца V – начала IV вв. до н. э.

Комедии Аристофана отражают не только наметившийся кризис греческого общества, но и кризис социальных стереотипов в гендерном контексте, то есть усложняется ранее упрощенное представление о типах мужчин и женщин. У Аристофана традиционная гендерная схема – стереотип восприятия человека по принципу пола – начинает давать сбой.

В комедиях мы видим, что афинянки уже не молчат в присутствии мужчин, как того требовал патриархальный дискурс, а требуют новаций не только в личной (сексуальной) жизни, но и в общественной. То есть появляется стремление удовлетворить свои личные потребности и амбиции, что ранее было практически недостижимо в рамках полисной идеологии [6, с. 116]. При этом мы не можем рассматривать данное положение как случайность, поскольку в композиционном отношении «Лисистрата», например, представляет собой наиболее стройное произведение Аристофана [8, с. 960–1032].

Программа преобразований, которую выдвигает Лисистрата, не только свидетельствует о сломе патриархальных стереотипов, но и о разрушении полисных стереотипов. Изменение содержания в действии субъекта стало возможным в результате изменения формы, в рамках которой действует данный субъект.

Для подтверждения высказанных положений, обратимся к текстам комедий.

Аристофана называют представителем общественного так называемого «традиционного» женоненавистничества, что достаточно наглядно иллюстрируют следующие его слова:

Зверя нет сильнее женщин
Ни на море, ни в лесу
И огонь не так ужасен,
И не так бесстыдна рысь.

(Лисистрата, 368–369)

---

¹ В частности, об этом писал В. П. Бузескул в своих «Исторических этюдах». См.: Бузескул В. П. Женский вопрос в древней Греции // Бузескул В. П. Исторические этюды. СПб., 1911. С. 38–70.

В то же время, в «Лисистрате» мы видим наметившуюся борьбу двух гендерных конструкций. Выразительницей патриархальной гендерной конструкции является Клеоника, а новой – Лисистрата.

Клеоника: Из дома трудно выйти женщине,
Одна о муже хлопоча, забегалась,
Той – слуг не добудиться, эта – нянчится
С ребенком, та – стирает. У другой – квашня.

(Лис., 16–19, пер. А. Пиотровского)

Согласно мнению Ж. Дерриды, через анализ текстов и речевых оборотов обнажается бессознательное, в нашем случае – патриархальная гендерная схема. При этом парадокс заключается в том, что речевые обороты, т. е. семантика текста, отражают традиционную патриархальную гендерную схему, а сам текст (смысловое содержание, структура фраз) свидетельствует о том, что дискурс меняется. Особо интересен тот момент, что, несмотря на бессознательную попытку воспроизводства традиционных гендерных схем, стереотип восприятия человека по принципу пола деформируется. И это изменение происходит в сугубо сознательной сфере. Попробуем пояснить это положение.

Поскольку женщина традиционно ассоциируется с приватной сферой жизни общества, и древняя Греция не являлась здесь исключением, то написание Аристофаном «женских комедий» можно рассматривать как его попытку начать дискуссию о роли и месте женщины в древнегреческом полисе. Проблемы войны и мира, а также осмеяние Еврипида, которые многие исследователи выдвигают на первое место в «женских комедиях» Аристофана¹, поднимались Аристофаном и раньше, причем для этого специальных комедий на женскую тематику ему писать не требовалось. Все его творчество было пронизано данными идеями. Поэтому главная задача, которая ставится Аристофаном в «женских» комедиях, – проблема взаимоотношения полов, которая до сегодняшнего дня является столь же актуальной, как и проблема полиса.

Мы не будем здесь подробно останавливаться на концепте так называемой «греческой любви», о которой уже много было сказано и древними, и современными авторами². Упомянем лишь тот факт, что одной из причин распространения греческой педерастии называют условия и факторы формирования полисной системы. То есть традиции данного рода взаимоотношений были укорены в самой полисной системе. А поскольку Аристофан пишет свои «женские комедии» в период, когда кризис полиса уже давал о себе знать практически во всех сферах жизни античного социума, то и проблема взаимоотношения полов, и в сексуальном плане в том числе, выходит на первый план.

Подтверждает это и вокабуляр Аристофана. Как отмечает П. Брюле [1, с. 35], для описания сексуальной привлекательности мужчин и отношений между ними Аристофан употребляет совершенно иные глаголы, нежели для описания женщины

¹ См., например, точку зрения Скворцова А. М., Любчанского И. Э.: Скворцов А. М., Любчанский И. Э. Комедии Аристофана о тенденции изменения положения женщины в Афинах конца V – начала IV в. до н. э. // Адам и Ева. № 14. М., 2007. С. 120.

² Классическим трудом в данной области является: Лихт Г. Сексуальная жизнь в Древней Греции / пер. с англ. В. В. Федорина. М., 1995.

и ее чувств. Мужчины обладают человеческими чувствами, они – *любят* (глагол *philein* – любить). Женщины же ставятся на одну плоскость с животными (глагол *anathian*, одно из значений которого – пылкость свиньи). Множество эпитетов Аристофан производит от существительного «свинья» (*kaprios* – кабан; *kapria* – матка свиньи, *karaitē* – «находиться во время гона, течки»), женщина часто называется просто *kapraō* – «свинья», что в греческой поэзии равносильно развратнице [4, с. 117–124].

В комедиях Аристофана свиньей женщина называется довольно часто, обычно это пожилая женщина, причем справедливости ради стоит отметить, что это выражение использовали многие авторы, не только Аристофан. Термины «старуха», «блудница» выражают в поэзии негативное отношение к женщине. Негативная окраска усиливается при описании гетеросексуальных отношений: молодой юноша в комедии «Женщины в народном собрании» вынужден практически круглосуточно заниматься любовью со старухой:

Вот крепко присосалась старуха к юноше
Как к камню устрица.

(Женщины в народном собрании, 1098–1099)

Здесь также вырисовывается еще одна проблема, которая ранее никогда не появлялась на поверхности, и она поражает своей масштабностью – это отношение молодых к пожилым, что выражается постоянными ругательствами молодых женщин по отношению к старухам: «гнилушка», «гроб в известке, труп в румянах», «чахотка тощая», «гнилое решето» и т. д. При этом обращается автор не к какой-то конкретной женщине, это собирательный образ, что свидетельствует о том, что такая ситуация типична для афинского общества. Но, кроме того, это свидетельствует и о возросшем влиянии женщин, ибо все эти слова говорятя женскими устами. Оставив за рамками моральность и нравственность данных высказываний, можно констатировать, что в женской среде наметился не только прогресс самосознания, но и зачатки конкуренции по отношению к мужчинам. Что немислимо в рамках патриархальной гендерной традиции.

Еще один момент. Вокабуляр Аристофана явно отражает насилие в гетеросексуальных отношениях. Настораживают многие глаголы, которые Аристофан употребляет, описывая взаимоотношения мужчин и женщин. Вот только некоторые из них: таранить, давить, грызть, нападать, бить, ворошить, дробить, разворотить, бороться. У Аристофана так говорят даже женщины. Также Аристофан использует много глаголов, означающих «овладевать» или «применять силу, чтобы овладеть».

Слово «бить» и вовсе используется практически регулярно. Некоторые сцены наглядно иллюстрируют, что насилие содержится в самой идее отношений между мужчиной и женщиной. Стереотипная гендерная схема уподобляет женщину рабыне. А рабы, согласно той же полисной идеологии, требуют физических наказаний [1, с. 37].

Еще один любопытный факт. Область гомосексуальных и гетеросексуальных отношений для греков лежит в разных семантических плоскостях. Они выражаются совершенно разными терминами. Отношения между мужчинами лежат в сфере морской тематики, связанной с развитыми в социально-экономическом и политическом отношениях торгово-ремесленными полисами. Отношения же

между мужчиной и женщиной – в области сельскохозяйственных отношений, связанных с традиционными культами плодородия. Стоит подчеркнуть, что сельскохозяйственные полисы были более отсталыми в цивилизационном плане. Но, несмотря на это, появляются определенные мужские фантазии в отношении женщин, которые также свидетельствуют о серьезных изменениях в ментальной сфере.

В частности, по словам Лисистраты, война – это катастрофа, забирающая мужчин у женщин. Не только мужчин-мужей, но и мужчин-любовников. Женщины становятся фактором возбуждения, а женское слово – зачинщиком беспорядка.

Мужские фантазии проявляются и в описании женщин, их нарядов, их физических достоинств. Вот какое описание женских нарядов вкладывает Аристофан в уста Клеоники:

Но что же сделать можем мы разумного
И славного, мы, женщины, нарядницы,
В шафрановых платочках, привередницы,
В оборках кимберийских¹, в полутуфельках.

(Лис., 42–45).

Ей вторит Лисистрата:

Лисистрата: Когда сидеть мы будем надушенные,
В коротеньких рубашечках в прошивочку.

(Лис., 148–149).

Но Аристофан идет дальше и фантазирует не только по поводу нарядов, но и телесной красоты женщин, произведя фактически революционные перемены в мужском самосознании, ибо ранее красоту замечали исключительно у мужчин. Лисистрата восклицает:

Почтеннейшей спартанке, Лампито, привет!
Какой красою блещешь ты, любезная!
Румяна как и телом ты упитана!

(Лис., 77–79).

Ее слова подхватывает Клеоника:

А что за груди! Твердые и круглые!

(Лис., 83–84).

Инициатива женщин в плане гетеросексуальных отношений становится притягательной и для самих мужчин. Мужественность (пусть пока в физиологическом, сексуальном плане) впервые начинает проецироваться на женщину. Любопытен диалог, который Аристофан приводит в «Экклесiazусах» между Блепиром и Хреметом. Причем следует подчеркнуть, что по замыслу автора они являются представителями так сказать, традиционного полисного мировоззрения.

Блепир: Опасно лишь одно моим ровесникам:

---

¹ Кимберийские оборки – т. е. длинные платья из прозрачной ткани, не стянутые поясом.

А вдруг кормилом завладевши города,
Они принудят нас насильно...
Хремет: Что еще?
Блепир: Их прижимать.
Хремет: А что, когда не в силах ты?
Блепир: Без завтрака оставит.
Хремет: Постарайся же,
Сумей, дружок, и прижимать, и завтракать.
Блепир: Ужасно! Через силу?

(Женщины в народном собрании, 465–471)

Примечательно, что если для Блепира супружеские отношения предстают как насильственные действия, которые страшат своей необходимостью даже перед угрозой голода, то Хремет уже воспринимает их как должное. Другими словами, вложив этот диалог в мужские уста, Аристофан подчеркивает роль данных отношений в общественной жизни, ибо мужчины, как мы помним, являются рупром общественной сферы отношений.

Ну и сам факт, что именно с помощью отказа от сексуальных отношений женщины надеются прекратить войну, тоже свидетельствует о многом.

Лисистрата: Должны мы воздержаться от мужчин. – увы!
(Лис., 125).

Миррина и Клеоника отвечают отказом.
Миррина: Я не согласна! Дальше пусть идет война!
(Лис., 130).

Лишь Лампито поддерживает Лисистрату, на что Лисистрата отвечает ей:

О милая! Одна из всех ты женщина!
(Лис., 146).

В этом пассаже скрывается очень глубокий смысл, поскольку впервые противоположность мужского и женского начала выражена не в физиологии, не в разделении социальных ролей, не в разделении публичных и частных сфер, а в гармонии мужчины и женщины.

Очевидно, что художественные образы женщин-патриоток, женщин-матерей, женщин-любовниц, женщин-насмешниц не могли появиться без наличия прототипов в реальной жизни, даже при условии авторского вымысла, ибо Аристофан – певец повседневности, и все его творчество ярко свидетельствует об этом. Для древних греков, а для поэтов в особенности, мир и человек в этом мире находятся в состоянии гармонии. Поэтому попытка подменить женский дискурс традиционным патриархальным дискурсом не совсем верна, ибо даже в этом качестве свидетельствует о кризисе стереотипов, когда проблемы публичной сферы, традиционно выражаемые мужчинами, оказываются во владении сферы женской, приватной [4, с. 294–310]. Кризис полиса, а следовательно, и кризис греческого сознания неслучайно столь ярко проявляется в отношении полов, так как традиционная патриархальная гендерная схема сложилась в рамках полисной системы, а ее кризис свидетельствует о появлении нового женского дискурса.

Таким образом, познавательная сущность еще многих источников остается открытой для современного исследователя. Будущее данных исследований отнюдь не за методологией, которая не может дать рецептов успешного исследования, а за расширением познавательных компетенций историка, стремящегося воссоздать реальность прошлых эпох.

Библиография

1. Брюле П. Повседневная жизнь греческих женщин в классическую эпоху. М., 2005.
2. Вжосек В. Культура и историческая истина. М., 2012.
3. Обидина Ю. С. И все-таки Адам и ... Ева: греческая женщина в свете современных гендерных подходов // Диалог со временем. 2014. № 47.
4. Обидина Ю. С. Идеал женской красоты в древнегреческой лирике // Материалы VIII научно-практической Интернет-конференции с международным участием «Гендерные исследования в гуманитарных науках». Йошкар-Ола, 2011.
5. Скворцов А. М. Любчанский И. Э. Комедии Аристофана о тенденции изменения положения женщины в Афинах конца V – начала IV в. до н. э. // Адам и Ева. № 14. М., 2007.
6. Соболевский С. И. Аристофан и его время. М., 1957.
7. Ярхо В. Н. Лисистрата. Примечания. С. 993 // Аристофан. Комедии. Фрагменты. Пер. А. Пиотровского. М.: Наука, 2000.

Y. S. Obidina

FEMALE CHARACTERS IN THE COMEDIES OF ARISTOPHANES: SOURCE MATERIALS PERSPECTIVE AND VISIONARY REALISM

The article deals with “female” Aristophanes in terms of the reconstruction of the real gender relations in ancient Greece at the end of the classical era. It is shown that the crisis of the polis system was connected, including a change of gender stereotypes and the emergence of new female discourse. It is concluded that cognitive competence historian largely proves “inexhaustibility” of the traditional historical sources.

Keywords: Aristophanes, gender, Greek woman, the ancient Greek comedy, historical sources.

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ

Л. Н. Комелина

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ГОРОД ЦАРЕВОКОКШАЙСК (по материалам Музея истории города Йошкар-Олы)

В статье дана краткая характеристика коллекции музея истории г. Йошкар-Олы, посвященной Первой мировой войне; приведены тексты писем горожан 1916–1917 гг., данные о заключенных в период войны браками между горожанами и иностранцами.

Ключевые слова: Царевококшайск, Первая мировая война, Музей истории города.

В старинном доме на улице Вознесенской г. Йошкар-Олы находится Музей истории города (МИГ). Это здание охраняется государством и является памятником истории и архитектуры начала XX века. Известно, что до революции 1917 года дом принадлежал местному лесопромышленнику Трофиму Васильевичу Чулкову. Восемнадцать лет назад 30 сентября 1996 года в здании был открыт музей города Йошкар-Олы. Начало формированию коллекций музея положили краеведы и старожилы города, в их числе – первые дарители музея супруги Л. П. Полубарьева и Н. П. Сафронов.

С личных коллекций этих горожан началось формирование музейных фондов: они передали музею ряд ценных фотографий и исторических документов из своего семейного архива. В первые годы работы музея наставником и консультантом для сотрудников музея стал известный старожил, краевед, коллекционер и Почетный гражданин города Б. В. Бабушкин. Уникальный материал по истории старинных улиц города передала в музей краевед А. Г. Бакиева; материалы семейного архива подарили потомственные горожане Г. В. и В. В. Чуровы. В дальнейшем коллекции предметов городского быта создавались за счет дарений из семейных архивов Умовых, Кореповых, Преображенских, Яковлевых и других.

На основе этих материалов создавалась постоянная экспозиция музея «Древний Царевококшайск». Она рассказывает об истории города Йошкар-Олы с момента его основания в 1584 году до октябрьских событий 1917 года. 8 мая 2005 года в честь 60-летия Победы при музее был открыт отдел Воинской славы, который состоит из двух экспозиций: «Великая Отечественная война в летописи нашего города» и «Верные воинскому долгу и присяге». Один из разделов экспозиции «Древний Царевококшайск» посвящен участию горожан в войнах XIX–XX веков. Особое место здесь занимают материалы, посвященные Первой мировой войне.

Перед событиями 1914–1918 годов Царевококшайск был тихим уездным городом Казанской губернии. По данным Центрального статистического комитета России на 1903 год в нем было 15 улиц, население составляло 2554 человека, из них 98,5 % – русские, 99,5 % населения исповедовало православие. В городе действовало 5 церквей, две библиотеки [1, с. 103–107]. Царевококшайцы пользовались благами цивилизации: в конце XIX века появились телеграф, телефон, в начале XX века – кинематограф, фотоателье Н. В. Захарова [2, с. 13], улицы освещались керосиново-калильными лампами. В губернский город Казань из Царевококшайска ходили конные экипажи [7].

В таком состоянии город застала Первая мировая война. В музее сохранилось очень небольшое количество материалов, которые были свидетелями тех дней. Музейная коллекция о Первой мировой войне включает в себя различную печатную продукцию: открытки, марки, журналы и карманный календарь солдата, а также несколько писем и предметов: награда (медаль «За храбрость» 4-й степени), солдатские фляжки, штык, салфетка с монограммой и т. д.

Более подробно остановимся на письмах. Источники поступлений писем в музей различны. Различны и адресаты: письмо солдата, письмо жены солдата в больницу, письмо – поздравление с Пасхой. Все они передают дух того времени: тревогу о будущем, о родных, описывают будничную жизнь, праздники.

Письмо неизвестного солдата с фронта родителям

1916-го года февраля 12-го дня.

Здравствуйте, дорогие мои родители

Отец Григорию Егоров и Евдокию Филипову и мою дочку Агрепину Трофимовну, кланяюсь по низкому поклону вас. Еще уведомляю, что я теп пришел 9 дней на всего жех (?) пришли мы. Теперь живем 3 дня губернской городе Одесе, не знаем куда назначают, на позици или на тружины. 3 дня жили ни какой занятий не был. Но теперь, когда пойдем на войну, нас приходится по по морю ийти. Мы живем от моря 100 шагов толко. Но прощайте мой родители, я пока жив и здоров, слава богу. Адрес писать не могу, потому что не назначено нам полку. Назначают вот тогда напишу адрес. Ах нас провожали из Николаиева – музыком очень много нарот собралось, вся войска вышли тогда, был молебен, как мы после молебен мы закричали ура. Тогда все плакали: нарот и мы сами тоже очень плакали.

Но на этой письме остаюс жив и здоров, больше писать не могу. Прощайте, прощайте родные, вся семья прощ<ай>¹.

Письмо написано на специальном типографском бланке с рисунком, рукопись, черные чернила.

Фамилия автора неизвестна.

Дар музею краеведа И. И. Симолова из Горномарийского района РМЭ. Письмо, видимо, находилось в школьном музее.

---

¹ МИГ ДФ КП 3293/435.

Письмо крестьянки Дарьи Седовой

Его Высокородию
Господину Главному Доктору
Обуховской больницы.
Крестьянки Вараксинской
волости, д. Вараксина
Дарьи Седовой.

1-го февраля сего года в Обуховскую Больницу на излечение рядовой 221-го Рославльского полка, Иван Михайлович Седов, мой муж, о котором я уже давно не имею известий: жив он или нет. Почтительнейше прошу Ваше Высокородие сделать распоряжение, если мой муж не может сам писать (он грамотный), то известить меня чем он болен и в каком положении он находится; неизвестность же совсем меня измучила, я не могу ничего делать, а у меня двое детей – маленьких.

Если Вы, Ваше Высокородие, найдете возможным приказать известить меня о состоянии мужа, то адрес мой такой:

Город Царевококшайск
Казанск<ой> губ<ернии> Николаю Александровичу Мошкову, для Д. Седовой.
Дарья Седова
г. Царевококшайск
27-го Марта 1915 года.

Приписка на письме
М. Г.

Контора Обуховской больницы извещает Вас, что рядовой 221-го Рословского пех<отного> полка Иван Михайлович Седов в вышеозначенной больнице не значится.

Смотритель больницы <Подпись>
11-го апреля, 1915 г.¹

В мемориальной книге памяти участников Первой мировой войны (составители А. Н. Кудрявцев и А. В. Соколов) Иван Михайлович Седов числится пропавшим без вести.

Письмо написано преподавателем Царевококшайской низшей ремесленной школы Н. А. Мошковым. Рукопись, черные чернила.

Дар С. М. Солдатова.

Поздравительная открытка 1916 года

Чугуев
Харьковской губ.
Военное училище
юнкеру 1-й роты
Дмитрию Александровичу Чернову
Христос Воскресе

Митя! Поздравляю Вас с праздником и желаю всего лучшего. Сегодня получила Ваше письмо. Спасибо. Заниматься мы кончили 17 апреля совсем и теперь

---

¹ МИГ ДФ КП 2300/3.

свободна на пять месяцев. После Пасхи еду в Казань. Мой адрес Набережная Кабана, д<ом> И. Е. Дружинина учительнице такой-то, а то там нас де(?) М. И. Д., пожалуй еще если напишете так попадет ей, а если зайдете так выйду конечно я. Когда кончаете? Извините за открытку, но покупать очень дороги, а эта лежала. Пишите если не лень и уже по новому адресу¹.

На обороте художественной открытки, рукопись, черные чернила, стоит штамп г. Царевококшайска. 1916 год.

Автор письма неизвестен. По содержанию письма ясно, что автор преподаватель одного из учебных заведений г. Царевококшайска.

Дмитрий Александрович Чернов 1896 г. р. доброволец, подпоручик, окончил Чугуевское военное училище. В советское время работал плановиком-экономистом Марпромлессоюза, репрессирован 29.12.37 г., расстрелян.

Дар И. П. Черновой, племянницы Д. А. Чернова.

Фотокарточка с надписью 1915 года

Дорогие родители

Папа мама спешу уведомить Вас, что я служу и здоровье мое слава богу ниче. Шлю привет и желаю всего наилучшего. Ост. Вас сы<н> Аркад<ий>².

Запись на обороте фотопортрета автора. Рукопись, черные чернила. Послано Аркадием Алексеевичем Яковлевым родителям в Царевококшайск. А. Яковлев в 1915 году был призван на действительную службу в армию, попал на флот, служил матросом 1-й статьи, как грамотного его определили старшим писарем в штаб командующего флотом Балтийского моря на посольское судно «Кречет».

Дар Л. Б. Гусаровой (Яковлевой), тети А. А. Яковлева.

Поздравительная открытка с фронта

Действующая армия

Изоляционно-пропускной пункт

для почтальона на ст. Дарница

М. К. В. Ж. Д.

Е. В. Г.

Венедикту Никандровичу Крымскому

Дорогой Венедикт! Сегодня получил твою открытку. До этого я послал тебе открытое поздравление с Христосованием на Киев, – адрес мне дала Ек<атерина> Ник<олаевна> полагаю что она теперь до тебя не дойдет, а потому еще раз – Христос Воскресе! От всей семьи поздравляю тебя с праздникам<и> и от всей души желаем тебе всего хорошего.

Любя тебя <Подпись>³.

Автор письма неизвестен. Запись на обороте художественной открытки. Стоит штамп г. Москвы.

Дар Почетного гражданина г. Йошкар-Олы, профессора С. В. Старикова.

---

¹ МИГ ДФ КП 3048/2.

² МИГ ДФ КП 3630/1.

³ МИГ ДФ КП 2798/5.

***

Война изменила размеренную неторопливую жизнь маленького города. В Царевококшайск хлынули сотни беженцев из западных губерний страны, интернированные иностранцы и австро-венгерские и германские военнопленные. В маленьком городе было трудно найти квартиру нескольким сотням прибывших людей. Иностранцев расселяли в пригородных деревнях Вараксино, Пахомово, Княжна и других.

По воспоминаниям горожанки В. А. Яковлево, в доме ее родителей в годы Первой мировой войны квартировала иностранка фон Рок. В семейном архиве Яковлевых до сих пор сохранили салфетку с вышитой монограммой «S R», принадлежавшей Рок. Ее имя упоминается в числе «германских подданных военнообязанных», кто получил в 1918 году удостоверение на право проезда в Петроград [4, с. 48]. «Военнообязанными» в терминологии начала XX века считались интернированные граждане воюющих государств, в нашем случае получается, что Александра фон Рок была гражданкой Германии [там же].

Из документов Государственного архива РМЭ (ГА РМЭ) известно, что военнопленные офицеры размещались на втором этаже полукаменного здания мещанина Александра Степановича Чернова на Кирпичной (ныне Кремлевской) улице¹ и в двухэтажном полукаменном доме протоирея Воскресенского собора Алексея Петровича Азановского на улице Тихвинской (ныне Горького)². Здания, в которых проживали иностранцы (пленные и военнообязанные), в настоящее время почти все утрачены, в том числе и вышеназванные. Сохранилось лишь одно из таких зданий, о котором пойдет речь ниже.

Австро-венгерские военнопленные у дома Антоновых

В фондах музея истории города Йошкар-Олы хранится черно-белая фотография, на которой изображена группа австро-венгерских военнопленных у дома Антоновых. Снимок передала в музей краевед Л. П. Полубарьева. Он сделан в сентябре

¹ ГА РМЭ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 469. Л. 40–41.

² МИГ ДФ НВФ 1548. С. 41.

1916 года. На фотографии изображен деревянный дом с открытой террасой, наличники окон дома и терраса богато украшены резьбой. На террасе и у дома стоят молодые мужчины в военной форме. Здание находится в старинном районе города – Красноармейской (ранее Воздвиженской) слободе.

По данным городского присутствия по налогам осенью 1915 года «...дом не достроен, без служб и заборов, деревянный. Страховая оценка дома 4000 рублей. Временно занимают военнопленные офицеры с 10 октября 1915 года. В доме 20 окон и 6 комнат». В одной из комнат был камин¹. Историк Г. И. Кириллов приводит сведения, что в доме проживало «23 офицера, размещенные по национальностям» [3, с. 33]. В апреле 1918 года их оставалось 15 (12 офицеров и три денщика) и предполагалось их переселить, а в дом Антоновых поместить беженцев [3, с. 41].

Подробно быт и условия содержания военнопленных приведены в публикации Г. В. Рокиной «Австро-венгерские военнопленные Первой мировой войны в Марийском крае», реконструкция которых сделана на основе архивных документов ГА РМЭ [5, с. 102–113]. Царевококшайский лагерь был преимущественно офицерским. К концу 1915 года в городе находилось 27 офицеров и 16 нижних чинов австрийской армии. Ожидалось прибытие в начале 1916 года еще 67 офицеров. Постепенно количество военнопленных увеличивалось, данные на 1 февраля 1918 года были следующими: 90 офицеров и 28 солдат. В одной из бумаг начала 1918 года перечисляются гражданские специальности военнопленных офицеров, которые к тому времени еще оставались в Царевококшайске, это было 77 человек. Среди них было 17 чиновников, 7 учителей, 7 адвокатов, 6 «прочих юристов», 4 студента. Трое названы профессорами, видимо речь идет о преподавателях высших учебных заведений. Были также три инженера, два техника, два нотариуса, по одному были представлены агрономы, электротехники, бухгалтеры, геологи и один прописан «типографом». Среди нижних чинов перечислены лишь профессии тех, кто использовался в плену по этим специальностям: трое сапожников, трое портных, два слесаря. Солдаты, как правило, были в большинстве крестьянами и рабочими.

подавляющее большинство пленных были военнослужащими австро-венгерской армии. Германцев было менее десятка: с февраля по ноябрь 1916 года в городе находилось пять офицеров германской армии. Среди солдат в 1916 году лишь один был немцем, в 1918 – двое. Все остальные пленные были подданными Австро-Венгрии и, судя по фамилиям и именам, принадлежали к самым разным народам многонациональной монархии. В списках офицеров и солдат были как немецкие (Ганц, Мюллер, Фишер) и венгерские фамилии (Гергутти, Мольнар, Сабо), так и чешские, словацкие и украинские (Петрашек, Новак, Грушенецкий, Халупецкий, Панасюк, Кузляк).

Жизнь военнопленных четко регламентировалась, они получали все, что им было положено. Вместе с тем надзор за ними был достаточно строгим, любые нарушения режима строго пресекались.

Режим содержания и внутренний порядок определялись инструкцией, имевшейся в каждом помещении, где жили военнопленные. Структура охраны военнопленных

---

¹ ГА РМЭ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 470. Л. 205. Дом Антоновых.

в Царевококшайске была следующая. Полковник Недашковский являлся уездным воинским начальником. В его подчинении находились прапорщик Чернов с 15 ратниками. Они осуществляли непосредственную охрану военнопленных. В его обязанности входило: 1) до 9.00 обходить все занимаемые военнопленными помещения с целью проверить их количество и порядок среди них, 2) в течение дня надзирать за порядком и следить за дежурными и дневальными, 3) давать наряды военнопленным и дежурным на поденную работу в управлении, 4) надзирать за состоянием настроений и здоровья военнопленных, 5) ежедневно обходить сторожевые посты по одному разу днем и ночью, 6) делать вечернюю переключку военнопленных, 7) взыскивать с военнопленных и ратников за проступки. Исполнять обязанности Чернову помогали ежедневные дежурные по команде, которые осуществляли надзор за военнопленными. Дежурные по команде – это ратники, осуществляющие непосредственное окарауливание военнопленных в свою смену. В помощь дежурным были призваны старшие по помещениям из числа военнопленных. Как правило, старшими по комнате назначались немцы и мадьяры, как наиболее образованные из военнопленных. В их обязанности входило следить за состоянием здоровья пленных и сообщать обо всех их просьбах дежурному по команде.

В делопроизводстве Недашковскому помогал коллежский секретарь Брыгушкин. Его обязанностями было составление деловых бумаг, ведение переписки с воинским начальством местной бригады и военного округа. Всего в Царевококшайском управлении состояло 18 человек, один из них был гражданским лицом. Они осуществляли охрану военнопленных и контролировали, в меру своих сил и возможностей, жизнь и быт военнопленных офицеров и нижних чинов.

Распорядок дня и условия, установленные для военнопленных, были довольно мягкими и либеральными: в 6 утра подъем; в течение часа они одевались, умывались, убирали постель; с 7 до 8 часов прапорщик Чернов совместно с дежурным по команде проводили их утреннюю поверку и смотр, после чего они с 8 часов в течение часа завтракали. Часы с 9 до полудня были отведены для часовых прогулок пленных. На прогулки они выходили колоннами или несколькими партиями в сопровождении ратников конвоя и прапорщика Чернова. Однако с увеличением количества военнопленных, было выделено дополнительное время для прогулок после обеда. С послеобеденными прогулками военнопленных связан один любопытный курьез. Довольно часто их водили по Покровской и Вознесенской улицам Царевококшайска, которые огибали здание Полицейского управления до женского монастыря. Именно в эти часы после занятий, приблизительно с 16 по 19 часов, здесь гуляли гимназистки. Совершенно понятна и естественна та тяга и желание, почему молодые австрийские офицеры стремились по весне гулять по этому маршруту. Поэтому педагогический совет Царевококшайской женской гимназии был вынужден попросить уездного воинского начальника не допускать прогулок военнопленных по тем улицам после 16 часов вечера. Разумеется, просьба была удовлетворена. При выгуле военнопленных Недашковский требовал от ратников строго соблюдать правила и инструкции. В его управлении прогулки им разрешались в виду гигиены, а не веселого времяпрепровождения.

Интересна история дома, где жили пленные офицеры. Этот одноэтажный деревянный дом построил Иван Николаевич Антонов, служащий земской управы. Он родился в 1870 году, происходил из мещан. Его отец, Николай Алексеевич,

был православным, знал грамоту, занимался сапожным ремеслом¹. С этой же семьей связана другая история с военнопленными Первой мировой войны.

Жена И. Н. Антонова, Мария Прокопьевна, в девичестве Сергеева, была внучкой известной в Царевококшайске купчихи Матрены Ивановны Кореповой. Дядя Марии Прокопьевны, Николай Григорьевич Корепов, перед революцией 1917 года занимал пост старосты Царевококшайска. Согласно изысканиям краеведа Т. А. Дмитриева, сестра жены Н. Г. Корепова, Матридия Ефимовна Большакова, вышла замуж за пленного офицера и уехала с ним за границу². Матридия Ефимовна была учительницей мужского начального училища в деревне Княжна, (ныне с. Данилово), которая находилась в пригороде Царевококшайска. Ей подарил сборник своих стихов «Песни, посвященные августейшему поэту К. Р. «поэт А. Котомкин с дарственной надписью: «На добрую память глубокоуважаемой учительнице родного мне училища в деревне Княжне Матридии Ефимовне Большаковой. 21 апреля 1916 года. Котомкин». Осенью 1915 года Александр Ефимович Котомкин вышел в отставку и приехал на родину в Царевококшайск [6, с. 171–172]. В журнале «Нива» № 18 за 1915 год опубликовано стихотворение А. Е. Котомкина «Из Галицких мотивов»:

Они бежали от насилья,	Залогом дружбы неразрывной
От грозных ужасов войны...	Заря сияет впереди...
Встречает их, расправив крылья,	Заря, что в скорбную годину
Орел им родственной страны.	На небе севера горит...
Он их зовет... И клич призывный	Гуцулу, лемку и русину
Надежду будит в их груди...	Без слов так много говорит... ³

Это стихотворение написано в память Галицийской битвы, одного из крупных сражений Первой мировой войны, которое произошло в августе-сентябре 1914 года, в ходе которого в плен были взяты сотни солдат Австро-Венгрии, большинство из них были славянского происхождения. Некоторые из них, возможно, и оказались в царевококшайскими пленниками. А. Е. Котомкин, участник боевых действий, описывает бегство дружественных народов под крыло «орла ... родственной страны».

По сведениям, почерпнутым из метрических книг царевококшайских церквей, хранящихся в Государственном архиве РМЭ, в период войны было заключено много браков между горожанами и иностранцами. Г. И. Кириллов в своей статье приводит документ, из которого следует, что «... считается не лишним поставить в известность граждан и гражданок города Царевококшайска, что общение с офицерами и солдатами воюющих с нами держав воспрещается» [3, с. 39].

Этот же историк приводит заявление подпоручика Вильгельма Марковича, поданное в начале 1918 года, в котором говорилось следующее: «Я, нижеподписавшийся австро-венгерский военнопленный офицер, прошу уважаемое начальство мне срочно разрешить сочетаться с браком на здесь живущую австрийскую незамужнюю подданную именно Анну Хэйнрих. Одновременно прошу мне позволить жить после заключения брака в частной квартире...» [3, с. 37].

¹ ГА РМЭ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 182. Л. 24.

² МИГ ДФ НВФ 1548. С. 28.

³ МИГ ДФ НВФ 858/5.

Можно предположить, что строгий запрет распространялся на пленных и был более мягким в отношении интернированных граждан и беженцев. Так, австрийский подданный города Львова Антон Григорьевич Панцук в ноябре 1917 года женился на Александре Анисимовне Каюковой, дочери крестьянина из деревни Лапшино¹. Германский подданный архитектор Иоанн Карлович Вильдау, лютеранского вероисповедания, 32-х лет женился на Елене Николаевне Туган-мирза Барановской, потомственной дворянке 27 лет². В сентябре 1917 года поженились военнообязанный житель Бессарабской губернии Кишиневского уезда Балдарешевской волости села Милешты Контрат Андреевич Сандер, лютеранин 25-ти лет и крестьянская дочь Мария Николаевна Тарасова из деревни Лапшино 24-х лет³.

Несколько браков было заключено местными жителями с беженцами из Западных областей Российской империи: Могилевской, Виленской, Холмской, Гродненской губерний.

В феврале 1917 года был заключен брак между крестьянином Могилевской губернии Черниковского уезда местечка Краснополье Герасимом Емельяновичем Гейдко, православным 23-х лет и крестьянской дочерью Анастасией Гавриловной Бабушкиной, проживавшей в деревне Варакино, 29-ти лет⁴.

22 мая 1917 года во Входоиерусалимской церкви города Царевокошайска обвенчались две пары: женихи – крестьяне из деревни Большие Ноли, а невесты – беженцы из села Жабчи Потурхинской волости Томашевского уезда Холмской губернии: Александр Николаевич Охотников, православный, 37-ми лет женился вторым браком на Христине Семеновне Большак, 25-ти лет⁵, а Федор Захаров, 45-ти лет женился вторым браком на дочери крестьянина Яныша Варваре Козинской 25-ти лет⁶.

21 июля 1917 года житель деревни Тарханово Иван Андрианович Чиркин, 39-ти лет, женился вторым браком на дочери крестьянина Евстафия Платонова – Анне Евстафьевне Федорчук, 23-ти лет из Гродненской губернии Бильского уезда Логинской волости деревни Реписка⁷.

Кроме того были заключены браки между интернированными гражданами и беженцами:

В мае 1917 года германский подданный, проживающий в Царевококшайске, Иосиф Иванович Штоммель, католического вероисповедания, 24-х лет, взял в жены лютеранку, Софью Людвиговну Гротте, дочь садовника из города Янова, 18-ти лет⁸.

5 ноября 1917 года был заключен брак между переселенцами из села Жабчи Потурхинской волости Томашевского уезда Холмской губернии Дмитрием Семеновичем Полочан, православным, 25-ти лет и Онуфрией Павловной Андрушуп, 23-х лет.

¹ ГА РМЭ. Ф. 305. Оп. 4. Д. 3. Л. 427.

² ГА РМЭ. Ф. 305. Оп. 4. Д. 5. Л. 301об. – 302.

³ ГА РМЭ. Ф. 305. Оп. 4. Д. 5. Л. 350–351.

⁴ ГА РМЭ. Ф. 305. Оп. 4. Д. 5. Л. 347–348.

⁵ . ГА РМЭ. Ф. 305. Оп. 4. Д. 11. Л. 196 об. – 197.

⁶ ГА РМЭ. Ф. 305. Оп. 4. Д. 11. Л. 197 об. – 198.

⁷ ГА РМЭ. Ф. 305. Оп. 4. Д. 11. Л. 199 об. – 200.

⁸ ГА РМЭ. Ф. 305. Оп. 4. Д. 5. Л. 349 об. – 350.

Важно отметить, что все зафиксированные браки относятся к 1917 году.

Жизнь продолжалась и в войну. Люди влюблялись, вступали в браки, несмотря на войну и невзгоды. И, вероятно, в Йошкар-Оле сейчас живут потомки беженцев из западных областей Российской империи и Австро-Венгрии, а на западе, в Германии или Австрии, – потомки царевококшайцев.

Библиография

1. Йошкар-Ола. 1584–1991. Документы и материалы по истории города / Марийское книжное изд-во. Йошкар-Ола, 1994.
2. Йошкар-Ола – 425 лет: статистический сборник. Йошкар-Ола, 2009.
3. Кириллов Г. И. Австро-венгерские военнопленные // Марийский археографический вестник. Йошкар-Ола, 1995.
4. Кириллов Г. И. Иностранцы в Царевококшайске // Марий Эл: вчера, сегодня, завтра. Йошкар-Ола, 1994.
5. Рокина Г. В. Австро-венгерские военнопленные Первой мировой войны // Социальные последствия войн и конфликтов XX века. СПб.: Нестор-История, 2014.
6. Стариков С. В. Александр Котомкин (Савинский): жизнь, творчество, судьба. Йошкар-Ола: ООО «Издательский дом «Сельские вести», 2012.
7. Царевококшайский вестник. Казань. 1917. № 1.

L. N. Komelina

THE FIRST WORLD WAR AND THE CITY TSAREVOKOKSHAISK (ACCORDING TO THE MUSEUM OF HISTORY OF YOSHKAR-OLA)

The article gives a brief description of the collection of the Museum of History of Yoshkar-Ola, dedicated to First World War; shows text messages townspeople 1916–1917 gg., data on marriages between citizens and foreigners during the war.

Keywords: Tsarevokokshaisk, First World War, Museum of History of Yoshkar-Ola.

**А. Н. Кудрявцев,
А. В. Соколов**

**В ОКОПАХ И В ПЛЕНУ: СОЛДАТСКИЙ ДНЕВНИК
ВРЕМЕН ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

В данной публикации представлены отрывки из дневника уроженца Вятской губернии, старшего унтер-офицера 130-го пехотного Херсонского полка Н. Д. Мурсатова, который он вел в годы Первой мировой войны. Автор повествует о том, как проходила мобилизация, военные действия ноября – начала декабря 1914 года. Особый интерес представляют описания солдатского быта начала войны и территорий современных Украины и Польши.

Ключевые слова: Первая мировая война, мобилизация, боевые действия, солдатский быт, Украина, Польша.

В 2014 году отмечался столетний юбилей начала Первой мировой войны – одного из трагических и в то же время, судьбоносных событий, как мировой так и отечественной истории. Эта война стала катализатором многих крупных явлений и процессов, во многом определила современную геополитическую картину мира. В то же время война наложила неизгладимый отпечаток на личные судьбы миллионов людей. К сожалению, в отечественной исторической памяти сохранилось значительное число лакун, забытых страниц истории войны. К сожалению, многие события, происходившие на фронтах Первой мировой войны, подвиги офицеров и нижних чинов, воинская слава и горькая трагедия наших прадедов остается для многих terra incognita.

Радует, однако, тот факт, что в последнее время профессиональные исследователи и представители общественности все больше внимания обращают на тему Первой мировой войны. Появляются новые публикации, все чаще заходит речь об установке памятников и мемориальных плит в память тех событий и их участников, президентским указом 1 августа утвержден День воинской славы в память павших на полях сражений, умерших в госпиталях и не вернувшихся из неприятельского плена российских солдат.

Одним из важных видов документов, помогающих увидеть реалии того или иного времени глазами реальных людей, почувствовать дух эпохи, являются воспоминания и дневниковые записи. В распоряжение авторов попала копия одной такой реликвии, хранящаяся в семейном архиве жителя г. Йошкар-Олы – солдатский дневник времен Первой мировой войны. Его автор – Николай Демидович Мурсатов, уроженец д. Масленской Шешургской волости Яранского уезда Вятской губернии, ныне Тужинского района Кировской области. Призванный из запаса по мобилизации осенью 1914 г., он, старший унтер-офицер запаса, подневно описывает свое пребывание в запасном пехотном батальоне в городе Вятке, путь маршевой команды до частей действительной армии, боевые действия 130-го пехотного Бессарабского полка в ноябре-начале декабря в предгорьях Карпат в ходе осады Перемышля, жизнь и быт солдат первой осени войны. В декабре Николай Демидович попадает в плен, но продолжает все так же подробно описывать все то, что происходило вокруг.

К сожалению, объем публикации не позволяет представить данный документ в полной мере, поэтому авторами было принято решение публиковать текст в нескольких частях. Стилистика текста по возможности сохранена, пунктуация и орфография отредактированы. Все даты приведены по старому стилю.

(Начало не сохранилось)

...В городе до вечера. Замечательно (*здесь и далее – в смысле «примечательно»*), что ехали на войну Сибирский полки 5-й и 6-й в папахх серых. Ночью мы отправились на машинах в город Вятку. Благополучно доехали до города 23-го в 2 часа утра, пришлось ночевать нам в холодных казармах. 23-го в восемь часов утра нас выстроили всех на площади, а в 10 часов утра командир полка разделил нас поротно по 250 человек в каждую роту строевой пехоты, на нестроевых в особую роту артиллерии и кавалерии, инженеров и пулеметчиков – всех в особые команды развели. Я был назначен в 1-ю маршевую роту.

24-го нас завели на довольствие. 25-го нам был сапог: у кого были хорошие сапоги, тех записали. 26-го было назначение по 60 человек с роты в г. Петро... И назначили тех, у кого были записаны хорошие сапоги, тем выдали деньги 7 р. (*здесь и далее – рублей*) и отправили нас тот же день 500 человек.

27-го я написал письмо на родину. 28-го стали с нами заниматься. 29-го выдали нам снаряжение и амуницию. 30-го производились занятия. 1-го – октября Покров Пресвятой Богородицы. Я ходил в церковь в Кафедральный Собор, где совершали литургию Епископ Вятский и Слободской Никандр и Епископ Павел Глазовский, и 10 священников, и три дьякона. Мне очень понравилось, пение было стройное.

2-го без перемен. 3-го тоже. Занятия производились с нами ежедневно по расписанию. Ходили на прогулку 2 раза в день и несли караульную службу; ходили в караул через день. Хлеба выдавали по 3 ф. (*здесь и далее – фунта¹*) в ежедневно и пища было достаточно. Хлеба мы лишнего раздавали по дешевой цене 10 коп. и 8 коп. за булку, потому у каждого были деньги. Покупали белый хлеб хороший по 5 коп фунт, булки французские по 4 коп., сушки по 6 коп. и 4 коп. Когда начальство разузнали, что солдаты продают хлеб, то строго запретили нам продавать хлеб. На другой же день отдали приказ, что солдаты могут лишний хлеб в казне, не надо получать, кто сколько желает, а будут выдавать деньгами за один фунт 1¼ коп. После этого мы стали получать по 2 фунта, а за третий фунт нам стали выдавать деньгами.

Жилось нам в Вятке хорошо – что угодно можно было купить дешево. 4-го я ходил в город и обошел весь город: не очень велик и не очень весел. 5-го октября нам выдавали жалованье за сентябрь: я получал 1 р. 86 к. (*здесь и далее – копеек*) и получил письмо из дому не очень радостное. Пишут мне, что жена не очень здорова и сын тоже нездоров. Я стал думать и кручиниться по ним. У меня не стало аппетита. 6-го числа я написал на родину письмо и прописал, что посылаю я вам три рубля денег на излечение. Прошу скорее как-нибудь вылечить. Послал письмо и денег с землячком, и посылку: подарок жене и сыну гостинца. Прописал, что я нахожусь жив и здоров и того вам желаю от Господа Бога д. з. (*доброго здравия*).

---

¹ Фунт – мера веса. В тексте имеется в виду русский фунт, в указанный период равный 409,5 грамма.

7-го ходили мы в казенную баню. 8-го нам был смотр в казарме. С 9-го стали производить с нами усиленное занятие на плацу рассыпным строем. 10-го был смотр сапог. У кого были новые хорошие сапоги, тем выдавали денег по 7 р. 50 к. У кого вовсе не было – тем выдали казенные сапоги. Я купил сапоги новые за 6 р. 40 к. и получил за них 7 р. 50 к. 11-го был смотр белья, и записали у кого сколько пар. Я замечал, что у каждого белья было достаточно, слишком даже. И получили сколько полагается мы все за белье поровну по 3 р. 48 к., а за сапоги по 7 р. 50 к. Итого выдали 10 р. 98 к., кроме теплых вещей.

12-го без перемен. 15-го был смотр на плацу командиром батальона: ружейные приемы, а потом наступательные и так далее... 16-го я ходил в губернскую баню. Замечательно, что много привезли в г. Вятку больных и раненых, так что все казенные дома были заняты госпиталями Красного Креста. Пленных австрийцев и германцев тоже было много. Нам пока живется в Вятке хорошо. По праздникам и по воскресениям ходили в кафедральный собор, а вечером бывает духовная беседа; ходили в цирк, театр, Колизей. Каждый день покупали телеграммы и газеты. Дожидались все мира, и даже печатали в газетах про мир.

17-го выдавали нам теплые рубашки, вроде мундира. Занятия продолжались ежедневно. И так далее... 25 октября нам выдавали жалованье; я получил 4 рубля. 26-го нам был последний смотр на плацу: наступления и сторожевое охранение, и немое учение... 27-го выдавали нам [деньги] за собственные теплые вещи. Я получил за теплую шерстяную рубашку 1 р. 50 к.; за варежки и за чулки шерстяные, и за суконные портянку 1 рубль. Итого 2 р. 50 к. Шубу у меня не приняли. Некоторым выдавали за шубу по 7 р. 50 к. 28-го я получил из дому письмо и пишут мне, что находимся пока слава Богу все живы и здоровы. Я остался этим письмом очень доволен.

29-го нас назначили в поход две роты: 1-ю и 2-ю 500 человек неизвестно куда, на Петроград или на Москву, ничего не извещали нам куда повезут. И выдали нам остальное, все что полагается: снаряжение и шанцевой инструмент, и хлеб, и деньги, кто оставлял в казне. 30-го октября нас в 5 часов утра угнали две роты в церковь и была нам общая исповедь и причастие святых тайн.

31-го октября в 9 часов утра мы собрались в поход. В 10 часов выстроили нас посреди площади и был напутствующий молебен, а после молебна обошел священник с крестом и окропил святой водой. И все подходили и прикладывались к иконе Пресвятой Богородицы. Эту икону мы купили сами в г. Вятке и взяли с собой в поход. Потом мы прощались с товарищами, которые остались в запасном батальоне. В 12 часов мы отправились в поход, перекрестившись, и все кричали «Ура!» Шли мы городом до станции с песнями. В 1 час дня мы сели на машину. Отправились мы из Вятки в 6 часов вечера. В 1 час (*здесь – через*) мы уже были в г. Котельниче, стоял поезд минут 15. Я соскочил с вагона и прибежал на вокзал, нашел тут знакомых. Я послал с одним знакомым посылку домой: шубу, сапоги, гостинцы и письмо (послал с артемовским с Тимофеем Михайловичем Сопляковым и отдал ему в руки 10 рублей денег с передачей моему родителю). Из Котельнича мы приехали в Ярославль и в Москву (до Москвы – в Сергиевской Лавре нам был молебен), ехали мы все на проход до Москвы. В Москву приехали 2-го ноября и простояли полсутки.

3-го ноября я послал из Москвы письмо на родину. Затем мы ехали в города Брянск и Киев, где через Днепр ехали по мосту с освещением прожекторов

и сильной охраной. Затем мы были в местечке в Развилове¹, где было первое сражение. Жалкое положение: депо сожжено, дома разрушены. А в ночь мы прибыли в первый австрийский город Броды² – этот город полуразрушен и спален. Ехали мы дальше. По дороге я замечал оставленные следы ужасов войны. Где мертвые лошади, а где сломанные телеги, а где было сражение – земля взрыта снарядами и окопами.

В ночь с 7-го числа на 8-е мы доехали до города Львова³. Прибыли в 2 часа утра, потом повели нас по городу на квартиру. Проходили мы часа два по городу, наконец, привели нас к австрийским казармам, где была нестроевая рота австрийская. Было тут на дворе оставлено много телег. 8-го ноября я послал на родину письмо. Ходили в город – жители живут поляки, евреи, чехи, русины. Львов очень велик и отличный город: дома все каменные двух- и трехэтажные и много 4-, 5- и 6-этажных. Деревянных построек я не видел в городе. Только улицы не проходные. Ездят транспортом, и все улицы покрыты камнем. Во Львове, все в нем находится для русского человека интересным. Здесь все на памяти польской старины и много памятников. И стоят взятые в плен австрийские орудия и пулеметы.

9-го я ходил в баню в городе. Сел на транспорт и прокатился версты две, платили за баню по 15 к., а обратно пришлось идти пешком – мы с товарищами заблудились и проходили с утра и до вечера по городу. 9-го вечером часов в 9 мы пошли на станцию. Выстроили нас перед вокзалом и продержали часа полтора на морозе. А войска на вокзале было очень много: некоторые идут на позиции, а некоторые с позиций. И рассказывают, как идет бой; и было тут много раненных и плененных австрийцев. Но больше всего мне показался интересным этот вокзал, потому что я нигде не видывал таких вокзалов. Снаружи вся площадь освещена разными огнями, а сам вокзал выстроен двухэтажным из дикого камня и разным цветом украшен и вырезан отлично. А внутри кругом и везде горит электричество разного цвета. Я тут увидел лестницу на верхний этаж, и ходят солдаты по лестнице. Я тоже пошел по лестнице на верхний этаж и вижу: тут тоже вокзал и сверх этажа ходит поезд в 6 путей, а сверху шести путей покрыт стеклянной крышей на железных столбах на всю линию. Но я это все не могу подробно описать, потому что я все не мог выгледеть. Вскоре протурили (*здесь – прогнали*) нас на другую станцию. Пришли мы на другую станцию, простояли мы на морозе часа полтора. А ночь была холодная, а деваться была некуда. Потом отсчитали нас по 60 человек в каждый вагон и посадили нас в вагоны. В вагоне было очень тесно, даже нельзя было повернуться. Вагоны были австрийские, они покорооче и уже наших вагонов, а печей не было в вагонах – в вагонах был холод. Поехали мы дальше.

На другой день нам выдали порцион по 55 коп., а в России мы получали по 25 коп. Купить было нечего, хотя и были деньги у каждого. Хоть с голоду помирай – хлеб не выдавали. Благодаря тому, что у австрийцев была картошка зарыта в землю

---

¹ Радивилово – ныне город в Ровненской области Украины. До Первой мировой войны приграничный город Российской империи на границе с Австро-Венгерской империей.

² Броды – город, ныне расположенный на северо-востоке Львовской области Украины. После третьего раздела Польши австро-венгерский пограничный город с Российской империей.

³ Львов – город, ныне областной центр Львовской области Украины. В начале Первой мировой войны в результате успешного наступления русской армии во время Галицийской битвы 3 сентября 1914 г. (ст. ст.) был взят русскими войсками.

на поле, солдаты наши добывали картошку и набирали с собой. Я не помню, на какой-то станции платили за фунт черного хлеба по 30 коп. Когда мы ехали по Галиции, то я все время интересовался их местностью. Места очень красивые: ровные дороги шоссейные и насажены садами. И много я видел: на поле валяются трупы лошадей и земля взрыта окопами и снарядами.

Доехали мы до станции Равы-Русской¹, поезд остановился минут на 30. Мы вылезали из вагонов. Замечательно, что артиллерийские выстрелы были слышны недалеко, верстах в 14-ти под Перемышлем². Стреляли залпами – как сильный гром гремел. Замечательно, что тут на станции много было забрано телег, орудий и зарядных ящиков. И много было навалено винтовок и патронов, австрийских и наших. Русских штыков было навалено несколько тысяч. Затем ехали мы дальше, замечая оставленные следы боя на поле: где австрийские телеги, где испорченные австрийские орудия.

Доехали мы до станции, где была нам высадка, а на машине нам больше не пришлось ехать. Пришлось нам идти от этой станции верст 10 пешком до города Ярославля (*здесь и далее – г. Ярослав*³). На станции замечал я, что много было сложено зарядных ящиков австрийских и наших, и много патронов собрано в кучу. И были слышны артиллерийские выстрелы.

Шли мы по шоссе – нас было более двух тысяч. По дороге, около г. Ярославля замечал я, что было тут ужасное сражение. Укрепленные верст на 5 окопы и проволочные заграждения, и волчьи ямы. Около Ярославля проходили мы через реку по понтонному мосту, а шоссейный мост был взорван австрийцами. Дошли мы до города Ярославля уже ночью. Ночлег у нас был назначен в большом трехэтажном каменном доме. Это был у них не иначе как реальное училище, потому что тут было очень много книг раскидано на полу и все комнаты были полны книгами и вещами, а на чердаке было навалено книг и бумаг так, что на поларшина⁴ на полу валялись.

Наша рота стояла на втором этаже. Тут было много разных комнат, и во всех комнатах были разные украшения, освещены были электричеством. Тут была служанка для офицеров – носила обеды и приготавливала кушанье, потому что тут постоянно ночевали наши войска. Нам пришлось тут ночевать две ночи. Хлеб мы получали только один раз по 2 фунта, остальное время без хлеба. Купить было можно на базаре. Мы покупали на свои деньги, только платили дорого. Город Ярославль полуразрушенный. Мы стояли целый день и все время были слышны орудийные выстрелы под Перемышлем на 24 версты – как сильный гром гремел.

На третий день мы пошли с утра в поход в полной выкладке 45 верст до города Лежинец – он незамечательный. Шли мы ходко по шоссе – дорога была жесткая и каменистая, у многих солдатиков заболели ноги, намозоленные. Я тоже намозолил обе ноги. Пришли мы на ночлег – нельзя было наступить, очень наломали

---

¹ Рава-Русская – ныне город Львовской области Украины.

² Перемышль – ныне город на юго-востоке Польши, недалеко от границы с Украиной. После третьего раздела Польши попал во владение Австро-Венгрии. До Первой мировой войны Перемышль превратился в укрепленную военную крепость.

³ Ярослав – ныне город в Польше.

⁴ Аршин – русская мера длины, в описываемый период равная 70,12 сантиметра.

ноги. Дошли мы уже ночью, часов в 10 стали кипятить кипятку. Дров не было, наломали перила и сварили чаю, ужина не было для нас. Утром был завтрак и выдали хлеба по полтора фунта на человека. Позавтракали и пошли мы в поход в город Вкешевск 21 версту. Этот город отличный. По дороге я замечал – много валяются трупы лошадей и оставлены следы боя.

Наши ночлеги были в самых лучших домах в австрийских городах. В городе Вкешевск нам пришлось ночевать в большом трехэтажном каменном доме. Этот дом был не иначе как казначейство или государственный банк – очень много было тут разных комнат и в каждой комнате комоды и шкафы с разными вырезами и украшениями, и в каждой комнате было очень много книг и векселей, и марок австрийских. На двор было вытаскано много книг и разных бумаг возов пять. Тут нам ничего не выдали: ни хлеба, ни обеда. Благодаря тому, что картошки дорогой понабирали, питались картошкой. У австрийцев в Галиции картошка на поле в землю зарыта. Солдаты набирают дорогой вещевые мешки и на ночлеге сварят и поедят.

Переночевали мы ночь, а утром пошли в поход дальше. Перешли мы верст 25 до местечка Сензишу¹. Тут нам выдали по одному фунту хлеба. И был ужин и завтрак, но хлеба мало. Ночью наши солдаты охотники ходили в поле за картошкой версты за две, и принесли много картошки. Чтобы не помереть с голоду – ночью сварили и ели, и меня накормили. Начальники нам отказали давать хлеба, и идти завтра 34 версты. Наше положение очень плохое...

Мы шли по шоссе, дорога жесткая, и шли все время на запад. У меня был с собой план театра военных действий – я шел по карте. Всю дорогу нам навстречу гнали пленных австрийцев. В этот день гнали несколько тысяч с утра и до вечера. Замечательно, это было 17 ноября, а что будет вперед – Бог знает.

18 ноября утром пошли мы в поход голодные и перешли 30 верст в город Дембицы². Дошли мы часов в 12 ночи, и был ужин для нас приготовлен, но ужинали без хлеба. 19-го числа нам есть было нечего. Мы были голодны, некоторые утром ходили на станцию, купили хлеба и собрали сухариков. Сухарей было очень много на станции, а нам не выдали ни крошки, потому что наши ротные командиры не беспокоились о нас. Мы ходили с товарищами на станцию, чтобы купить что-нибудь съестного; хлеба не могли найти нигде купить. Потом пошли на склад, где наваливали на обозы продукты на позиции. Мы тоже пособляли таскать мешки с сухарями и с крупами. Тут я собрал на полу несколько сухариков и набрал крупы на полу проса фунта два-три. Пришли со станции, сварил я каши и поел очень хорошо.

В 11 часов дня пошли мы в поход. Мы шли было на Краков³, но по слухам будто бы он взят, а потому нас повернули в другую сторону, направо к России. Мы прошли 30 верст. Рядом с одним хутором стоял резервный обоз. Я пошел к обозным, чтобы купить что-нибудь. Мне обменяли на табак, который был у меня в кисете полосьмушки⁴. Мне дали сухарей фунта полтора, да у одного солдата купил на 10 копеек. Он намерял мне один котелок – у меня стало сухарей фунта три.

---

¹ Сензишув-Малопольски – ныне город в Польше.

² Дембица – ныне город в Польше.

³ Краков – ныне город в Польше.

⁴ Восьмая часть чего-либо. Здесь мера веса, 1/8 фунта.

Затем пришли мы в местечко Мелец¹. Пришли уже ночью, у многих было есть нечего, кроме картошки, и то без соли. За соль дают 50 копеек за фунт, и то негде взять – вот до чего трудное положение солдата. Сего же 18 числа доносилась страшная канонада артиллерийского боя с правой стороны дороги.

19 ноября. Сегодня перешли мы местечко Щучино² в 1/2 верстах от границы. Прошли мы 30 верст, а с левой стороны дороги была слышна сильная артиллерийская стрельба. Но жизнь наша очень плоха. Хлеба нам сегодня дали по 1/4 фунта каждому. Солдаты выбиваются из сил. Так как снега нет совсем земля мерзлая. Горе тому, кто к несчастью заболает, – лошадей с нами нет, больные должны оставаться на произвол судьбы. Слабость и голод угрожают нам сильно, 1/3 часть не доходит до ночлега, спать приходится в деревнях. А на дороге, на реках мосты деревянные сожжены, а железные взорваны. Нашему походу вот уже 6 дней. Соль здесь в Галиции подешевле 6-и рублей пуд и можно купить.

20-го нам назначен поход 16 верст до местечка Олесное, и без куска хлеба. Про хлеб уже забыли. Ночлег многим пришлось спать на частных квартирах, и очень тесно, почти сидя спали. А хлеба мы совсем не получали. 21-го Введение Пресвятой Богородицы во храм. Нам была дневка в местечке Олесном, за этот день нам выдали по 1-му фунту хлеба, чай и сахар, и был ужин. С правой стороны слышна сильная артиллерийская стрельба всю ночь и весь день. Все было слышно – как страшный отдаленный гром.

22-го мы пришли в Россию в Келецкую губернию в местечко Котица. Перешли 35 верст, и по дороге мы убили дикую козу, ободрали, а мясо взяли с собой. Диких коз и зайцев в Австрии очень много. Шли мы через реку Вислу по понтонному мосту, нас застигла ночь. Дорога была очень грязная и ночь была темная. Дорога была испорчена, были канавы и ямы, я несколько раз упал в грязь. Дошли мы кое-как ночью до местечка, а квартиры для нас не было. Нам пришлось ночевать в вольной квартире: мы ночевали с товарищами у еврея (сварили козу и ели без хлеба). Он мне рассказывал, какой был бой, что все жители сидели в ямах два дня, пока шел бой. Он показал нам австрийский снаряд. Этот снаряд упал на его хату, но не взорвался. Местечко напоминает об ужасах боя и разорения: дома многие полуразрушены и сожжены. Жители голодают – фунт черного хлеба стоит 25 копеек.

23-го повели нас опять в Галицию, переправились через реку Вислу по понтонному мосту. Было назначено нам идти до ночлега верст 16. Дошли мы уже ночью, но тут коменданта не было, он переехал в другое местечко – нам тоже пришлось идти еще 8 верст. Идти ночью, и все время шел дождь. Мы все обмокли, а ночь была очень темная, даже ничего не видеть. Благодаря тому, что шли по шоссе многие солдаты выбились из сил и ночевали на дороге, но я дошел с ротой до местечка Новоржевска. Нас дошла только четвертая часть. На хлеба ничего не выдали. Ночью были голодные и мокрые до нитки. Моего взводу пришло только 4 человека. Я взял их с собой и пошли квартиру разыскивать, а квартир не было простых, все были заняты войсками. Наконец нашли у поляка – у него было две избы. В одной уже стояли солдаты, их было человек 15. Спасибо, что они нас пустили. Мы тут же растопили печку, сварили чаю и сами хорошо обсушились,

---

¹ Мелец – ныне город в Польше.

² Щучин – ныне город в Польше.

а хозяин полячек все время ругал нас. Ему жалко было дров, а мы не обращали даже внимания. Утром пришли некоторые наши солдаты.

24-го нам выдали хлеба по 2 фунта, чай и сахар, и был завтрак. Позавтракали и пошли в поход обратно по той же дороге до местечка Усть-Соль 8 верст. Мы только ходили 8 верст в сторону получать хлеб и обед. 24-го прошли мы 28 верст в местечко Новоржевска в России в Келецкую губернию в другой раз уже пришли. Тут по дороге замечал я следы боя: поля изрыты окопами, снарядами и осколками; жители разорены, дома разбиты там, где было сражение. Плоха тут жизнь. Замечательно местечко Усть-Соль. Оно разбито так, что смотреть жалко – спалено и разорено. И везде следы боя, поля все изрыты снарядами и осколками. Наверное, тут легло наших братьев много. Видал тут я памятники, где были хоронены наши братья.

Затем над местечком Усть-Солью пролетал германский аэроплан и бросил бомбу, которой убило 2-х человек и 3-х лошадей. А с левой стороны на юге видны недалеко Карпатские горы, как сильные облака. Затем перешли в третий раз Вислу, нас застигла ночь – ничего не видно было. Ночь была темна, а дорога была очень грязна и ямовата. Так что солдаты падали один за другим, а идти нужно было еще до ночлега до местечка Новорадомска 5 верст, но мы выбились из сил. Мы зашли с товарищами переночевать к поляку, а тут было солдат много, пришлось нам спать сидя. Вечером и утром сварили мы чаю на плите и купили у хозяина картошки, сварили и ели, а хлеба давно у нас уже не было. Утром позавтракали и пошли мы в местечко Новорадомск, разыскали мы тут своих. Тут выдали хлеба, не знаю по сколько, но хлеб был вовсе сырой, даже нельзя было есть – я не получил. А можно было тут купить – за фунт черного хлеба платили по 10 копеек. Это было 25 ноября, в 12-й день нашего похода. В местечке Новорадомском половина колокольни разбита снарядом.

Мы пришли в местечко, где [*находился*] штаб 33-й дивизии, и чем ближе мы подходили к позициям, тем больше слышны выстрелы из орудий, как страшный гром гремел под Краковым – были мы в 20-ти верстах от Кракова. Тут нас две роты по 250 человек разбили в два полка: нас 250 человек назначили в 130-й пехотный Херсонский полк, а 250 человек в 129-й пехотный Бессарабский полк. Я был назначен в 130-й пехотный Херсонский полк – в 10-ю роту 4 взвод 2-м отделенным командиром 33-й дивизии 21-го корпуса 2-й армии.

Нам целые сутки не давали есть. Я вечером написал письмо на родину, и лег спать, и не мог уснуть. Вдруг скомандовали: «Вставай живо! Одевайсь!». Мы встали и оделись в поход. Шли мы ночью 2 батальона. Не на Краков, а повели нас в Галицию, через реку Вислу. Шли мы всю ночь голодные 33 версты. Утром мы дошли до города Бохния¹, было 26 ноября. Нам завтра один суп, без хлеба; и ужин тоже без хлеба. Город отличный – вокзал железной дороги и железный мост. Но когда голоден, то ничего не интересует. Милые солдатчики другие сутки ни куска хлеба не получали и купить ничего нет. Жизнь наша очень плохая. К счастью, мы еще нашли купить у жида два хлеба ржаных фунта по три, платили по рублю за хлеб. А некоторые солдаты нашли в лавках крупчатки, пекли сами и ели. За осьмушку табаку платили по 30 копеек и 35. Спички вовсе не было

---

¹ Бохня – ныне город в Польше.

купить, а если где найдешь, то платили за 1 коробок 6 копеек. В Бохнии стояли мы в резерве, а передние позиции в семи верстах впереди. Днем летали над Бохнией австрийские аэропланы.

На 27-е ночью всю ночь была стрельба из орудий и пулемета, и ружейная. Как было страшно! Наутро пошли в штыки с криком «Ура!» Утром 27-го много пришло раненых в Бохнию, и много тут наших братьев уложили, особенно 42-й дивизии, и взяли в плен. А 72-я дивизия отличилась. Тут наступали на нас австрийцы и германцы: германцы шли просто колоннами – хотели прорвать наши цепи, а наши били их из пулемета, много тут их уложили, и взяли очень много в плен австрийцев, а германцев мало было в плену. Взяла в плен 72-я дивизия около 3-х тысяч. Ночью приняли в Бохнию всех пленных – вся площадь была наполнена пленными австрийцами.

27-го нам выдали хлеб по 1/2 фунта на человека, и был обед. 28-го с утра мы отправились на позиции, соединились с 21-м корпусом. 28-го неприятель сдал верст на пятнадцать. 72-я дивизия отбила германцев 1-й дивизии, которые были с австрийцами. 28-го дошли уже вечером до местечка Вышки, к Карпатским горам, где была сильная артиллерийская стрельба. По слухам – будто бы Сербия 27-го ноября взяла в плен австрийцев 19 тысяч и орудия, это говорили даже офицера. 28-го нам был один борщ и без порций. 28-го и 29-го нам хлеба не выдали, питались картошкой.

29-го мы в 4 часа утра пошли на позиции. Дорогой я передал письмо почтальону, было письмо написано на родину. Дошли мы до местечка Липицы. Тут мы остановились на привал. Неприятель нас заметил, стал стрелять из орудий, мы все присели за хатами. Сначала все давал перелет, а потом стал недолет. Выпустил снарядов тридцать подряд и Бог спас – из нас никого не ранило. Осколки падали прямо перед нами и даже в хату, где мы сидели, но Бог спас нас. Потом пошли мы занять позиции на левый фланг, к Карпатским горам. И полезли мы на гору крутую – версты две шли, все в гору. На лошадях никак нельзя было влезть. Пулеметы сначала везли на себе пулеметчики, а потом нельзя было везти – разобрали на части и понесли на себе, потому что гора крутая и на дороге лед, никак нельзя влезть. Походные кухни и обоз остался весь внизу у подошвы гор.

Наконец мы дошли [*туда*], где нужно было нам занять позиции. Командир полка остановил нас всех и призвал к себе батальонных командиров и определил им занять место по плану. Батальонные командиры призвали к себе ротных командиров и назначили им занять позиции. Нашей роте досталось занять на самом левом фланге. Мы заняли позиции на возвышенности гор у перелеска, а впереди был обстрел хороший. Нас – 4-й взвод назначил ротный командир для прикрытия пулемета, а 4-й батальон был сзади в резерве со знаменем. Потом расставили нас и приступили за работу – окопы копать. Копали мы всю ночь, потому что земля камениста – никак нельзя было копать. И все мы были голодные, выбились из сил. На утре мы уже кончили работу, выкопали окопы стоя (*здесь – в рост*) и сидели мы в окопах: не спали всю ночь и не стреляли, потому что мы не видели неприятеля и не было их тут.

Правее нашей 33-й дивизии стояла 42-я дивизия. С вечера неприятель стал стрелять из орудий по нашему правому флангу. У нас орудий не было – только пулеметы. Правее нас стреляли наши всю ночь из пулеметов и ружей, а нашей роте не пришлось стрелять. Есть страсть как хотелось – были голодны, потому что 2 дня не получали ничего. 30-го числа я ходил к халупам (были халупы впереди

наших позиций у подошвы гор), чтобы купить что-нибудь съестного. Я отдал австрийцу табаку и выпросил у него картошки. Он мне наклал полный котелок, а хлеба у них у самих не было, сами питались картошкой. У другого хозяина я выпросил капусты – он мне отдал полкотелка, я ему дал табаку. Принес я на позиции, сварили картошки и чаю и покушали с товарищем.

Под вечер 30-го перешли мы на другую позицию, правее, и выкопали окопы. Только выкопали окопы – неприятель стал стрелять из орудий. Нашу роту не заметил – давал все перелет, а потом недолет. В одно место выпустил снарядов 40, [там] где была расположена 9-я рота. Они были правее нас, в окопах сидели. Тоже давал перелет, только два снаряда попали прямо в окопы, тут несколько человек убило и ранило осколками. Во второй роте тоже убило много снарядами и ранило осколками. Всю ночь была стрельба адская на правом фланге, а у нас только была перестрелка. 42-я дивизия наступала. Австрийцы стали стрелять ночью с освещением прожекторами – так было светло, как и днем. Стреляли все время из пулеметов и [из орудий] залпами.

1-го декабря была с утра и до вечера артиллерийская стрельба. Снаряды падали кругом, но мы не показывались – сидели в окопах. Бог спас – из нашей роты никого не ранило – дали снаряды перелет и недолет. 1-го числа принесли нам хлеба и был завтрак. Ходили за супом за две версты. Принесли масла, разделили – досталось по ложке. И был ужин – ходили за супом тоже за две версты. Достать ничего нельзя было, потому что гора высокая, патроны таскали на себе, пулеметы тоже. Ночью тоже не пришлось спать – наблюдали всю ночь. Я ходил в дозоры за старшего – для осмотра впереди лежащей местности. Но все у нас было благополучно, впереди нас разведывали наши казаки. А на правом фланге была стрельба всю ночь с освещением прожекторов.

2-го декабря чуть свет началась артиллерийская орудийная стрельба. Наши только стреляли из горных орудий. Полевых и мортирных орудий у нас тут не было, потому что нельзя было никак попасть [сюда] – горы очень высокие. Нам воевать было тут плохо: полевых и мортирных орудий тут не было, патронов было мало у нас, доставать было далеко. С утра стали наступать немцы и австрийцы. На нас шли они просто колоннами. Мы стали стрелять из окопов, наши пулеметы работали здорово – немало уложили мы тут немцев и австрийцев, но все таки нам пришлось отступить. Если бы мы не отступили от этих гор, то всех бы нас могли взять в плен, потому что обошли они наш левый фланг, их было тут тоже немало.

Под вечер мы стали отступать и принимать влево, потому что стали они обходить наш левый фланг. Мы стали перебегать поодиночке и принимать влево, они стали стрелять по нам – пули свистели над головами. Они стреляли высоко благодаря тому, что в этих горах был невысокий лес – они прицел брали высоко, поэтому у них пули перелетали высоко. Я рассчитываю (здесь – полагаю), у нас убитых и раненых было меньше, чем у них. Но меня Бог спас от пули, а пули свистели над ухом.

Мы перебегали и принимали влево и окапывались лежа, они все время наступали на нас, стреляли. К концу дня подошли близко. Сначала мы стали стрелять на постоянный прицел, было уже темно. Они подошли на сто шагов и перебежали влево. Они были под горой, а мы стреляли с горы. Мы бы тут уложили их много, но мешали стрелять деревья и темно стало. Потом пришел нам приказ, чтобы как можно скорее убраться, отступить, потому что нас уже они обошли.

Мы стали отступать бегом назад лесом. Дорога была узкая и грязная, и было темно – ничего не видно. Мы стали спускаться с гор. На этих хребтах Карпатских гор во многих местах есть болота – даже нельзя пройти. Много коней погибло, даже по дороге, завязнув без возможности [их] вытащить – так и оставлены. Мы стали отступать, время было часов восемь вечера. Из нашего полка осталась 16-я рота для перестрелки. Когда мы отступали, 16-я рота стреляла так, что не заметил [нас] неприятель. Из других полков тоже стреляли.

Когда спустились с гор и вышли из леса, то нас повели прямо полем. Место было неровное и попадались нам речки. Берега были крутые, и все мы это трудное препятствие прошли, а позади нас было видно, как неприятель освещал прожекторами. Было светло, как днем, а нас уже там не было. Пробыли бы мы на этой позиции каких-нибудь еще часа полутора, то могли бы нас всех взять в плен. Благодаря корпусному командиру, [тому] что он не прозевал [этого не случилось].

Повели нас прямо полем, а потом пришлось нам идти лесом. Вышли мы на дорогу. Дорога была очень грязная – шли мы по колено в грязи. Очень было идти трудно и ничего не видно. Я бы готов был помереть тут на месте, но смерти не было. Много у нас на этой дороге пропало солдат – завязали и падали в грязь. Земля тут клеиста – если постоять немного на месте, то не добыть ноги и нужно падать в грязь. Тут я сам видел у двух солдат пораненные глаза штыками по неосторожности. Они плакали и остались тут в лесу. Шли ходко – привалов не было. А войска было много. Я отстал от своих рот. Когда мы вышли из леса, то, немного пройдя, вышли мы на шоссе на дорогу. Тут я стал бежать вперед и настиг свою роту. Шли мы до утра, прошли верст 30 и остановились в одном местечке биваком. Простояли мы до ночи, пообедали, почайничали и отдохнули, и весь корпусный обоз с нами ехал. Тут стали нас проверять повзводно. Из нашей роты не стало 40 человек: убитых и раненых у нас было мало, остальные остались измученные в лесу и некоторых взяли в плен. Из нашего полка убыло людей 300 человек, из 16-й роты осталось только 20 человек. После того было слышно, что [те] которые остались в лесу, были взяты в плен.

В ночь на 3-е число пошли мы на восток – отступали. Прошли мы местечком Боичи. Это местечко замечательно, красиво и на прекрасном месте, не разрушено. Шли мы дальше, стало рассветать. Перешли мы через реку Дунаец по понтонному мосту, а шоссе на деревянный мост был взорван австрийцами. Потом остановились на небольшой привал, отдохнули мы минут 10 и пошли. Наша дивизия пошла вправо на полдень, а остальные войска шли прямо и весь обоз. Она шли на город Тарнов¹.

Позади нас остался большой и прекрасный город Тарнов, а мы пошли к югу – к Карпатским горам. Вечером мы дошли до местечка, остановились биваком в семи верстах от позиций. Неприятельская артиллерия стреляла все время, наша артиллерия тоже стреляла все время, а мы находились в резерве: всю ночь не спали, были в готовности наступать. Но наступать нам не пришлось. Тут был нам ужин без хлеба. Артельщик купил тут же у австрийца кабана за 40 рублей – зарезали, обделали и сварили ужин и завтрак. Наелись мы тут без хлеба хорошо – картошки

---

¹ Тарнов или Тарнув – ныне город в Польше.

было тут в погребках – сколько хочешь. Хаты были простые, а хозяев не было ни одной души. Наверное, в этих хатах жили жида [и], они скрылись в дали.

На утро 4-го числа мы пошли на другую позицию. Было еще темно, шли мы по шоссе, а потом повернули нас направо к Карпатским горам. С утра шел дождь, мы все обмокли. Обоз ехал с нами, шли мы в гору, а подыматься было круто. Шли мы по малой дороге, дорога была очень грязная – кони останавливались, не могли подыматься в гору. Обоз остался весь в лесу у подошвы горы. Шли мы по высоким горам с лесом. Идти было трудно, солдаты валились. И шли [так] до позиций. Заняли мы позиции на горе и приступили за работу – окопы копать, а дождь шел все время. Все мы обмокли и были голодны – третий день хлеба не получали. Благодаря (здесь – в смысле «Слава») Богу была картошка у жителей – питались картошкой, и то без соли. Картошку покупали за деньги. Близ наших окопов была халупа, в эту халупу мы ходили по очереди, покупали картошку и варили в халупе.

Стрельбы не было у нас, окопы выкопали стоя (здесь – в рост). Пришла ночь – натаскали мы соломы в окопы и сидели в окопах. Выслали вперед караул, и разведчиков, и секреты. Всю ночь шел небольшой дождь, все мы перемерзли. Ночь была холодная, идти некуда и огня нельзя раскладывать – вот и помянешь солдатскую жизнь какая есть она – лучше бы помереть.

Правее нас была 44 дивизия. С вечера стреляла наша артиллерия и австрийская. Неприятельские снаряды взрывались над нашими окопами, но Бог спас, из нашей роты никого не ранило, а в других ротах несколько человек ранило шрапнелью. И мы окопы углубляли и блиндажи подделывали. Наша позиция была занята на удобном месте: на горе, обстрел был хороший под гору. Но только не пришлось нам стрелять днем. Вечером, когда стало темно, ушли за ужином версты за две, принесли нам супу порцию и по 1/4 фунта сухарей. Поужинали мы. Потом принесли нам ручные бомбы и раздали всем. Дожидались мы в эту ночь атаку «в штыки». Ночь была очень холодная, не спали мы всю ночь – наблюдали, дожидались противника.

На правых и на левых флангах с вечера началась стрельба ружейная и артиллерийская. Когда артиллерия перестала стрелять, тогда началось наступление – поднялась ружейная и пулеметная стрельба. Наши стреляли из окопов, австрийцы наступали. Ночью они шли просто колоннами – хотели прорвать нашу цепь. Наши стали стрелять из пулемета, обошли их левый фланг, сошлись «в штыки» и взяли 2 тысячи в плен. А левее нас стояла 32-я дивизия – тоже было наступление.

На 4-й день – 5-го числа – нам принесли хлеба. Получили и разделили: досталось не более как по 1/4 фунта на человека, а горячей пищи не было, потому что походная кухня осталась далеко – нельзя было подвезти, потому что горы высокие, на лошадях нельзя ехать. 5-го числа с полуночи началась артиллерийская стрельба и до самого до вечера [продолжалась] непрерывно; и пулеметная. После полуночи подняли такую стрельбу, что страшно даже слушать. Стреляли частым огнем и залпами, с освещением прожекторов. На утра на правом фланге сошлись «в штыки», бросились наши с криком «Ура!» На утра и мы открыли огонь по неприятелю и отбили австрийцев. А мы дожидались «в штыки», но не пришлось.

6-го декабря, перед рассветом, началась артиллерийская стрельба. Наша артиллерия стреляла с двух сторон. На правом и на левом фланге с утра слышна

была ружейная и пулеметная стрельба. А нам с утра и до обеда нельзя было высунуть голову из окопов. Не показывались, потому что австрийцы заметили наши окопы и стали стрелять из орудий прямо над нашими окопами. Тут недалеко от наших окопов находилась хата. В этой хате находился ротный командир. Один снаряд прилетел прямо в хату и разбил, тут легко ранило ротного командира осколком.

6-го декабря хлеба нам не представили, доставить было далеко, потому что весь обоз ехал другой дорогой. Ходили мы за картошкой к австрийцам в хаты и покупали за деньги; платили мы за котелок по 15 к. и по 20 к., а хлеба покупать нигде не найдешь ни крошки – сами они питаются одной картошкой. Артиллерия стреляла все время, но все дают [то] перелет, то недолет. Когда я ходил покупать картошку, то я нашел на земле пшеницы рассыпанной. Я собрал тут полкотелка, принес и сварил в халупке и то без соли. И ели с товарищами, чтобы не помереть с голоду.

После обеда артиллерия перестала стрелять. Австрийцы начали наступать на нас, но мы отбили их. Мы стреляли из окопов частым огнем, продолжалась стрельба до вечера. Ночью на 7-е число у нас стрельбы не было, а на правом фланге наступление было на 44-ю дивизию. 44-ая дивизия подняла такую стрельбу, что даже страшно слушать; с освещением прожекторов. На утро была стрельба на левом фланге, на заре бросились «в штыки» – нам все хорошо было слышно – как они закричали «Ура!» Мы тоже не спали всю ночь – ждали противника, но только не пришлось нам стрелять, не иначе как из-за того, что впереди нашей позиции была речка по названию Белая. Неприятель находился за речкой, мостов не было тут.

Ночи были холодные, спать никак не приходится – не заснешь. [Да] и я находился каждую ночь в наряде, когда стрельбы не бывает: то высылают дозорным за старшего, то в полевой караул, то [в] секреты, то наблюдателем. На 7-е ночью я был дежурным по роте. Всю ночь была артиллерийская стрельба. Ночью принесли нам хлеба не более как по фунту и порции (здесь и далее – в смысле «паек»).

7-го декабря стрельбы у нас не было, мы сидели в окопах. Артиллерия тоже перестала стрелять. Я ходил в хату и купил картошки 2 котелка за 20 копеек – сварили и поели. Потом принесли нам на позиции жертвы (здесь – пожертвования) из России: табак, спички, папиросы, сухарей белых, соль, иголки, нитки, конверты, бумагу, карандаши, чай, сахар, сало, портянки суконные, теплые рубахи, башлыки, пиджаки суконные и несколько пар сапог. Мы все это разделили по частям: табаку досталось по 1½ осмушки, белых сухарей по горсточке, соли по ложке, спичек по коробку, каждому по иголке. Нитки – у кого вовсе не было; сала было немного – всем не досталось, чаю досталось всем, и по 10 кусков сахара; конвертов и бумаги было довольно – кому сколько надо; карандашей тоже много было, пополам разрезанных; папирос было только три пачки – забрали двое; портянки достались не всем, теплые рубахи тоже не всем – у кого вовсе не было, только тем давали; башлыки тоже у кого вовсе не было, только тем выдали; сапоги выдали [тем], у кого вовсе плохие были. Когда все мы это получили – поблагодарили тех, кто нам пожертвовали – с радостью мы все это приняли. А для курящих – табак дороже всего, потому что у многих курящих не было вовсе табаку; находились без курения, а купить было негде. Я сам слышал от многих курящих: «Эх бы сейчас покурить табаку, и ничего бы больше не надо, и без

хлеба бы прожили». Ночи были холодные, другой раз так бы и покурил табаку, а табаку не было. Сидишь в окопе и губами шелкаешь. Я сам курящий человек – знаю по себе. Вечером получили по ломтику хлеба и принесли суп и порции, но только суп и порции были вовсе негодные – сильно пахучие – но пришлось есть с голоду.

В ночь на 8-е число нас 7 человек назначили в полевой караул. Я был караульным начальником, пост был у Белой речки. Ночь была холодная, прошло все благополучно. С неприятельской стороны, ничего не заметили и никого не пропустили кроме наших дозоров. На правом фланге была всю ночь перестрелка. А на левом фланге всю ночь был пожар. На утро 8-го числа приходил ко мне вестовой и доложил мне, что [надо] идти сейчас в роту – будем наступать. Я сию же минуту снял часового и подчаска¹ и пошли [мы] в роту.

Стали наступать всем фронтом, пришлось нам перейти через речку Белую. С вечера было приказано, чтобы в каждой роты были устроены переходы. На утро мы выступили, дошли до речки Белой – переход был еще не готов. Мы спустились под горку и легли все на землю, чтобы неприятель не заметил. Стало рассветать.; когда стали переправляться уже светло было. Неприятель нас не заметил, хотя караул их был очень близко, но они, наверное, спали. Мы по одному, нагнувшись, стали перебегать к переходу и переправляться через речку по одному бревну, держаться было не за что. Речка была шириною саженой пять, неглубока, но только очень стрежна². Наш ротный командир стоял у перехода и турил, чтобы быстро переходили. Перешли мы все благополучно, только один солдат у нас упал в воду; сам он вылез, потому что речка была не очень глубока. Когда мы переправились через речку, стали наступать бегом; вперед выслал ротный командир 5 человек разведчиков. Были впереди нас в тысяче шагах три хаты. В этих хатах был неприятельский караул. Их было 7 человек; трех австрийцев, которые были во дворе, наши забрали в плен. Наши разведчики стали искать по хатам – в одной хате было 4 австрийца. Наш разведчик туда зашел один (остальные двое зашли в другую хату, а двое повели пленных). [Tom], который заходил один – он был очень здоровый и высокий – его закололи австрийцы штыком до смерти; сами убежали. Наши разведчики вдвоем стали по ним стрелять, но не смогли убить их. В это время мы подошли туда рассыпным строем; видели как они бежали, только далеко; мы стали стрелять по ним, но они вскоре опустились под гору – не стало их видно. Мы около этих хат врассыпную лежали на земле, дожидались своих, пока они переправлялись через речку; неприятель нас не заметил. Я не знаю, какая рота переправлялась после нашей роты через речку – неприятель заметил и стал стрелять из пулемета – много тут ранило и убило наших. Говорят, целый день переправлялся только один батальон Бендерского полка, потому как открыли по ним огонь ружейный и пулеметный. наших раненых и убитых, говорят, было много.

Левее нас был 132-й Бендерский полк, а правее нас была 44-я дивизия. Когда перешел весь наш полк через речку, тогда получили приказ наступать. Рядом, правее нас, была 11-я рота – они приняли вправо и нам пришлось принять вправо.

---

¹ Подчасок – назначаемый для срочной смены часового в случае острой необходимости.

² Стрежь (северо-русское диалектное) – быстрое течение, стремнина.

Мы стали перебегать по одному вправо к 11-й роте – по нам неприятель стал стрелять из окопов. Неприятель был впереди нас в шагах около тысячи восьмистах. У них позиция была занята возле лесочка; тут была одна хата. Артиллерия уже давно открыла огонь – неприятельская и наша. Наши снаряды сначала давали недолет, а потом стали взрываться прямо над их окопами. Наши стреляли из мортирных орудий частым огнем; неприятельские снаряды летали через наши головы. Мы стали наступать вперед перебежками и принимать правее к 11-й роте, а левее нас я не видал никаких рот – левее нашей роты нашего полка не было, а был Бендерский полк. Они долго переправлялись через речку; связь с Бендерцами не держали. Когда мы наступали, по нам открыли сильный огонь; мы тоже стреляли. Перебежку мы производили поодиночке: перебежал несколько шагов, лег и открыл огонь частый. Мы не окапывались – пули свистели прямо над нашими ушами и падали возле нас. Тут у нас троих ранило, но меня Бог спас: пуля прилетела – прямо передо мной в каком-нибудь полуаршине в землю впиалась. Затем приказали нам стрелять поодиночке, скомандовали: «Справа и слева по одному патрону по очереди». Потому как австрийцы были в окопах – не видно их было. Затем наши снаряды стали разрываться прямо в их окопах; они стали перебегать в лесочек – мы открыли по ним частый огонь. Стали мы по одному перебегать вперед – они стреляли по нам. Благодаря [Богу] у них не было тут пулемета; из пулемета, слышно было, стреляли они левее – по Бендерскому полку. Затем нам приказал ротный командир по одному перебегать вправо, принимать к 11-й роте. Мы стали перебегать по одному вправо – неприятель открыл по нам сильный огонь. Здесь я видел, когда перебежал – лежали трое раненых нашей роты: двое были наши земляки Яранские, а один – доброволец. Добровольца тяжело ранило в голову и руку, наверное, не будет жив. наших одного ранило в ногу, а другого в спину – они кричат и просят помочь. Тут прибежал один санитар и стал производить перевязку. Пули сыпались как град, а из орудий стреляли – как сильный гром гремел, земля тряслась. Мы перебежали в овражек и все легли на землю. Мы стрельбы не производили – нам нужно было еще принимать правее. Мы стали перебегать вправо по овражку; неприятелю нас не видно было – они не стреляли, только редкий огонь был с правой стороны из лесу. Наверное, тут были их разведчики. Затем мы соединились с 11-й ротой и стали перебегать вперед к лесу. Неприятель был близко – им стало хорошо видно нас. Когда перебежали мы, они открыли сильный огонь по нам – тут нашей роты, говорят, двух убило, но я не видал их. Затем мы дошли до лесочку и пошли по опушке леса, а впереди нас в лесу подняли стрельбу разведчики. Тут наши разведчики забрали 6 австрийцев в плен и повели к командиру полка. День уже клонился к вечеру. 8-го числа из нашей роты убыло 9 человек.

В ночь на 9-е число мы позиции заняли в лесу на полянке и занялись работой – окопы копать. Выкопали мы окопы «с колена»¹ и выслали связь с прочими ротами и дозорными. Левее нас окопались Бендерцы. 7-го числа нам выдали по ломтику хлеба, а 8-го числа нам весь день не пришлось поесть: хлеба и картошки нам не принесли, достать было негде – ночью были голодные. Всю ночь не спали – производили перестрелку, я был дежурным по роте. На левом фланге после полуночи

---

¹ Окоп для стрельбы из стрелкового оружия с колена.

открыли страшную стрельбу залпами и частым огнем; было слышно – стреляли из пулемета. На утре, слышно было, закричали: «Ура!» – пошли в штыки.

9-го числа нам было приказано наступать и принять вправо: мы приняли вправо и стали наступать. Нам, то есть нашему батальону, было приказано занять впереди лежащую местность; правее – гора. Когда мы наступали, по нам стали стрелять справа с горы, которую нам было приказано занять. Эта гора была занята неприятелем. Мы легли и стали окапываться лежа. Кто выкопал окоп «с колена», а кто «лежа»¹. Мы тут пролежали долго, не показываясь, потому что сильно стреляла неприятельская артиллерия. Наши окопы были на возвышенности горы возле леса и неприятелю не очень было видно, очевидно, потому что впереди нас была деревня. Правее нас местность была низкая: равнина, речка небольшая и луга; впереди никаких препятствий не было. Эта местность была занята 11-й и 9-й ротами, а далее местность была бугристая. Неприятель заметил и стал стрелять из орудий по этой лощине – выпустил он снарядов 40 подряд. Тут пришлось пострадать только 11-й роте. Не могу подробно описать сколько было у них раненных и убитых. 9-я и наша, 10-я, роты остались невредимы, до нас прилетали только осколки. Одним осколком прилетело прямо подпрапорщику – благодаря тому, что попало в шанцевую лопату, не смогло пробить. Артиллерия стреляла все время. В этой лощине были три хаты неподалеку. Снаряды разрывались прямо над этими хатами, и все три хаты сгорели от случившегося пожара. Тут подняли вольные (*здесь – гражданские*) жители крик, шум и рев.

Хлеба у нас у всех не было ни крошки – есть нам было нечего уже другой день. Мы тут назначили двух человек идти за хлебом и разыскать походную кухню. Когда артиллерия перестала стрелять, нам было приказано наступать. Мы стали наступать всем фронтом – неприятель отступил. День склонялся к вечеру. Мы остановились и заняли позиции, приказали окопаться. Нашей роте пришлось занять позиции в лесу; впереди нашей позиции была полянка. Когда мы окопались – назначили дозорных и связь с прочими ротами.

(Часть текста утеряна)

...Мы будем здесь. Наша рота расположилась тут на земле. Пошли мы пять человек в дозор, влево, в лес. Лес был невысокий: сосняк и березняк. Стали мы подниматься круто на бугор. Когда поднялись мы на бугор, то я разослал их влево и приказал им, чтобы они друг друга видели и не ухали, и дал условный знак свистеть, если когда [*надо*] остановиться или собраться ко мне. А я шел с правой стороны и несколько сзади их, наблюдая за ротой и не теряя [*ее*] из глаз. Тут видел я, что наша рота двинулась вперед и пошла по овражку в лесок. Мы шли несколько впереди роты, затем не стало видно нашей роты, потому что овраг был крутой. Я подал свист, чтобы собрались ко мне. Собрались и по шли ко своей роте. Пришли мы ко своей роте – они сидели на земле; и тут было только два взвода 3-й и 4-й, а первой полуроты тут не было – они остались сзади. Подпрапорщика тоже не было тут. Пришли мы, и я доложил взводному командиру о всем случившемся, и мы присели было к ним, но взводный командир нас послал в другой раз, дозорных, влево и приказал осмотреть [*местность*] впереди и слева. Мы пошли в другой

---

¹ Окоп для стрельбы из стрелкового оружия лежа.

раз и стали подыматься на гору. Поднялись мы на гору и прошли несколько шагов лесом; поднялась стрельба – стреляли с правой стороны: пули свистели, открыли с левой стороны огонь. С левой стороны стреляли неподалеку из пулемета. Я остановил дозорных и собрал к себе – хотели идти к своей роте. Рассуждали мы – с которой стороны находится неприятель, потому что с правой стороны, куда мы должны были идти, сказали нам, что эта гора занята неприятелем, а с левой стороны я знал, что остался неприятель. Местность влево была возвышенной, все выше и выше, поэтому с правой стороны пули летели через наши головы. С левой стороны тоже выше лес. Мы простояли каких-нибудь минуты три и хотели было идти к своей роте и вдруг видим: впереди нас по тропе идут два австрийца. Я командовал «стой», и взяли мы на изготовку, хотели стрелять, но вижу, что они передаются (*здесь – сдаются*), бросили винтовки и забормотали по своему что-то. Мы побежали к ним, стали отбирать у них патроны и вдруг слева прибежали к нам австрийцы, человек 10 и командовал один из них: «Бросай патроны!» Мы ничего не могли сделать – нас забрали самих. Нас было 5 человек, их стало 13; делать было нам нечего – пришлось сдаваться в плен...

(Продолжение следует)

**A. N. Kudryavtsev,
A. V. Sokolov**

**IN THE TRENCHES AND IN CAPTIVITY:
A SOLDIER'S DIARY OF THE FIRST WORLD WAR**

This publication presented to the First World War soldier's diary 130 Hersonskij infantry regiments sr. corporal N. D. Mursatov. The author tells the story of the mobilization, his way to the front, describes military action of november – beginning of december 1914. Particular interest are the descriptions of a soldier's life in the WWI beginning and describes territories of modern Ukraine and Poland.

Keywords: First World War, mobilization, war action, soldiers mode of life, traces of war.

ХРОНИКА

ПЯТОЕ ЗАСЕДАНИЕ КОМИССИИ ИСТОРИКОВ РОССИИ И СЛОВАКИИ. МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РОССИЯ (СОВЕТСКИЙ СОЮЗ) И СЛОВАКИЯ НА ОБЩИХ ПЕРЕКРЕСТКАХ ИСТОРИИ»

По решению участников четвертого заседания Комиссии историков России и Словакии, состоявшегося в Москве 16–18 октября 2012 г., очередное заседание двусторонней Комиссии должно было пройти в 2014 г. в Словацкой Республике¹. В итоге местом проведения мероприятия стал Музей Словацкого национального восстания (СНВ) в г. Банска-Бистрица в центральной Словакии. По сложившейся традиции заседание было организовано в форме международной научной конференции. Учитывая то, что российско-словацкая встреча историков стала одним из мероприятий в рамках общегосударственного празднования 70-летней годовщины СНВ, конференция получила название «Россия (Советский Союз) и Словакия на общих перекрестках истории».

Торжественное открытие конференции состоялось утром 27 августа. Свои напутствия участникам мероприятия поочередно высказали директор музея *д-р Станислав Мичев*, его заместитель *Вера Ковачова*, а также секретарь словацкой части Комиссии *д-р Даниела Кодаева* (Институт истории САН).

С первым научным докладом выступила заместитель председателя российской части Комиссии *д-р ист. наук Э. Г. Задорожнюк* (ИСл РАН), которая осветила тему «Т. Г. Шевченко в Словакии: история и специфика неполной рецепции. К 200-летию со дня рождения поэта». Не меньшее внимание участников конференции вызвал доклад *д-р ист. наук Г. В. Рокиной* (Марийский гос. университет, Йошкар-Ола), посвященный личному врачу Л. Н. Толстого словаку Душану Маковицкому. Однако магистральной тематикой первого конференционного дня, несомненно, стало пребывание словаков и чехов в России в период Первой мировой и Гражданской войн. Так, *д-р ист. наук Е. П. Серапионова* (ИСл РАН) осветила вопрос о роли словаков в Чешско-Словацком корпусе. Словацкий исследователь *д-р Фердинанд Врабел* (Фонд М.-Р. Штефаника, Институт политических наук САН) познакомил присутствующих с анализом изменений в оценках чехословацких легионеров в 1914–1915 гг. в российской историографии. Присутствующие оценили качественно подготовленную видеопрезентацию Ф. Врабела. Молодые историки *Юрай Бабьяк* и *д-р Михал Кишнян* (Институт истории САН) выступили с совместным

---

¹ Подробнее о заседании 2012 г. см.: *Дронов М. Ю.* Четвертое заседание Комиссии историков России и Словакии. Международная научная конференция «Социальные последствия войн и конфликтов XX века: историческая память» // Словакия. 2012. № 1. С. 12–17; Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2013. № 2. С. 126–129; Славянский альманах. 2012. М., 2013. С. 492–495.

докладом «М.-Р. Штефаник – харизматический вождь или диктатор? Деятельность М.-Р. Штефаника в Сибири в 1918–1919 гг. и ее отражение в литературе». Заместитель председателя словацкой части Комиссии, директор Института истории философского факультета Прешовского университета *доцент, канд. наук Любича Гарбулева*, автор монографии о сибирском автономизме, осветила тему «Чехословацкие легионы и внутривосточное развитие в Сибири в 1918–1919 гг.». В свою очередь, исследователь из Чехии *проф. Ярослав Вацулик* (Университет им. Т. Г. Масарика, Брно) рассказал об основателях Чешской дружины в России Вацлаве Вондраке и Венцеславе Швиговском.

По окончании рассмотрения легионерской тематики участники конференции обратились к принципиально иным сюжетам. Так, *д-р Юрай Бенко* (Ин-т истории САН) выступил с докладом «Советская Россия как образец. Отображение официальной политики России в словацкой периодике левого блока в первой половине XX века». *Д-р Петер Сараз* представил хорошо аргументированный источниками взгляд на советско-чехословацкое сотрудничество в годы гражданской войны в Испании (1936–1939 гг.). Ученый секретарь российской части Комиссии русинист *канд. ист. наук М. Ю. Дронов* (Ин-т славяноведения РАН) поделился собственными размышлениями о русско-русинских контактах в XX столетии, представив их в качестве катализатора национального самосознания южнокарпатских русинов. Заключительным научным докладом первого конференционного дня стало выступление Д. Кодаевой «Тонкая грань между политическими идеалами и политическим преследованием. Великая война в семейной памяти (пример семьи Драгомиры Кардошовой-Крижковой)».

После окончания очередной дискуссии по прозвучавшим докладам состоялось рабочее обсуждение актуальных задач Комиссии историков России и Словакии. В результате был подготовлен протокол заседания Комиссии в двух языковых версиях. В частности, российские и словацкие историки наметили издание сборника статей по материалам конференции, которое должен осуществить Музей СНВ совместно со словацкой частью Комиссии в 2015 г. Следующее заседание Комиссии запланировано на 2016 г. в Москве или Йошкар-Оле. Оно должно пройти в форме международной научной конференции «Русские и словаки в исторической ретроспективе: культура, политика и историческая память». Также было одобрено предложение *проф., к. н. Мирослава Даниша* (философский факультет Университета Я.-А. Коменского) об издании документов по истории русско-словацких связей. В ближайшие три года члены Комиссии должны будут провести необходимую для этого подготовительную работу. Обсуждались и более поздние перспективы. Так, присутствующие приняли предварительное предложение провести седьмое заседание Комиссии в 2018 г. в восточнословацком г. Прешове. При этом вспоминали положительный опыт советско-чехословацкой комиссии историков, мероприятия которой проводились в самых разных уголках СССР и Чехословакии¹.

---

¹ Подробнее о деятельности данной Комиссии см.: *Марьина В. В.* Советско-чехословацкая комиссия историков. Деятельность на фоне общественно-политических перемен в СССР и ЧССР (конец 60-х – 80-е годы XX века). М., 2014; *Русские и словаки в XIX–XX вв.: контакты, взаимодействие, стереотипы.* М.; Йошкар-Ола, 2007.

Утром 28 августа состоялось подписание официального протокола об актуальных задачах комиссии. После этого конференция продолжила свою обычную работу. Первым прозвучал доклад *Карола Фремала* (Университет им. Матея Бела, Банска-Бистрица) «Участие граждан бывшего Советского Союза в Сопростивлении и Словацком национальном восстании». *Вера Ковачова* осветила советско-чехословацкие дипломатические отношения в 1939–1941 гг. Повышенный интерес вызвал доклад «Словацкие солдаты в войне против Советского Союза (1941–1944 гг.)», сделанный *д-ром Павлом Мичьяником* из Университета им. Матея Бела. Кроме прочего, П. Мичьяник продемонстрировал присутствующим целый ряд редких фотодокументов о пребывании словаков на территории СССР. Сотрудница Центрального музея Великой Отечественной войны *С. И. Горбунова* сделала доклад «Освободительная миссия Красной армии и особенности освобождения Словакии», подготовленный ею в соавторстве с директором музея *В. И. Заборовским*. Сообщение *д-ра Станислава Мичева* касалось освещения в повстанческой периодике продвижения советских войск. *Н. В. Волостнова* (исторический факультет МГУ) рассказала об устных свидетельствах о СНВ. В докладе *полковника д-ра Йозефа Бистрицкого* была затронута проблематика взаимоотношения советско-германского фронта и СНВ в словацкой историографии после 1990 года.

В рамках послеобеденной сессии прозвучало три разноплановых научных выступления. Так, председатель российской части Комиссии *чл.-корр., д-р ист. наук Л. П. Репина* выступила с теоретическим докладом «Историческое событие: от факта к символу». Аспирантка *Милада Якубецова* осветила историю международного космического проекта «Интеркосмос», представив его как «точку пересечения русской и словацкой (чехословацкой) истории». В заключение литературовед *канд. филол. наук Л. Ф. Широкова* (ИСл РАН) сравнила образы человека XX столетия в современной словацкой и русской прозе.

После завершающей дискуссии *Л. П. Репина* кратко подвела итоги конференции, подчеркнув значимость обсуждавшихся проблем и удачность места ее проведения. Последним пунктом научной программы стала презентация сборника статей «Социальные последствия войн и конфликтов XX века: историческая память» (М.; СПб., 2014. 340 с.), которую провели его ответственный редактор *Е. П. Сперационова* вместе с членами редколлегии *М. Ю. Дроновым* и *Э. Г. Задорожнюк*.

Вечером и на следующий день, 29 августа, оставшиеся в Банска-Бистрице члены Комиссии приняли участие в целом ряде праздничных мероприятий по случаю 70-летней годовщины СНВ.

Думается, что благодаря профессиональной организации Музея СНВ банскабистрицкое заседание Комиссии историков России и Словакии получилось интересным научным мероприятием, которое надолго запомнится его участникам.

М. Ю. Дронов

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА НА ЕВРАЗИЙСКОМ КОНТИНЕНТЕ
В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ»**

2–3 сентября 2014 г. в селе Мошовце Жилинского края Словацкой Республики состоялась международная научная конференция, посвященная русской, советской и российской политике в Евразии. Место и время были избраны не случайно. Мошовце – родина словацкого и чешского идеолога славянской взаимности Яна Коллара. А дата проведения конференции позволила присутствовать на ней участникам Пятого заседания Комиссии историков России и Словакии, прошедшего несколькими днями ранее в г. Банска-Бистрица¹. В качестве организатора мошовецкой конференции выступила кафедра всеобщей истории Философского факультета Университета им. Я.-А. Коменского (Братислава) во главе с ее заведующим – известным специалистом по словацко-русским связям *профессором, канд. наук Мирославом Данишем*.

Конференцию открыл М. Даниш, который тепло поприветствовал всех собравшихся, особо поблагодарив Посольство Российской Федерации в Словацкой Республике, проявившее интерес к инициативе братиславских историков. С приветственным словом также выступил почетный гость конференции – временный поверенный в делах России в Словакии *А. В. Шабанов*, подчеркнувший важность укрепления подобных контактов.

Все научные доклады были разделены на три панели, каждую из которых завершала дискуссия.

В рамках первой панели прозвучало 5 выступлений. Первым на правах ведущего выступил *М. Даниш*. В своем докладе он обстоятельно осветил взгляды русского священника и дипломата М. Ф. Раевского на роль славянства в контексте политики Российской империи. В рамках выступления Даниш представил свою новую публикацию – издание переписки Раевского со словаками². Экземпляр этой крайне ценной книги получил каждый участник конференции. Отечественная словакистка *профессор, д-р ист. наук Г. В. Рокина* (исторический факультет Марийского гос. университета) выступила с докладом «Словацкий вопрос в политике России второй половины XIX в.», в котором представила новые результаты своих многолетних архивных поисков. *Д-р Даниела Кодаева* (Институт истории САН) представила доклад «Восприятие русской политики в Словакии в период дуализма». Другой братиславский исследователь, *д-р Петер Подолан* (Университет им. Я.-А. Коменского), выступил с темой «Роль русских и России в средневропейском панславизме». Последним прозвучал доклад *д-ра Лукаша Рибара* (Университет им. Я.-А. Коменского). В отличие от других выступавших, молодой исследователь отошел от славянских сюжетов, уделив внимание евразийскому вектору российской политики. Свое выступление, сопровождавшееся видеопрезентацией,

¹ Информацию о пятом заседании Комиссии историков России и Словакии см. в данном томе.

² *Daniš M., Matula V. M. F. Rajeuskij a Slováci v 19. storočí / Acta historica Posoniensia XXIII. Bratislava, 2014. 304 s.* Соавтором М. Даниша явился один из авторитетнейших исследователей словацкого национального возрождения и русско-словацких связей д-ра наук Владимир Матула (1928–2011).

он озаглавил как «Туркменчайский и Гулустанский договоры, как исходная точка русско-персидского соперничества на Кавказе». В ходе интереснейшей дискуссии по прозвучавшим докладам развернулась аргументированная полемика о природе словацкого русофильства и интересов России в славянских странах.

Вторая конференционная панель была проведена в тот же день под модераторством *доцента, канд. наук Александра Рандина* (Университет им. Я.-А. Коменского). Первый прозвучавший доклад принадлежал коллеге А. Рандина по университету *доценту, канд. наук Ярмиле Бобоковой*, которая озаглавила свою тему как «Правительственный конституционализм в период Александра I». *Канд. ист. наук М. Ю. Дронов* (Институт славяноведения РАН) посвятил свое выступление судьбам проекта «большой русской нации» в XX столетии. *Доцент, д-р ист. наук Е. П. Серапионова* из того же института сделала доклад «Союз Чешско-словацких обществ и политика России в начале Первой мировой войны». Директор Института истории Прешовского университета *доцент, канд. наук Любица Гарбулева* подробно осветила тему «Основание и деятельность дипломатической миссии Белой России в Чехословакии». Последнее выступление *д-ра Евы Шкорванковой* (Университет им. Я.-А. Коменского) касалось чехословацко-советских отношений в 1930-е гг. и их восприятия в среде словаков в Югославии.

На следующий день, 3 сентября, конференция продолжила свою работу. Модератором третьего, заключительного, рабочего блока выступила Л. Гарбулева. Всеобщее внимание привлекло сообщение *А. Рандина* «Советская политика и Словацкое государство в 1939–1945 гг.». Молодой историк *Матей Иванчик* (Университет им. Я.-А. Коменского) сделал доклад о так называемой «большой игре» и британских стереотипах российской политики на Балканах. Познавательным как для словацких, так и для российских участников конференции стало выступление *Доминики Фификовой* из того же университета «Советизация азербайджанской культуры в XX столетии». Последний научный доклад принадлежал российско-белорусскому исследователю «этноинженерии» в Центральной и Восточной Европе *профессору, д-ру ист. наук К. В. Шевченко* (Филиал Российского гос. социального университета в г. Минске). Ученый на многочисленных примерах проанализировал политизацию этнологии в нашей стране в годы перестройки и в постсоветский период. Панель завершила длительная конструктивная дискуссия, плавно перетекшая в итоговую дискуссию по всем докладам конференции.

С заключительным словом выступил М. Даниш, который поблагодарил участников и спонсоров конференции «Российская политика на евразийском континенте в современной истории», выразив надежду, что это далеко не последнее подобное мероприятие в Мошовце. Так, в 2015 г. здесь должна будет пройти конференция под рабочим названием «Славянский мир: прошлое, настоящее, будущее».

По материалам прошедшей конференции кафедра всеобщей истории философского факультета Университета им. Я.-А. Коменского планирует выпустить научный сборник, в котором на языке оригинала будут опубликованы все присланные тексты прозвучавших докладов.

От лица российских участников конференции хочется искренне поблагодарить хозяев за прекрасную организацию описанного мероприятия.

М. Ю. Дронов

**МЕРОПРИЯТИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В Г. ЙОШКАР-ОЛЕ, ПОСВЯЩЕННЫЕ 100-ЛЕТИЮ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

По инициативе Представительства Министерства иностранных дел Российской Федерации в г. Йошкар-Оле был проведен ряд мероприятий, посвященных 100-летию начала Первой мировой войны:

В рамках ежегодного конкурса творческих работ среди учащихся средних образовательных учреждений Республики Марий Эл, проводимого Представительством по случаю Дня дипломатического работника (10 февраля) одна из тем конкурса была посвящена 100-летию начала Первой мировой войны: «Первый военный конфликт мирового масштаба». По данной теме учащимися школ республики на конкурс было представлено около 50 работ. Школьники младших и старших классов раскрыли тему в виде презентаций, сочинений, поэтических произведений на русском, английском и французском языках. Младшие школьники подали на конкурс много интересных художественных работ.

Одной из лучших работ конкурса авторитетным жюри была признана работа ученика средней школы № 3 г. Козьмодемьянска Ивана Вагина, посвященная его прадеду, воевавшему на фронтах Первой мировой войны и попавшему в немецкий плен. И. Вагин был награжден специальным призом Представителя МИД России в г. Йошкар-Оле за «патриотизм, интерес к истории России и сохранение семейных традиций». Участники конкурса получили сертификаты Представительства, победители были отмечены дипломами и ценными подарками.

В Национальной библиотеке им. С. Г. Чавайна состоялось открытие выставки документов Архива внешней политики Российской империи «Роль российской дипломатии в Первой мировой войне». В церемонии открытия выставки приняли участие Представитель МИД России в г. Йошкар-Оле, преподаватели и студенты Марийского государственного университета, сотрудники Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В. М. Васильева, Национальной библиотеки им. С. Г. Чавайна, журналисты. Представленные на выставке копии архивных документов отражали особенности дипломатической деятельности Российской империи накануне и на начальном этапе Первой мировой войны: регулярные секретные телеграммы и донесения с описанием военных действий и оценкой ситуации, текущая дипломатическая информация о состоянии отношений русских войск с войсками союзнических государств, доклады Министра иностранных дел России С. Д. Сазонова императору Николаю II с визами императора и другое. Копии документов из Архива внешней политики России были подарены Национальной библиотеке, в дальнейшем они могут стать важными источниками для студентов исторического факультета в их исследовательской научной работе.

М. Н. Кушакова

**«ДОСТОИН БУДЬ ОТЦА И ДЕДА»:
ШКОЛЬНИКИ ЙОШКАР-ОЛИНСКОГО ЛИЦЕЯ ИМ. Т. И. АЛЕКСАНДРОВОЙ
О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ**

Война – самое ужасное испытание, которое может выпасть на долю человека. Война учит нас понимать истинную ценность жизни. 1 августа 2014 года исполнилось 100 лет со дня начала одной из самых кровопролитных войн в истории человечества, события, которое потрясло сознание народа и отчасти обусловило ход дальнейшей сложной и трагической истории XX века.

В последнее время в России все больше говорят о возвращении дореволюционных военных традиций. Пришло время собирать камни. Истину невозможно уничтожить, она, как тоненький стебелек, пробивающийся сквозь асфальт, рано или поздно прорывает временные толщи забвения. В наши дни наметилась тенденция к переосмыслению событий Первой мировой и ее последствий. Все большее внимание в изучении данной эпохи уделяется не только цифрам и фактам, но и «миру Человека», его бытовой повседневности.

Данная проблематика вписывается в общий культурно-антропологический подход к изучению истории в школе. В проекте историко-культурного стандарта подготовки нового учебника по истории России особое место уделено изучению личности в истории, «причем не только через изучение биографий выдающихся людей, но и через постижение перипетий «рядовых граждан», сквозь судьбы которых могут быть показаны социальные и политические процессы» [1]. Работа в системе «Подход к преподаванию через мировосприятие человека: реконструкция социально-исторического образа», позволяет реализовать вышеизложенные положения на практике¹.

Воспринять, зримо ощутить и образно воссоздать события и явления развития общества можно лишь на основе понимания исторически конкретного человека, его внутреннего мира, поступков, окружающих его бытовых условий и культурной среды. Задача учителя, на наш взгляд, – организовать и направить ученика, предложить такие формы и методы деятельности, которые оптимизировали бы его когнитивный потенциал. Поисковая, исследовательская деятельность способствует активизации познавательной активности учащихся.

В год 100-летия «Великой войны» члены клуба «Полюмист» Йошкар-Олинского лицея им. Т. И. Александровой предприняли попытку внести свою лепту в возвращение исторической памяти о событиях и героях тех лет. Ребята попытались взглянуть на проблему «Человек на войне» изнутри – глазами современника времен Первой мировой войны.

Война не ограничивается действиями на передовой. Пленные солдаты оказываются в тылу врага и живут по особому порядку. К сожалению, создание и укрепление авторитета международных правозащитных организаций и развитие гуманитарного права в настоящее время не гарантируют военнопленным беспрекословное осуществление государствами взятых на себя обязательств.

---

¹ Методическая система учителя истории и обществознания, руководителя клуба «Полюмист» лицея № 11 Т. П. Богатырёвой.

Военные конфликты сопровождают человечество на протяжении всей его истории, и потому проблемы соблюдения правил ведения войны и реализации прав участников военных действий существовали всегда. Известно, что полководцы А. В. Суворов и М. И. Кутузов всегда стремились воспитывать у российской армии гуманное отношение к пленным. Правила обращения с военнопленными были определены во второй главе Приложения к конвенции «О законах и обычаях сухопутной войны», принятой еще в 1907 году в Гааге [2].

Первая мировая война предельно остро поставила перед человечеством все ту же проблему. Проблему соблюдения прав человека в военное время. Так у членов клуба «Полемист» оформилась идея работы над проектом «Война и человеколюбие».

В Государственном архиве Республики Марий Эл сохранилось значительное число документов, связанных с данной проблемой. В процессе работы с архивными документами было изучено и проанализировано содержание фонда № 79, дела № 137а под названием «Циркуляры Главного управления Генерального штаба Казанского военного округа. Списки военнопленных офицеров, низших чинов австрийской армии, взятых в плен в войне 1914–1916 годов» на 619 листах. Собранный материал был рассмотрен в рамках четырех тем:

1. Правила содержания военнопленных.
2. Взаимодействие с организациями на международном уровне.
3. Контакты с организацией «Красный Крест».
4. Санитарные условия.

Анализ архивных документов Первой мировой войны на территории Казанской губернии и непосредственно в уездном Царевококшайске подтвердил гипотезу: гуманное отношение к пленным вполне возможно реализовать, если соблюдать международное право и руководствоваться принципом человеколюбия.

Данный исследовательский проект занял первое место на очном этапе конкурса «Первая мировая война», который проводился в рамках муниципального военно-патриотического проекта «Достоин будь отца и деда», организованного МБУК «Музей истории города Йошкар-Олы» при поддержке Управления культуры администрации городского округа «Город Йошкар-Ола» (ноябрь – декабрь 2014 г.). Подобного рода мероприятия способствуют вовлечению учащихся в научно-исследовательскую и поисковую деятельность, формированию личности гражданина и патриота России с присущими ему ценностями, взглядами, мотивами деятельности и поведения, повышению общего культурного уровня и раскрытию творческого личностного потенциала.

Мнение участницы проекта, ученицы 11 класса Йошкар-Олинского лицея им. Т. И. Александровой Марины Шалаевой:

«Работа с архивными документами – это, прежде всего большой опыт. Я раньше никогда не занималась подобной деятельностью. Наш проект «Война и человеколюбие» – это не доклад из Интернета, здесь каждая строчка «пропущена через себя», нет пустых знаков, каждое слово тщательно выверено и продумано, а поэтому для меня ценность и роль его становится особенно значимой. Участие в проекте дало мне возможность окунуться в историю, понять, что такое «исторический источник». Работа оказалась очень непростой

и непривычной: мы «переводили» неразборчивость почерка, перепечатывали, анализировали, сопоставляли и делали выводы. Прикасаться руками к документам 100-летней давности, где за строками – судьба Человека... это нелегко, незабываемо. Трудно выразить все чувства словами. Перед нами «приоткрылась завеса тайны» одной из значимых страниц истории России. Я не только расширила свои познания по истории России, но и смогла лучше понять ту эпоху, почувствовать на себе «состояние Человека» тех лет. Гордость за своих соотечественников выросла в десятки раз. Это мой первый опыт участия в таком большом проекте. Я считаю, что каждый человек хотя бы раз в жизни должен попробовать сделать что-то подобное, по-моему, такая работа и формирует в нас человеколюбие».

Т. П. Богатырёва

Библиография

1. Историко-культурный стандарт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://idc.ulstu.ru/ipk/His061014001.pdf>
2. Конвенция «О законах и обычаях сухопутной войны», Положения о законах и обычаях сухопутной войны. Отдел 1 «О воюющих». Глава II «О военнопленных». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/hague-convention-iv-181007.htm>

**РОССИЙСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
В УСЛОВИЯХ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ВЫЗОВОВ
(V АРСЕНТЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ)**

Чебоксары, 15–16 октября 2014 года

15–16 октября 2014 года в Чувашском государственном университете им. И. Н. Ульянова состоялась Всероссийская научная конференция «Российская интеллигенция в условиях цивилизационных вызовов» (V Арсентьевские чтения), посвященная 60-летию со дня рождения А. В. Арсентьевой. Организаторами этого мероприятия выступили кафедра зарубежной истории и культуры Чувашского государственного университета и Чебоксарское отделение Российской общества интеллектуальной истории. Проведение конференции было поддержано грантом РГНФ.

Анна Васильевна Арсентьева (1954–2007) – выдающийся историк и общественный деятель, жизнь которой была тесно связана с Чувашским государственным университетом и Чувашской республикой. После окончания аспирантуры в Ленинградском университете она посвятила себя Чувашскому университету: с 1983 по 1985 – зам. заведующего подготовительным отделением; с 1985 по 1991 – зам. декана историко-филологического факультета; с 1991 по 1998 – декан исторического факультета; с 1993 по 1995 – директор гимназии для одаренных детей при университете; с 1994 по 2000 – директор Гуманитарного института ЧГУ; с 1998 по 2007 – проректор по учебной работе университета; с 2000 по 2007 – зав. кафедрой средневековой и новой истории Отечества.

Конференцию открыл декан историко-географического факультета ЧГУ, доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежной истории и культуры, О. Н. Широков. Он отметил, что конференция, объединившая многих видных ученых из России, Украины, Казахстана, представляет собой, по сути, мероприятие, призванное продемонстрировать значимость научного творчества и общественной деятельности Анны Васильевны, с именем которой связано становление в Чувашском университете интеллектуального сообщества ученых-историков.

С приветственным словом к участникам конференции и всем собравшимся обратился ректор Чувашского государственного университета А. Ю. Александров, пожелавший плодотворного обмена научными достижениями.

С приветственным словом к участникам и гостям конференции обратилась также заместитель директора ИВИ РАН, член-корреспондент АН РФ, Президент Российского общества интеллектуальной истории Л. П. Репина. Она отметила значимость памяти об Анне Васильевне для сохранения традиций интеллектуального сообщества в Чувашском государственном университете.

На пленарном заседании прозвучали доклады Л. П. Репиной «Историческая наука, исследовательские практики российских историков и перспективы «публичной истории», Т. Н. Ивановой, зав. кафедрой зарубежной истории и культуры ЧГУ «Настоящий интеллигент»: научно-педагогическая и общественно-просветительская деятельность А. В. Арсентьевой (к 60-летия со дня рождения)», Р. А. Идрисова, доцента кафедры зарубежной истории и культуры ЧГУ «Проблема самоидентификации постсоветской интеллигенции». Доклады вызвали большой

интерес у участников конференции и задали вектор для дальнейшей работы на секционных заседаниях.

Работа конференции была продолжена на заседании шести секций: «Немеркнущие имена: круглый стол, посвященный памяти проф. А. В. Арсентьевой (к 60-летию со дня рождения)», «Проблемы российской интеллигенции в зеркале современного интеллигентоведения», «Интеллигенция в условия цивилизационных вызовов: историческая ретроспектива», «Идеалы, ценности и деятельность интеллигенции в ее личностных измерениях», «Педагогическая интеллигенция: проблемы трансляции знаний и университетские традиции», «Интеллектуальная история и новые исследовательские практики».

Круглый стол, посвященный памяти А. В. Арсентьевой, собрал ее близких, друзей, коллег, единомышленников, учеников. Обсуждение на круглом столе показало, что потенциал, заданный А. В. Арсентьевой, талантливым педагогом, ученым, наставником, востребован не только в Чувашском университете, но и во всем российском образовательном пространстве.

Секция «Проблемы российской интеллигенции в зеркале современного интеллигентоведения» сосредоточила свое внимание на проблемах роли российской интеллигенции в становлении и развитии России (Н. В. Алексеев), особенностей взаимодействия интеллигенции и власти (С. В. Алексеев), коррупционного потенциала общества (И. Л. Грошев), роли интеллигенции в формировании деструктивных факторов в российском менталитете (Ю. С. Обидина).

Участники секции «Интеллигенция в условия цивилизационных вызовов: историческая ретроспектива» обсуждали роль национальной интеллигенции в исторической ретроспективе (П. Н. Матюшин, С. В. Лежнина), а также взаимодействие научной интеллигенции и власти (Н. В. Гришина, А. А. Ярыгин).

Секция «Идеалы, ценности и деятельность интеллигенции в ее личностных измерениях» собрала исследователей персоналий российских интеллектуалов: ученых, учителей, общественных и государственных деятелей. Большое внимание уделялось историческому пути России в дискурсивных практиках российских интеллектуалов (Г. П. Мягков, О. В. Воробьева).

В ходе работы секции «Педагогическая интеллигенция: проблемы трансляции знаний и университетские традиции» обсуждались проблемы исследовательских, коммуникативных, поведенческих стратегий и практик отдельных ученых, педагогов и научных сообществ в различных исторических и социокультурных контекстах, опыт подготовки и механизмы становления молодых кадров. Большое внимание уделялось традициям и новациям в преподавании (Г. В. Рокина), реализации компетентностного подхода (О. В. Сеницын).

Секция «Интеллектуальная история и новые исследовательские практики» уделила особое внимание способам и принципам репрезентации прошлого в науке, образовании, исторической памяти, проблемам востребованности истории в современном российском обществе.

Участники конференции обсудили также актуальные проблемы исторического знания, с позиций интеллектуальной истории обратились к научной жизни ученых-историков, в полемическом ключе обсудили положение современной интеллигенции в России. Несмотря на широту проблематики, в докладах и выступлениях участников конференции был поднят комплекс взаимосвязанных проблем.

Конференция прошла в формате конструктивного диалога, в атмосфере заинтересованного обсуждения и не оставила равнодушными ни серьезных состоявшихся исследователей, ни студентов, магистров и аспирантов, которые еще только вступают на этот трудный, но при этом благородный и увлекательный путь.

Подведение итогов конференции вылилось в бурную научную дискуссию, показавшую непреходящую актуальность проблем, связанных с ролью интеллигенции в России различных эпох и ее особенной ролью сегодня.

К началу работы конференции был издан сборник научных материалов «Российская интеллигенция в условиях цивилизационных вызовов (V Арсентьевские чтения)».

Ю. С. Обидина

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Богатырева Татьяна Петровна – учитель истории и обществознания высшей категории Лицея №11 им. Т. И. Александровой г. Йошкар-Олы, руководитель клуба «Полюс», ladyastrid@mail.ru

Бойко Софья Ивановна – кандидат исторических наук, ассистент кафедры теории и истории государства и права Чебоксарского кооперативного института Российского университета кооперации, boyko2003@yandex.ru

Герасимов Олег Михайлович – доктор искусствоведения, профессор кафедры культуры и искусств Марийского государственного университета, olgermar@mail.ru

Даниш Мирослав – профессор кафедры всеобщей истории Университета им. Я. А. Коменского (Словацкая Республика), danis@fphil.uniba.sk

Дронов Михаил Юрьевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН, mikhaildronov@rambler.ru

Комелина Любовь Николаевна – главный хранитель фондов Музея истории города Йошкар-Олы, muzeiyola@gmail.com

Кудрявцев Алексей Николаевич – младший научный сотрудник МарНИИ им. В. М. Васильева, alterloki@rambler.ru

Кушакова Марина Леонидовна – ведущий специалист-эксперт Представительства МИД России в Йошкар-Оле mari-el@mid.ru

Лукиных Надежда Аркадьевна – заместитель директора Государственного архива Республики Марий Эл, lukinykh.nadezhda@mail.ru

Обидина Юлия Сергеевна – доктор философских наук, профессор кафедры всеобщей истории Марийского государственного университета, basiley@mail.ru

Попова Екатерина Александровна – главный специалист отдела использования и публикации документов Государственного архива Республики Марий Эл,

Полушина Лариса Витальевна – представитель МИД России в Йошкар-Оле mari-el@mid.ru

Пушкарёва Наталия Львовна – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра этногендерных исследований Института этнологии и антропологии РАН, <http://www.pushkareva.info/>

Рокина Галина Викторовна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Марийского государственного университета, galina@rokina.ru

Серационова Елена Павловна – доктор исторических наук, заведующая отделом Института славяноведения РАН, профессор МГИМО (Университета) МИД РФ, serapion@hovrino.net

Соколов Александр Владимирович, старший научный сотрудник Центра археолого-этнографических исследований МарГУ

Шандра Антон Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, shandra83@rambler.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ	7
<i>Л. В. Полушина</i> Дипломатические усилия России накануне Первой мировой войны	7
<i>Е. П. Серапионова</i> Начало Первой мировой войны, чешское общество и его политические лидеры	16
<i>С. И. Бойко</i> Казанское губернское жандармское управление в годы Первой мировой войны: о некоторых новых направлениях деятельности	26
<i>М. Даниш</i> Участие словаков в чехословацких легионах Первой мировой войны	35
<i>Г. В. Рокина</i> Словаки и толстовский пацифизм в период Первой мировой войны	48
<i>О. В. Терехина</i> «Трудный выбор» чешского солдата на страницах российской прессы и популярной литературы 1914–1917 годов	56
<i>А. В. Шандра</i> Ближневосточный регион во внешней политике Великобритании на завершающем этапе Первой мировой войны	61
<i>О. М. Герасимов</i> Отголоски первой мировой	72
<i>Н. А. Лукиных, Е. А. Попова</i> Уездный Царевококшайск в годы Первой мировой войны (по материалам Государственного архива Республики Марий Эл)	92
ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ	103
<i>Н. Л. Пушкарёва</i> Материнство как социобиологическое явление: психология, философия, история	103
<i>Ю. С. Обидина</i> Женские образы в комедиях Аристофана: источниковедческая перспектива и воображаемый реализм	119
ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ	126
<i>Л. Н. Комелина</i> Первая мировая война и город Царевококшайск (по материалам Музея истории города Йошкар-Олы)	126
<i>А. Н. Кудрявцев, А. В. Соколов</i> В окопах и в плену: солдатский дневник времен Первой мировой войны	136
ХРОНИКА	153
Пятое заседание Комиссии историков России и Словакии. Международная научная конференция «Россия (Советский Союз) и Словакия на общих перекрестках истории»	153
Международная научная конференция «Российская политика на евразийском континенте в современной истории»	156
Мероприятия Представительства Министерства иностранных дел Российской Федерации в г. Йошкар-Оле, посвященные 100-летию Первой мировой войны	158
«Достоин будь отца и деда»: школьники Йошкар-Олинского лицея им. Т. И. Александровой о Первой мировой войне	159
Российская интеллигенция в условиях цивилизационных вызовов (V Арсентьевские чтения) Чебоксары, 15–16 октября 2014 года	162
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	165

CONTENTS

FOREWORD.....	5
ARTICLES AND POSTS.....	7
<i>L. V. Polushina</i> The diplomatic efforts of the Russia on the eve of the First World War.....	7
<i>E. P. Serapionova</i> The beginning of world war i, czech society and its political Leaders.....	16
<i>S. I. Boyko</i> The Kazan`s gendarmerie during the First World War: some of the new directions of activity.....	26
<i>M. Danish</i> The participation of Slovaks in the Czechoslovak Legions of the First World War	35
<i>G.V. Rokina</i> The Slovakia and Tolstoy's pacifism during the World War I.....	48
<i>O. V. Terekhina</i> "Tough choices" of the czech soldier in the russian press and popular literature of 1914–1917	56
<i>A. V. Shandra</i> The Middle East region in the foreign policy of Great Britain in the final Stages First World War	61
<i>O. M. Gerasimov</i> Echoes of the first world... [Echoes of the first world war]	72
<i>N.A. Lukinysh E. A. Popova</i> Tsarevokokshaisk county in the World War I (according to the State Archives Mari El Republic)	92
GENDER STUDIES IN THE HUMANITIES	103
<i>N. L. Pushkareva</i> Motherhood as a socio-biological phenomena: Psychology, philosophy, history	103
<i>Y. S. Obidina</i> Female characters in the Comedies of Aristophanes: source materials Perspective and visionary Realism	119
PUBLICATION OF DOCUMENTS AND MATERIALS	126
<i>L. N. Komelina</i> The First World War and the city Tsarevokokshaisk (according to the Museum of History of Yoshkar-Ola).....	126
<i>A. N. Kudryavtsev, A. V. Sokolov</i> In the trenches and in captivity: a soldier's diary of the First World War	136
CHRONICLE	153
The fifth meeting of the Commission of Historians of Russia and Slovakia. International scientific conference "Russia (Soviet Union) and Slovakia to the general Crossroads of History".....	153
International Scientific Conference "Russia's policy on the Eurasian continent in modern history".....	156
Events Representative of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation in Yoshkar-Ola, dedicated to the 100th anniversary of the First World War	158
"Worthy is whether his father and grandfather": Students Yoshkar-Ola Lyceum them. T. I. Alexandrova of the First World War	159
The Russian intelligentsia in a civilizational challenge (V Arsenievskie reading) Cheboksary, 15–16 October 2014.....	162
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	165

ЗАПАД–ВОСТОК

7/2014

Главный редактор

Галина Викторовна РОКИНА

Адрес редакции:

424000, г. Йошкар-Ола, ул. Пушкина, 30, к.313

Web-страница: <http://www.marsu.ru/nauka/zapad-vostok>

Электронная почта: galina@rokina.ru

Компьютерная верстка

О. Б. Земцова

Дизайн обложки

О. Б. Земцова

Тем. план 2014 г. № 130.

Подписано в печать 23.01.2015 г. Формат 60×84/8.

Усл.-печ. л. 19,53. Уч.-изд. л. 13,02. Тираж 300. Заказ № 3476.

Оригинал-макет подготовлен к печати в лаборатории этно-гендерных исследований
и отпечатан в ООП ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет».

424001, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 1.

ISSN 2227-6874